

A woman with long brown hair, wearing a white top, lies on her back on a light-colored surface. She is holding an open book with both hands. From the pages of the book, various Cyrillic letters and symbols are falling out, scattered across the bottom of the frame. The background is a soft, hazy landscape with a tree on the right.

ДЖОН ХАРДИНГ

Флоренс
и
Джайлс

ДЖОН ХАРДИНГ

Флоренс
и
Джайлс

- [Джон Хардинг](#)
- [Флоренс и Джайлс](#)

•

- [АННОТАЦИЯ](#)
- [Джон Хардинг](#)
- [Флоренс и Джайлс](#)
- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)

•

•

•

•

•

•

•

•

•

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

-
-
-
-

- [БЛАГОДАРНОСТИ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Джон Хардинг

Флоренс и Джайлс

ДЖОН ХАРДИНГ

Флоренс
и
Джайлс

Название: Флоренс и Джайлс

Автор: Джон Хардинг

Год издания: 2012

Издательство: Рипол Классик

ISBN: 978-5-386-05161-7

Страниц: 384

Формат: fb2

АННОТАЦИЯ

Должна признаться, хотя, может, и не следовало бы, что для девочки моего возраста запас слов у меня весьма богатый. Но из-за того, что мой дядюшка — убежденный противник образования для женщин, я вынуждена скрывать свое красноречие, держать его под спудом, позволяя себе только простейшие, самые примитивные высказывания. Со временем скрытность стала моей второй натурой, а виной всему опасения, серьезнейшие опасения: заговори я вслух так, как думаю, все поймут, что я читаю книги, и тогда доступ в библиотеку для меня будет закрыт. А как я уже объясняла бедняжке мисс Уитекер (незадолго до ее трагической гибели на озере), такой кары я бы не смогла перенести...

Джон Хардинг

Флоренс и Джайлс

Посвящается Норе

ЛЕБЕДЬ

Я знаю, что тогда стоял апрель, но на душе
декабрь метет и злится,
Лишь вспомню, как из стылой водной тьмы
подняли ту израненную птицу.
На солнце оперение сияло, текла из клюва
черная вода.
Кричать хотелось, сердце разрывалось, когда
та птица на моих глазах
Прощалась с жизнью, тихо угасала, на встречу
с Господом плыла на небеса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Занимательная это история, доложу я вам, из тех историй, которые не так-то просто переварить и понять, поэтому большая удача, что мне хватает слов, чтобы ее изложить. Должна признаться, хотя, может, и не следовало бы, что для девочки моего возраста запас слов у меня весьма богатый. Чрезвычайно богатый, скажем прямо. Но из-за того, что мой дядюшка — убежденный противник образования для женщин, я вынуждена скрывать свое красноречие, держать его под спудом, позволяя себе только простейшие, самые примитивные высказывания. Со временем скрытность стала моей второй натурой, а виной всему опасения, серьезнейшие опасения: заговори я вслух так, как думаю, все поймут, что я читаю книги, и тогда доступ в библиотеку для меня будет закрыт. А как я уже объясняла бедняжке мисс Уитекер (незадолго до ее *трагибели* на озере), такой кары я бы не смогла перенести.

Блайт-хаус^[1] — громадное уродливое здание, мрачный каменный особняк с множеством комнат, таких просторных, что мой младший брат Джайлс — а он скор на ногу, чего не скажешь о его уме, — пробегает от стены до стены за три минуты, никак не меньше. Дом обветшалый, убогий и заброшенный из-за небрежения, нерадивости, а также скупости (мой дядюшка давно утратил к нему всякий интерес), дом отсыревший, гниющий, изъеденный жучком и ржавчиной, холодный и неприветливый, скудно освещенный, и оттого в нем полно темных уголков, так что даже мне — а ведь я живу в нем, сколько себя помню, — здесь порой бывает жутковато, особенно в сумерки ранними зимними вечерами.

У Блайт-хауса два сердца, горячее и холодное. Одно яркое, другое сумрачное, даже в самые солнечные дни. На кухне, где всегда пышет жаром очаг, заправляет веселая толстуха Мег, наша повариха, смешливая и вечно с руками по локоть в муке. За ней частенько приударяет камердинер Джон. Он хотел бы добиться поцелуя, но довольствуется и кусочком пышной сдобы. За соседней дверью девять месяцев в году трещит огонь в камине. Это рабочая комнатка нашей экономки. Миссис Граус почти всегда можно застать здесь: она или

шьет, сидя в кресле, или роется в ворохе бумаг, пытаюсь разобраться в них, чтобы, как она выражается, «понять, откуда же у них ноги растут», а потом, что кажется мне нелогичным, старается «свести в них концы с концами». Вот эти два помещения вместе и составляют первое сердце, горячее.

Сердце холодное (но не для меня, не для меня!) бьется в противоположной части дома. Никем не любимая и никем, кроме меня, не посещаемая, библиотека являет полную противоположность кухне: здесь не горит огонь, даже в знойные летние дни в ней царит прохлада, а зимой стоит пронизывающий холод, плотные шторы на окнах никогда не раскрывают, так что мне приходится воровать свечи, чтобы читать, а потом отскабливать с пола предательские капли. Длина библиотеки — сто четыре моих обутых ступни, а ширина — тридцать семь. Встань трое взрослых мужчин на плечи один другому и подними верхний руку, он с трудом дотянется до потолка. Каждый дюйм стен, кроме двери, зашторенных окон и подоконников, занят деревянными полками, и все они, от пола до потолка, плотно заставлены книгами.

Сюда не заходит прислуга, полы здесь не подметают, на них вообще не ступает нога человека, так к чему уборка? Полок тоже никто не касается, никто не двигает стремянку на колесах, со ступенек которой можно дотянуться до верхних полок. Книги на этих полках тщетно взывают, чтобы их полистали, вся комната — запыленный образчик запустения и пренебрежения.

Так было всегда (не считая эпохи гувернанток, но о ней позже), по крайней мере, так мне помнится, а я впервые попала сюда треть жизни назад, когда мне было восемь. Тогда у нас еще не было гувернантки, потому что образование считалось необходимым только для Джайлса, который младше меня почти на три года, а он был еще маловат для школы, да и для любой формы обучения. Поэтому мы были предоставлены себе. В один прекрасный день мы играли в прятки, тут-то я и толкнула незнакомую дверь, которая раньше всегда была заперта — или просто туго открывалась и потому не поддавалась мне до поры до времени. Я прошмыгнула в щель, чтобы спрятаться от брата, и обнаружила это удивительное сокровище — множество слов. Игра была забыта. Я бродила между полками, извлекая книгу за книгой, каждый раз чихая от поднятого облачка пыли. Конечно, я тогда еще не умела читать, но из-за этого они были еще притягательнее, все эти

тысячи — или скорее миллионы — шифрованных строчек с непонятными значками. Многие книги содержали иллюстрации, черно-белые гравюры и красочные, с огорчительно-непонятными подписями, каждая из которых возвещала мне, сколь жалок и беспомощен *пальцещупный* метод.

Позднее, получив выговор за то, что я так надолго пропала и миссис Граус пришлось всех отправить на розыски, даже *обмучнённую* Мег и Джона, я попросила ее научить меня читать. Библиотеку я по какому-то наитию упоминать не стала. Меня напугало, когда экономка, уставив на меня пытливым взглядом, произнесла:

— А ну-ка, барышня, признавайтесь, с чего такое странное желание?

Вопрос был из тех, на которые лучше не отвечать сразу: если просто молчать, взрослые обязательно перейдут к другой теме. Им не хватает детской *упрямчивости*. Миссис Граус глубоко вдохнула, а потом шумно выдохнула, так что получился тяжкий вздох:

— Правду сказать, мисс Флоренс, я не совсем уверена, как на это посмотрит ваш дядя. Мне слишком хорошо известны его взгляды на образование для молодых леди. Думаю, он ответит, что сейчас не время.

— Но, миссис Граус, ему не обязательно об этом знать. Я не скажу ни одной живой душе, а если он вдруг неожиданно приедет, суну книгу за спину и спрячу за подушки на кресле. Вы могли бы заниматься со мной в своей рабочей комнате. Даже слугам не нужно ничего говорить.

Она рассмеялась, а потом снова посерьезнела и сдвинула брови:

— Простите, мисс Флоренс. Я бы с радостью, правда, но это может стоить мне места. — Она растянула губы в улыбке, что бывало с ней часто. — Но вот что я вам скажу: я немного сэкономила, так что может хватить на новую куклу. Ну, юная леди, что вы на это скажете, нужна ли вам новая кукла?

Я высказалась в пользу новой куклы: всегда лучше притвориться, будто тебя удалось подкупить. Но ее отказ помочь несколько меня не обескуражил, напротив, только прибавил упрямства и решимости. Медленно, не без труда я стала учиться читать сама. Прокрадываясь на кухню, я воровала буквы из газет, которые читал Джон. Я показывала на какую-нибудь «с» или «б» и просила его произнести это вслух.

Однажды в библиотеке мне посчастливилось выудить с полки детский букварь, и вот так, по крохам и каплям, я постепенно подобрала ключ к шифру.

Так началась моя *украдчивая* жизнь. В те давние дни мы с Джайлсом жили вольно, нам почти все время разрешалось играть, как и где хотим. Ограничений установили всего два. Во-первых, нельзя подходить к старому колодцу, хотя тот все равно накрыт тяжелыми досками и завален камнями, слишком тяжелыми, чтобы мы могли их приподнять. Во-вторых, нам запрещалось приближаться к озеру, очень глубокому в некоторых местах. Что ж, взрослые вечно боятся того, что не представляет никакой опасности само по себе, если только не вмешается чья-то злая воля или не будет допущено преступное небрежение. Да, эти самые осторожные взрослые оказались удивительно беспечны, когда нам, детям, действительно грозила беда. И неудивительно, ведь они, в отличие от нас, хотя и тешат себя сказками о призраках и упырях, обитающих в доме, давным-давно перестали прислушиваться к необъяснимым шагам в темноте.

Отвлекаясь, скажу, что братец мой не слишком богато одарен талантами, но в одном на него можно положиться — он умеет хранить секреты. Когда я привела Джайлса в библиотеку, книги его мало увлекли, хотя цветные изображения птиц и бабочек могли занять на час-другой. Однако ему очень нравилось лазать вверх-вниз по стремянке, забираться на полки или прятаться за шторами, а еще он мог поиграть снаружи. Джайлсу можно было доверять: несмотря на юный возраст, он ни за что не побежал бы к озеру и не попался бы на глаза миссис Граус.

Я тем временем проводила часы за *книгочейством* и *страницеглотанием*, а поскольку мое отсутствие, в дневное время никому в глаза не бросавшееся, могло быть замечено вечером, спальня моя стала убежищем для тайком пронесенных книг. Когда Джайлсу исполнилось восемь лет и его отослали в школу, я целиком посвятила себя книгам, окончательно забросив все прочее. Я могла приходить и уходить, когда захочу; в этой части дома редко кто появлялся, так что я осмелела и не боялась, что кто-то увидит меня входящей в библиотеку или выходящей из нее, и не опасалась нарушить покой обитающей там пыли. Так я проглотила «Историю упадка и падения Римской империи» Гиббона, романы сэра Вальтера Скотта, Джейн Остин,

Диккенса, Тrolлопа, Джордж Элиот, стихи Лонгфелло, Уитмена, Китса, Вордсворта и Кольриджа, рассказы Эдгара Аллана По — все они там имелись. Но был один писатель, который затмил их всех. Шекспир, разумеется. Начала я с «Ромео и Джульетты», перешла к историческим хроникам и сама не заметила, как прочла все остальное. Я проливали слезы над королем Лиром, немного побаивалась Отелло и до ужаса страшилась Макбета. Гамлета я просто обожала. Сонеты заставляли меня рыдать. Помимо всего прочего, я влюбилась в пятистопный ямб — страсть не вполне обычная для одиннадцатилетней девочки.

Больше всего в Шекспире меня привлекало его вольное и непринужденное обращение со словами. Казалось, если ему не удавалось сразу подыскать нужное слово, чтобы выразить свою мысль, он его просто создавал. Он сочинял язык, как менестрель — песню. В этом отношении ни один писатель ему в подметки не годился. Когда я вырасту и сама стану писателем — а я знаю, что так и будет, — я надеюсь, что и сама смогу *нашекспирить* кое-какие слова. Собственно, я и сейчас уже иногда упражняюсь в этом.

Больше всего мне хотелось увидеть Шекспира на сцене, но отсюда до самого Нью-Йорка нет ни одного театра, отчего мое желание совершенно *обезнадеживалось*. Прошлым летом, незадолго до того, как Джайлса отправили в школу, к нам явились с визитом люди, жившие в доме по соседству, Ванхузеры. Оказалось, у них имеется сын, года на два постарше меня, единственное дитя, и им не хотелось, чтобы он скучал. Большую часть года они жили в Нью-Йорке, сюда же, за сотню миль, приезжали только на лето, спасаясь от зноя большого города. Молодого человека здесь некому было развлекать, и потому он очень обрадовался, обнаружив меня. *Печальноокий* молодой человек находился тут же, с ними, и не сводил с меня глаз.

После чая миссис Граус предложила мне показать Теодору озеро. Так неудачно сложилось, что Джайлс в тот день маялся головной болью и лежал в постели. Братец у меня настолько же болезненный, насколько я здорова, его хворей хватит на нас обоих, ну а мне некогда валяться без дела, столько всего нужно осмотреть и расследовать. Сейчас, когда Джайлса с нами не было, юный Ванхузер на время прогулки заполучил свободу действий. Он мне ужасно докучал, потому что ему вдруг пришло в голову поцеловать меня в щечку. У

меня такого желания вовсе не возникало, потому что, хотя я и была ненамного младше Джульетты, да только — вот беда! — юный Ванхузер несколько не напоминал Ромео: большая голова, круглые глаза навывкате, будто им тесно в глазницах. Словом, он скорее походил на гигантского жука. И еще: я высокая для своего возраста, но Теодор оказался даже еще выше и при этом вполовину худее. Он возвышался надо мной, как каланча, а я не выношу, когда на меня смотрят сверху вниз, так что он мне совсем не понравился.

Я опустилась на каменную скамью у озера, он было устроился *подсядышкой*, но я быстренько отодвинулась от гостя подальше — я так от него устала, что уже приготовилась вскочить и удрать. Однако тут он вскользь заметил — кажется, в ответ на то, что я упомянула Шекспира, — что видел в театре «Гамлета». Навострив уши, я выпрямилась и посмотрела на Теодора другими глазами. Что ж, по крайней мере, мальчишка не такой уж невежда, каким показался при первом знакомстве. Я почувствовала здесь какие-то новые возможности. Чтобы проверить, я предложила ему сделку. Так и быть, сказала я ему, я позволю поцеловать себя, если уж ему так хочется, но с одним условием: он должен написать любовное стихотворение.

Теодор извлек блокнот и карандаш и прямо сразу, не откладывая дела в долгий ящик, что-то нацарапал, *обкаракулив* целую страницу. Не успела и я глазом моргнуть, а он уж вырвал листок и протянул мне. Это меня впечатлило, что и говорить, однако вы, наверное, уже и сами догадались, что случилось потом. Глупая девчонка, я надеялась, что он расцветит для меня этот день, в самом деле решила, что он сможет. А он меня провел, обманул. Силой вырвав поцелуй в щеку (он настаивал на том, что заслужил его), Теодор убежал, а я осталась плакать на берегу озера. Меня до глубины души оскорбил не столько поцелуй, сколько кошмарная так называемая поэма. Вот как заканчивались вирши Ванхузера (можете догадаться и об остальном):

Готов я написать поэму и романс,
Чтобы, поцеловать красавицу Флоранс!

2

Джайлса отослали в школу прошлой осенью, когда ему исполнилось восемь — совсем немного, однако это соответствовало

возрасту других мальчиков в его классе, живших в таких же отдаленных местечках, как Блайт, где также не было собственной приличной школы. На двуколке мы отвезли братца на вокзал, Джон, миссис Граус и я, чтобы посадить на поезд до Нью-Йорка, где его должны были встречать школьные учителя. Там все поплакали, по крайней мере плакали мы с миссис Граус, а Джон изо всех сил старался не разнюниться, но проигрывал сражение с дрожащей нижней губой. Сам Джайлс веселился и хохотал. Он ни разу еще не ездил на поезде, вот и радовался поездке, а в будущее детским простым умишком не заглядывал. Усевшись, он вертелся на скамейке, махал и посылал нам *сквозьоконные* улыбки, а я, прикусив губу, изо всех сил старалась весело улыбаться в ответ. Это было очень трудно, и я даже обрадовалась, когда поезд наконец тронулся и Джайлс скрылся в облаке пара.

Домой я возвращалась в тоске. Всю жизнь мы с Джайлсом были неразлучны; мне казалось, что я потеряла ногу или руку. Каково-то ему там придется, беззащитному, когда рядом не будет меня, ведь я, только я одна знала и понимала все его маленькие слабости и любила его за них. Хотя у меня и не было опыта общения с другими мальчиками, кроме Джайлса и глупого Ванхузера, из книг я знала, как бессердечно относятся они друг к другу, особенно в таких школах-пансионах, какими жестокими могут быть. Только представив себе, как моего маленького Джайлса изводят разные флэшмены,^[2] я снова начала рыдать, а ведь только-только сумела взять себя в руки. Когда мы приблизились к Блайт-хаусу и двуколка свернула с дороги на длинную аллею, по сторонам которой росли могучие дубы с множеством грачиных гнезд, на сердце стало совсем тяжело: так трудно было мне представить, как я буду выносить эту свою новую, искаленную, *безджайлсовую* жизнь.

Большинству девочек моего возраста и моего положения давным-давно наняли бы гувернантку, но я понимала, что для меня это исключено. Хитроумно подстроенные беседы с миссис Граус, пара намеков, брошенных Джоном, да подслушанная болтовня прислуги помогли мне примерно понять, в чем причина. Мой дядюшка (а он в молодости был очень хорош собой, можете сами убедиться, посмотрев на его портрет маслом, что висит на повороте парадной лестницы) вроде состоял когда-то в браке, а если и не был женат, то, по крайней

мере, помолвлен или уж точно сильно влюблен в некую юную даму — и так продолжалось несколько лет. Дама, ослепительная красавица, была дяде неровня, ниже его по образованию и воспитанию, но поначалу это его не заботило. Казалось, впереди у них безоблачное будущее, но вот однажды она вбила себе в голову (а возможно, это сделал сам дядюшка), что должна учиться, чтобы разделить с ним не только любовь, но и интеллектуальные и духовные радости. И молодая дама тут же записалась на несколько учебных курсов в один из колледжей Нью-Йорка.

Вы и сами можете легко догадаться, что случилось потом. В городе ее окружили и закужили книги, и музыка, и поэзия, и театр, и философия, и разные идеи, так что довольно скоро она понеслась под откос — возможно, стала пить, курить и предаваться всевозможным запретным радостям... Словом, закончилось все тем, что она решила, будто теперь превосходит умом и образованием моего дядю, стала смотреть на него свысока, а потом, разумеется, ушла к другому. Не помню точно, что из этого я и впрямь узнала и подслушала, а что допридумывала сама, но мне кажется, что именно так все и было.

Вот потому-то дядюшка стал яростным противником женского образования. Да и сам он основательно *обескультурился*, насколько я могла судить. Он закрыл Блайт-хаус, предоставил библиотеке плесневеть и гнить, а сам переехал в Нью-Йорк, где у него наверняка не было — не могло быть! — такого же количества книг. Я никогда не видела дядю и понятия не имела, как он проводит там время без книг, но часто фантазировала: вот он сидит в огромном кресле, с бренди и сигарой, с ввалившимися глазами на некогда красивом, а теперь трагически опустошенном лице, и, уставившись в пространство невидящим взглядом, без конца вспоминает, как образование испортило его возлюбленную и разрушило всю его жизнь. А я одиноко бродила по громадному пустынному дому, распахивала двери, поднимала пыль в необитаемых спальнях. Иной раз, растянувшись на кровати, я воображала себя тем человеком, который когда-то спал на ней. Так я постепенно населяла дом призраками, целым семейством, а когда сверху доносились непонятные звуки, я и не думала, что это мыши. Мне виделась маленькая девочка, похожая на меня, какой я была когда-то. Я представляла, как она, в нарядном белом платье, с бледным личиком, кружится в танце на голых досках чердака.

Размышляя об этой маленькой девочке, в реальность которой я уже начинала верить, потому что в Блайт-хаусе, заброшенном и малолюдном, наверняка было множество призраков, я всякий раз невольно вспоминала игры, в которые мы прежде играли с Джайлсом. Чтобы не плакать, я старалась занимать себя и искала новые местечки, где мы с Джайлсом станем прятаться, когда он вернется на каникулы. Когда же это надоедало — а так случалось все чаще, — я зарывалась в книги в библиотеке, этом холодном сердце дома, которое мало-помалу становилось моим.

Как-то утром я удобно устроилась — помню это как сейчас — с «Тайнами Удольфо».^[3] Прошло, как мне показалось, часа два или три, и я почти уже дочитала книгу, как вдруг услышала за окном мужской голос — он кого-то звал. Надо сказать, что в Блайт-хаусе звук человеческого голоса снаружи вообще большая редкость, потому что вне дома случалось работать только Джону, а у него, в отличие от меня, не имелось привычки разговаривать с самим собой. Обычно вокруг царила тишина, особенно после того, как уехал Джайлс и прекратились наши шумные игры, так что нужно было бы сразу насторожиться и пойти разузнать, в чем дело. Но я была так захвачена готической историей, что шум меня не заинтересовал, а только вызвал раздражение. Постепенно голос стал удаляться и затих где-то, а может, его унес осенний ветер, набиравший силу. Я проглотила еще несколько страниц и тут услышала шаги на лестнице, шаги нескольких человек. Они становились громче, приближались, направлялись ко мне, потом снова раздался голос, но на сей раз в доме. Это был голос Мэри, служанки, она звала: «Мисс Флоренс! Мисс Флоренс!» И тут дверь библиотеки распахнулась — это Мэри отворила ее, вновь и вновь выкликая мое имя.

Я так и замерла. К счастью, сидела я в большом кресле, повернутом к двери высокой спинкой, и это делало меня невидимой — при условии, разумеется, что непрошенный гость не углубится в библиотеку. Сердце колотилось у меня в груди. Если меня обнаружат, жизнь будет кончена. Не видать мне больше книг.

Затем раздался голос Мег:

— Да нету ее здесь, дурочка ты. Что бы ей тут делать? Да ей бы никогда этого и не позволили.

Я тихонько взмолилась, чтобы они не заметили книг с моими отпечатками на седых корешках, моих следов на пыльном полу.

— Да, пожалуй, ты права, — отвечала Мэри, — но должна же она быть где-то.

Звук закрывающейся двери. Звук выдыхаемого Флоренс воздуха.

Я осторожно прикрыла книгу и аккуратненько поставила ее на ту полку, откуда взяла. Прокравшись к двери, я прижалась к ней ухом и прислушалась. Ни звука. Проворно и тихо, как мышь, я приоткрыла дверь, выскочила, прикрыла ее за собой и припустила бегом по коридору, чтобы оказаться как можно дальше от своей святыни, если меня обнаружат. Я пробиралась к кухне, недоумеваю, с чего бы поднялась такая суматоха. Должно быть, что-то случилось, раз меня начали искать.

Из гостиной доносились голоса, а я на цыпочках прошла мимо и юркнула в кухню. Мое появление прервало оживленную перепалку между Мег и молодой служанкой Мэри. Услышав, что дверь открывается, они обе замолчали и уставились на меня изумленно, но и с облегчением.

— Ох, слава богу, вы нашлись, мисс Флоренс, — сказала Мег, отряхивая с себя муку и вытирая о передник руки. — Где же это вы столько времени пропадали, а, юная леди? — Она кивнула головой в сторону больших часов, висевших на стене напротив плиты.

Мои глаза последовали за ее кивком. Циферблат утверждал, что сейчас пять минут четвертого.

— Б-быть того не может, — проямлила я. — Часы спешат, наверное. Неужели уже так поздно?

— Часы-то идут верно, барышня, — отрезала Мег, — а вот с вами что приключилось? Ох, и влетит вам от миссис Граус, мы же весь дом вверх дном перевернули. Где ж это вы были, осмелюсь спросить?

Но не успела я ответить, как за спиной раздались шаги, и, обернувшись, я оказалась лицом к лицу с миссис Граус.

— М-миссис Г-граус, п-простите, — забормотала я, но осеклась.

Ее лицо, розовощекое, покрытое настоящей картой Миссисипи со всеми притоками — сеточкой больших и мелких сосудов, — расплылось в широкой улыбке.

— Ничего, дорогая моя, не сейчас, — ласково отозвалась она. — У вас гость.

Повернувшись, она вышла в коридор. Я приросла к месту. Гость! Кто бы это мог быть? Я не могла себе представить. Разве что... мой дядюшка! Я никогда его не видела и почти ничего о нем не знала, кроме того, что, судя по портрету, он был очень красив — это подтвердила и мисс Уитекер, когда появилась у нас.

Миссис Граус помедлила в коридоре и повернулась ко мне:

— Что же вы, барышня, идемте, не следует заставляя его ждать.

Его! Это наверняка дядюшка! Наконец-то я смогу расспросить его обо всем, задать все свои вопросы. О моих родителях, о которых миссис Граус, как она утверждала, ничего не было известно, потому что и она, и слуги приехали в Блайт-хаус уже после их смерти. О моем обучении. Возможно, увидев меня, настоящую живую девочку из плоти и крови, он смягчится и позволит мне гувернантку или, по крайней мере, книги. Возможно, я сумею его очаровать, показать, что я другая и совсем не похожа на *ту*, на женщину, так дурно распорядившуюся своей образованностью.

Миссис Граус встала в дверях гостиной и поманила меня рукой. Я услышала в комнате кашель. Из-за этого я чуть не закашлялась сама. Взволнованная, я вошла и остановилась как вкопанная:

— Тео Ванхузер? Что вы здесь делаете? Почему вы не в школе?

— Астма, — сконфуженно ответил он, а потом ликующе: — У меня астма!

— Я... я не понимаю.

Он подошел и улыбнулся:

— У меня астма. Вот меня и отправили домой из школы. Мама решила послать меня сюда на поправку. Ей кажется, что здесь, на свежем воздухе, я почувствую себя лучше.

Миссис Граус ворвалась в комнату:

— Разве это не прекрасно, мисс Флоренс? Я знала, что вы обрадуетесь. — Она повернулась к Тео: — Не тому, конечно, что у вас астма, мистер Ванхузер, а тому, что вы нас проведали. Мисс Флоренс совсем было загрустила с тех пор, как мастер Джайлс уехал в школу, слоняется по нашему дому совсем одна. Вместе вам будет повеселее.

— Я смогу приезжать каждый день, — заявил Тео. — Если вы позволите, конечно.

— Н-не знаю, — неуверенно протянула я, — я могу быть... занята.

— Заняты, мисс Флоренс, — вмешалась миссис Граус. — Чем же это, скажите на милость, вы будете так заняты? Вы даже и шить-то не умеете.

— Стало быть, мне можно приходиться? — обрадованно заключил Тео и одарил меня улыбкой. — Вы позволите мне проводить вас?

Он стоял, держа в руках шляпу, и теребил пальцами ее поля. Мне ужасно хотелось плюнуть ему в глаза, но об этом не могло быть и речи.

Я кивнула:

— Хорошо, но только после обеда.

— Здорово! — просиял он и тут же зашелся в кашле, который не проходил довольно долго, пока Тео не вытянул из кармана тужурки металлическую бутылочку с резиновой грушей на горлышке, похожую на флакон духов. Он направил грушу себе в лицо и нажал. Легкое туманное облачко вырвалось из флакона, влетело прямо в его открытый рот, и это, как мне показалось, успокоило приступ.

Я с любопытством переводила взгляд с него на бутылочку.

— Туласи и ма-хуан, — пояснил Тео, — это изобретение доктора Бредли.

Я озадаченно смотрела на него.

— Первое вещество получают из листьев базилика священного, второе — эфедра, ее издавна применяют при астме китайцы. Остроумная идея доктора Бредли состоит в том, чтобы соединить их в жидкой форме и впрыскивать в горло больного. Он пока еще экспериментирует, и я — его первый пациент. Кажется, действительно помогает.

Последовало долгое молчание, пока до Тео медленно доходило, что затронутая тема не настолько интересна для меня, как для него. Затем, *закарманив* флакон, пучеглазый гость ухитрился уронить шляпу; они с миссис Граус одновременно нагнулись за ней, столкнулись лбами, отчего он снова начал кашлять и хрипеть. Когда наконец приступ прекратился и Тео вновь обрел способность крутить в руках шляпу, он слабо улыбнулся и спросил:

— А можно мне прямо сейчас нанести вам визит? Ведь, в конце концов, время как раз подходящее, после обеда.

— Может, после вашего, — ответила я, — но не моего. Я сегодня еще не обедала.

И, развернувшись, я выскочила из гостиной, гордо подняв голову и надеясь, что, избавившись от Тео, не налечу на миссис Граус, которой захочется-таки узнать, где я провела все утро.

3

Внезапно моя жизнь стала ужасно неудобной. Она серьезно осложнилась. Во-первых, нужно было следить, чтобы снова не опоздать к столу: в следующий раз меня могли обнаружить, со всеми вытекающими из этого последствиями. Но проще было озаботиться этим вопросом, чем решить его: у меня не было часов. Запоздало обедая в тот день, когда миссис Граус была так захвачена визитом Тео Ванхузера, что забыла расспросить, где я пропадала, я вспомнила кое о чем в библиотеке, что могло бы снять с меня эту заботу. Поэтому после еды я снова улизнула и отправилась туда.

Так и есть, в темном углу, молчаливые и незаметные, стояли напольные часы в деревянном футляре. Большие, выше меня ростом, хотя и не такие длинные, как Тео Ванхузер, чьи ежедневные визиты, впрочем, могли затмить даже радость от находки часов. Я опасливо открыла футляр — мне не раз приходилось видеть, как Джон обращается с другими часами в доме, — и попыталась найти ключ. Вначале я было решила, что мне не повезло, но, получше пошарив рукой внутри, услышала звяканье и тут же наткнулась мизинцем на крючочек — на нем и висел ключ. Вставив его в дырочку на циферблате, я повернула его, помня, что нужно остановиться, едва почувствую сопротивление: Джон как-то рассказывал, что, перетянув пружину, часы можно убить.

Уходя из кухни, я заметила время и теперь накинула пятнадцать минут, посчитав, что примерно столько у меня ушло на путь до библиотеки и поиски ключа. Часы приятно громко затикали, и я порадовалась, что теперь буду чувствовать себя не такой одинокой. Теперь здесь буду я, книги и нечто, напоминающее биение дружеского сердца, пусть даже только ритмом. Приятно было к тому же, что это не Тео Ванхузер.

Впрочем, не успели часы помочь мне справиться с одной проблемой, как породили новую. Они тикали так громко, что если бы кто-то заглянул в библиотеку, случайно или разыскивая меня, то сразу услышал бы их. А услышав, задал бы себе вопрос: кто и почему заводит здесь часы? Я пожала плечами, стараясь отогнать тревогу. Будь

что будет. Мне необходимо знать время, когда я сижу здесь с книгой, иначе меня все равно разоблачат. Кроме того, до сих пор, за все мои *библиотекочасы*, даже *библиотекогоды*, сюда никто не заглядывал, и казалось маловероятным, что сейчас визиты участятся. Если это случится, будет очень жаль, но я была вынуждена рискнуть.

К вечеру похолодало, выпал первый осенний снег. Любуясь им, я ликовала в надежде, что непогода испугает Тео Ванхузера и он к нам не явится. Конечно, если эта астма такая серьезная напасть, что освободила его от школы, разве не должна она удержать его дома в снег? Я скрестила пальцы и представила Тео, пытающегося *астмовыкашлять* строфу-другую скверных стишков.

Снег подарил мне надежду на спасение, но зато кое-что и осложнил. Точнее, это случилось из-за похолодания. Я никогда подолгу не бывала в библиотеке зимой — потому, что там не было камина и стоял холод, а еще потому, что с Джайлсом нам было не скучно где угодно. Я храбро попыталась было продолжать, уж очень влекло меня чтение, но пальцы заледенели так, что стало трудно переворачивать страницы, да и мозги тоже совершенно окоченели. Я выскользнула из комнаты и по задней лестнице поднялась на верхний этаж. Там я обнаружила спальню с *обеспостеленной* кроватью, не покрытой ничем, кроме покрывала из пыли. Зато стояла она на дубовом ящике для постельного белья, и в нем я нашла целых три толстых одеяла. Разумеется, переносить их в библиотеку было очень рискованно: попадись мне кто по пути, я и сама не знаю, как стала бы объясняться. Одеяло ведь не книжка, такой сверток не спрячешь под платье.

Однако без одеял все равно пришлось бы прекратить чтение, и я отважилась. Я решила отнести сразу все три одеяла, ведь и одно было так же невозможно спрятать, как три, значит, чем меньше *одеяльных* походов я совершу, тем меньше риск. Груз был тяжелым и неудобным, три одеяла составляли высокую стопку, и поверх нее я едва видела, куда иду. И все же я выбралась из комнаты и прикрыла за собой дверь, ловко зацепив ее ногой. Я спустилась на половину лестничного пролета и уже собиралась повернуть, как вдруг внизу явственно скрипнула ступенька. Я чуть не выронила ношу. Поворачиваться и бежать не имело смысла — все равно поймают. Мне ничего не оставалось, как стоять и ждать своей участи. Я задержала дыхание,

пытаясь расслышать, что делается внизу. Но второго шага на лестнице я так и не дождалась. Вместо него раздался голос Мэри. Она разговаривала сама с собой (ага, подумала я, значит, не я одна этим грешу!).

— Ну, и куда же я подевала эту чертову штуку? А ведь уверена была, что положила ее в карман. Вот досада, видать, забыла, придется возвращаться.

Лестница благодарно застонала, освобождаясь от тяжести ее ноги, а потом я услышала сердитые шаги, торопливо удаляющиеся по коридору. Выждав минуту, пока шаги не стихли, я опрометью слетела вниз и шмыгнула в дверь библиотеки.

Там я сдвинула два больших кожаных кресла сиденьем к сиденью, постелила на них два одеяла, а третье натянула на высокие спинки, так что получился полог. Я представила, что это моя собственная кровать с балдахином, хотя, честно говоря, сходства почти не было. Уходя из комнаты, я снова расставила кресла, сложила одеяла и спрятала их за шезлонгом. Если кто-то все же заглянет в библиотеку, он может не обратить внимание на тикающие часы, а если и заметит, не догадается, что это как-то связано со мной. В конце концов, часы имелись почти во всех комнатах — привычный предмет, такие обычно не бросаются в глаза. А вот гнездо под пологом любому покажется подозрительным и обязательно наведет на мысль обо мне. Придется каждый день сооружать его заново.

Отныне мои дни протекали по-новому. С утра я, угнездившись в креслах, проводила время с книгами, пока часы не отбивали три четверти первого. Тогда я выбиралась из гнезда и, вышмыгнув из комнаты, спешила на обед. Но, после того как Тео Ванхузер начал приходить каждый день, у меня возникли и послеобеденные проблемы. Я никак не могла узнать заранее, когда именно он явится. Как я ни старалась договориться с ним о времени визита, ничего не выходило: долговязый сосед оказался весьма ненадежным. Он извинял себя тем, что занимается с учителем и сам зависит от его прихотей.

Итак, предположим, я отправлюсь в библиотеку, а юный Ванхузер явится, как раз когда я буду там, — это не менее опасно, чем пропущенный обед. Меня начнут искать и либо сразу раскроют мое тайное убежище, либо позднее подвергнут допросу. С другой стороны, если я останусь в гостиной или на кухне и буду дожидаться Тео, а он

приедет поздно, я лишу себя драгоценных часов, которые могла бы провести за чтением.

Вот так мне и пришлось поступать в первые визиты Ванхузера. Я бесцельно тратила время, глядя в окно на заснеженную дорогу или раскладывая пасьянс. Ужаснее всего было то, что на меня обратила внимание миссис Граус, и удивилась, как это она раньше не заметила, что я не знаю, чем себя занять. Хорошо еще, что ей не пришло в голову, что я давно играю с ней в хитрую игру под названием «с глаз долой — из сердца вон». Теперь же она начала уговаривать меня заняться чем-нибудь полезным, например поучиться шить. Однажды она даже усадила меня за шитье и стала морочить голову рассказом о стежках. Я уже испугалась, что вот-вот сойду с ума.

Где-то я читала, что от скуки порой рождаются прекрасные идеи. Так вышло и со мной. Скоро я поняла: ошибка заключается в том, что чтение я непременно связываю с библиотекой. А между тем читать можно в каком-нибудь укромном месте, где бы меня никто не видел и откуда я видела бы аллею, ведущую к дому, чтобы сразу заметить приближение Тео Ванхузера. Сказано — сделано. В Блайт-хаусе имеются две башни, по одной в конце каждого крыла здания. Построенные в псевдоготическом стиле, с зубчатыми стенами и бойницами, они напоминают древние крепости. В эти башни давным-давно никто не навещался. Подозреваю, что фальшивыми крепостями не особо пользовались и с самого начала, уж очень неудобной была их планировка. У башен имелись собственные лестницы, которые не соединялись с центральной, так что до верха каждой башни можно было добраться только с ее первого этажа. Стало быть, нельзя было просто перейти из комнаты на втором этаже башни в соседнюю комнату на втором этаже дома. Для этого приходилось сначала спуститься вниз, перейти к другой лестнице, ведущей к основной части дома, и снова подняться. Зато у башен имелось важное преимущество — с них открывался превосходный вид на подъездную аллею. Я смекнула, что с верхнего этажа любой из них наверняка видна извилистая аллея от начала до конца. Башни, конечно, всегда воспринимались как украшение, и только, а в западную нам с Джайлсом ходить и вовсе не разрешали, поскольку она обветшала и давно нуждалась в ремонте, который, учитывая прижимистость дядюшки, сделать так и не собрались. Потому-то я была вполне

уверена, что туда вообще никто никогда не заглядывает. Если удастся пробраться туда незамеченной, я смогла бы читать, время от времени поглядывая на дорогу. Кроме того, у западной башни имелось еще одно великое достоинство: лишь короткий коридор да один лестничный пролет отделяли ее от библиотеки. Бесценно, ведь оттуда мне и предстояло переносить книги.

Итак, на следующий день, вооружившись парой книг, чтобы коротать послеобеденное время за чтением и ожиданием Ванхузера, я в должное время отправилась в восточную башню, и только затем, чтобы у ее подножия все мои надежды с треском рухнули. Строя свои планы, я кое-что совершенно упустила из виду. Вход на лестницу был наглухо забит толстенными, как половицы, досками, приколочеными гвоздями к нижним балясинам перил. Вход был закрыт надежно, как старый колодец, заложённый досками и завалённый поверху камнями, чтобы преградить нам с Джайлсом доступ в опасное место. Положив на пол книги, я попыталась сдвинуть доску, но только занозила палец. От горя я готова была завывать. Я попробовала просунуть ногу в щель — невозможно. Кроме того, сообразила я, даже если и удалось бы пробраться внутрь, выбираться наружу пришлось бы с большим трудом и слишком медленно — верный способ быть пойманной с поличным.

Я подобрала книги и направилась обратно, в полном отчаянии из-за утраченной надежды на спокойные послеобеденные часы, но тут меня внезапно озарило. Вернувшись к лестнице, я одну за другой просунула книги между столбиками перил, а потом попробовала забраться на них — и обнаружила, что могу карабкаться вверх по перилам снаружи, просовывая ноги в промежутки. Таким способом я легко миновала баррикаду, а затем, благодаря своей *длинноногости*, перелезла через поручень перил и оказалась на лестнице. Я с удовлетворением огляделась, чувствуя себя в полной безопасности в новом владении. Невозможно было представить Мэри, или толстуху Мег, или пухлую миссис Граус задирающими ногу над перилами... не говоря уж о том, что у них никогда не хватило бы ума сюда заглянуть.

Я поднялась на второй этаж, потом на третий и через чердачный люк забралась на самый верхний, четвертый, откуда можно было видеть не только двор и подъездную аллею, но и крышу центральной части дома. На вершине башни оказалась единственная комнатка с

окнами на все четыре стороны. Здесь я почувствовала себя хозяйкой. Мне все подвластно, я безраздельно *рапунцельствую* [4] в своей башне и во всем доступном мне мире. Я осмотрела свое новое королевство. Обстановка, хоть и скудная, подсказала мне, впрочем, что здесь когда-то был кабинет. Шезлонг, тяжелый письменный стол с обтянутой кожей столешницей и запирающимися ящиками — кожа покрыта тончайшим слоем плесени, — а перед столом вращающееся капитанское кресло. Трудно было решить, где собралось больше пыли, в библиотеке или в этой комнате, и мне не очень хотелось в ней копаться. В окна были вставлены витражи в свинцовых переплетах, некоторые стекла были выбиты, так что по комнате гулял сквозняк. Пыльный пол был усеян птичьим пометом, это доказывало, что ветер был здесь не единственным гостем.

Несмотря ни на что, меня переполнял восторг. На окнах имелись шторы, но все они были отдернуты и привязаны, так что, сообразила я, нужно пригнуться, чтобы никто не увидел меня снизу. Это не страшно: если я сяду за стол, то увижу аллею и Ванхузера, а чтобы меня не заметили, буду сидеть спокойно, не двигаясь.

Выбитые окна означали, что в комнате всегда холодно, так что первым делом следовало позаботиться о теплых одеялах. Оставив книги, я снова отправилась в путь. Как же мне не хотелось снова проделывать весь путь до первого этажа, а потом снова подниматься на второй, чтобы стащить одеяла, но другого выхода не было. Один старый сундук я уже опустошила, когда устраивалась в библиотеке, а другой такой же не подворачивался. Однако я вспомнила, что несколько комнат в доме всегда держали наготове на случай неожиданных гостей. Вот я и решила, что смогу незаметно стащить с кроватей покрывала, вытащить одеяла и снова застелить все, как было. Я проделывала все крайне аккуратно и внимательно. Однако, потроша кровати, я была почти уверена, что никто ничего не заметит, а если даже горничная вдруг и обнаружит пропажу, меня все равно не заподозрят. В самом деле, ну кому в Блайте, кроме какого-нибудь продрогшего призрака, придет в голову красть одеяла?

Убедившись, что путь свободен, я поспешила по лестнице вниз на первый этаж, вдоль по коридору, потом перебросила одеяла через преграду в начале башенной лестницы. Я едва начала взбираться по наружной стороне лестницы, как дверь в конце большого коридора

отворилась. Ждать не было времени! Я вскочила, вниз головой перевалилась через перила на ступени, свернулась клубочком за баррикадой, надеясь лишь на то, что никто не будет всматриваться в щели между досками.

— Господь всемогущий, что это было? — раздался Голос Мэри.

— Не иначе как призраки, — отозвался второй голос, который я тоже признала, он принадлежал Мег, — толкуют же, что в Блайт-хаусе призраков полным-полно.

— Ну и ну! Неужто ты веришь в эту чепуху? — голос Мэри предательски выдавал, что она вовсе не уверена в своей правоте.

Я наблюдала за ними сквозь баррикаду. Мег подняла брови:

— Я тут уже пять лет работаю и много чего повидала. Вот побудешь с мое в этом доме, так сама узнаешь.

С этими словами Мег снова открыла коридорную дверь, подняв мусорное ведро, в которое только что смахнула какой-то сор. Она скрылась внутри. Мэри, прежде чем последовать за ней, скорчила рожу за спиной у старшей подруги.

И вот я совсем одна, я настоящая *башнепринцесса*, укутанная в одеяла, дрожащая на сквозняке, но одна! Теперь я могла читать, по крайней мере, до сумерек, потому что зажечь свечу здесь было бы небезопасно. Я ощутила мгновенный укол совести, вспомнив — не знаю, почему только в это мгновение — про Джайлса, который там, в школе, возможно, тоже думал сейчас обо мне. Хорошо ли ему там? Это заставило меня вспомнить, как однажды я порвала пополам игральную карту — это была пиковая дама. Я разорвала ее точно посередине в надежде получить целых двух дам — верхнюю картинку и ее зеркальное отражение снизу. Вместо этого, и я поняла это сразу, у меня не стало ни одной дамы — половинки изображения друг без друга *обесмыслились*. Вот так же и я без Джайлса, он — тоже часть меня, внезапно пришло мне в голову. Как я ждала начала его каникул, чтобы поскорее показать ему свое новое королевство. Только этого мне и не хватало для полного счастья — чтобы Джайлс был здесь и смог разделить его со мной.

Но этого еще предстояло дожидаться. Так что я с головой окунулась в свою новую жизнь. Я *утреневала* в библиотеке и *послеобедничала* в башне. Я быстренько смекнула, что возвращать книги в библиотеку после башенного дня нелепо. Постоянное

книгоношество повышало риск попасться с поличным. Это означало, что, начав читать что-либо утром, я не могла продолжить чтение той же книги после обеда. Поэтому я решила *наконтрабандить* побольше книг в башню (где их вряд ли могли обнаружить) и оставлять их здесь, пока не дочитаю. Мое дневное чтение делилось теперь на две отдельные части. *Библиотекарствуя*, я посвящала все утра напролет солидным книгам по философии, истории и тому подобному. Я еще и начала изучать иностранные языки и достигла кое-каких успехов во французском, итальянском, латыни и греческом. Правда, я никогда не слышала звучания двух первых языков и потому не могла выработать верное произношение. Послеобеденное время стало временем фантазий, и этот выбор как нельзя лучше подходил для моей башни. Я баловала себя сочинениями миссис Рэдклифф, древними мифами и Эдгаром Алланом По. Единственной ложкой дегтя в этой бочке меда было то, что я не могла позволить себе ни на минуту забыть, отдаться потоку слов, проплывающих перед глазами и в уме, хоть ненадолго отвлечься от мыслей о своей участи.

На другой день после того, как я впервые побывала в своей башне, я *утреневала*, поглядывая на аллею и гадая, сколько времени требуется Тео Ванхузеру, чтобы пройти по ней от того места, где я его впервые увижу из своего окна, до момента, когда он исчезнет из виду, подходя к парадному подъезду. Как отсчитывать время, если нет часов? Я считала и считала, отмеряла и отмеряла, стараясь, чтобы мои секунды не отличались от настоящих, часовых. Наконец я придумала надежный способ *секундомерения*: раз Шекспир, два Шекспир, три Шекспир. Так я сумела высчитать, что юного Ванхузера будет видно на аллее ровно четыре с половиной минуты. Значит, прежде чем устроиться в башне после обеда, я должна сначала забежать в гостиную и убедиться, что Ванхузера на аллее нет. Если его не видно, значит, у меня есть четыре с половиной минуты, чтобы добежать до верха башни. Следовало непременно уложиться в это время, иначе Тео, появившись незамеченным после моего ухода из гостиной, мог снова исчезнуть из виду к тому моменту, как я подбегу к башенному окошку. А это означало бы, что меня начнут звать и разыскивать по всему дому. Ну и приходилось же мне крутиться, доложу я вам, чтобы успеть добраться до башни за столь короткое время. Если вдруг Джон, или Мег, или Мэри, или миссис Граус встречались на моем пути и

задерживали хоть на несколько секунд, затея теряла всякий смысл, и мне приходилось возвращаться, снова проверять аллею и начинать все заново. Мало того, стоило кому-то окликнуть меня, когда я *раз-шекспир-два-шекспирила*, я сбивалась со счета, и тогда тоже приходилось начинать от печки, точнее, от окна в гостиной.

Обычно я добегала до подножия башни на счет двести-Шекспир, а ведь нужно было еще вскарабкаться по внешней стороне лестницы, перелезть через перила, разуться (из страха, что кто-то услышит стук каблуков по полу, не застеленному коврами) и вовремя вбежать в башенную комнату. Однажды я, подлетев к окну, увидела, как Тео Ванхузер как раз приближается к подъезду, так что пришлось мне, не переведя дух, нестись обратно — вниз по лестнице, через перила, потом немного по внешней стороне ступеней и бегом по коридору, — чтобы успеть отозваться как раз, когда меня начали звать. Ну и пусть, никто никогда и не утверждал, что тайная жизнь должна быть легкой.

4

Тогда, в день первого снега, предположив, что Ванхузер неженка, я сделала ту же ошибку, какую обычно допускают люди, общаясь со мной (кому, глядя на меня, пришло бы в голову, что у меня есть два книжных гнезда? кому пришло бы в голову, что я, неграмотная девочка, на самом деле *офранкоязычена* и *шекспироначитана*?). Вот и я судила о Тео по внешнему виду. Я предположила, что он вроде растения с длинным мягким стеблем, бесхребетный и слабый, сними с такого крахмальную сорочку, он тут же переломится пополам. Рассудив о нем так, я была приятно удивлена, выглянув из окна гостиной (убежища в башне к тому времени еще не было): там Ванхузер, спотыкаясь и пошатываясь, пробирался по занесенной снегом аллее. Такая преданность и верность, подумала я, стоят намного дороже, чем нескладные вирши.

Миссис Граус велела мне подождать в гостиной. Я слышала, как она распахнула перед ним дверь и призвала отряхнуть снег с сапог, после чего довольно долго раздавались тяжелые удары. Вскоре отворилась дверь в гостиную, и миссис Граус возгласила: «К вам молодой мистер Ванхузер, барышня», как будто мы обе не знали, что я и так уже сижу здесь, дожидаясь его, и как будто визиты были для меня самым будничным делом. Этим, а еще тем, что назвала нашего гостя «молодым» мистером Ванхузером, миссис Граус ясно показала,

что не знает, как себя вести, потому что она экономка и няня, а не хозяйка дома. А когда дверь за ней закрылась, я увидела, что от растерянности она даже не позаботилась забрать у Ванхузера шляпу.

Я предложила ему сесть. Сама я устроилась в кресле, чтобы лишить гостя возможности подсесть ко мне ближе, и он уселся напротив, точнее, сложился, будто вместо коленей и бедренных суставов у него были шарниры. Мы сидели и вежливо улыбались друг другу. Я не знала, что мне с ним делать, а он не знал, что делать со своей шляпой. Он уселся и принялся *джогарджерить* [5] ее, бесконечно крутя то в одну сторону, то в другую и перебирая поля большими и указательными пальцами. Когда наконец он уронил шляпу в третий раз, я поднялась, подошла и раздраженно протянула руку:

— Нельзя ли взять у вас это?

Тео с благодарностью протянул шляпу. Выйдя в вестибюль, я повесила ее рядом с пальто. Но, вернувшись на свое место, я поняла, что, избавившись от шляпы, мы не избавились от проблемы. На самом деле я ее только усугубила, потому что теперь бедняге нечего было теревить. Пришлось довольствоваться *костяшкощелканьем*, а также бесконечным скрещиванием и выпрямлением ног. Я уставилась на его голени, и он, поймав мой строгий взгляд, расплел ноги, которые пытался завязать узлом, и поставил их наконец на пол. Вид у него был виноватый, покорный и такой *джайлсовый*, что я на мгновение ощутила вину.

— Ну, — сказал он в конце концов, — ну, вот так.

— Именно так, — отчеканила я ледяным тоном.

— На улице очень холодно. Снег уже глубокий.

— Да, скрипит... и все такое, — подхватила я.

— Что? — Он понимал, что над ним насмеются, но не мог уловить, в чем издевка.

Мы опять посидели молча. Вдруг Тео спохватился:

— Ох, чуть не забыл. — И он начал шарить по карманам куртки и брюк, пытаясь найти там что-то. Наконец он извлек сложенный листок и начал его разворачивать. — Я же написал для вас еще одно стихотворение.

Взгляд, которым я его одарила, был на несколько градусов холоднее снега, и этого оказалось достаточно, чтобы лишить беднягу последней надежды.

— Нет, нет, — забормотал он, — там все в порядке, на этот раз я не попрошу взамен поцелуя. Ни о каких поцелуях даже речи нет.

Я немного оттаяла и откинулась в кресле:

— Что ж, в таком случае, мистер Ванхузер, слушаю вас.

Чем меньше будет сказано о втором стихотворении Ванхузера, тем лучше. Надо все же признать, что стихи были чуть менее ужасающими, чем первые, особенно с учетом того, что на этот раз мне не грозил поцелуй. Тем не менее рифма «Флоренс — пасьянс» не слишком меня впечатлила. К счастью, речь шла не о том, что я так же скучна, а о колоде моих предполагаемых поклонников, из которых я могу его раскладывать.

Закончив чтение, Тео поднял глаза от бумаги и увидел выражение моего лица:

— Опять не то, да?

— Не совсем то, — подтвердила я.

— Проклятие! — беззлобно отозвался Тео, скомкав листок и запихивая его в карман. — Но я буду продолжать, пока не раскушу, в чем тут дело, вот увидите. Я не из тех, кто легко сдается.

Тео доказал правоту своих слов, он и впрямь оказался настойчив как в стихосложении, так и в утомительных *подснежных* прогулках. В самую стужу и непогоду, когда за окном так мело и завывало, будто наступил конец света, Тео Ванхузер исправно ежедневно являлся в Блайт-хаус. Так продолжалось почти две недели. Уже с первых визитов я увидела, что все долговязое тело Тео страдает теми же дефектами, что и его вирши, — его части слабо рифмуются между собой и едва укладываются в стихотворный размер. Его длинные конечности с трудом умещались в нашей гостиной. Казалось, они живут своей жизнью, мотаются и болтаются сами по себе, то ударяясь о тумбочку, то заворачивая край ковра, словно у цапли, страдающей эпилепсией. Устроить его поудобнее в доме было невозможно, поэтому, когда на четвертый или пятый раз Тео предложил прогуляться, я даже испытала некоторое облегчение: наше общение в доме сводилось для меня к ожиданию момента, когда на пол снова полетит посуда. Правда, надевая пальто, я чуть не раскаялась, что дала согласие. Не опасно ли будет оказаться на снегу и льду рядом с ним, таким неуклюжим? Не обвинят ли меня его родители, если вдруг сломанной окажется его

рука или нога, а не фарфоровая тарелка? Бог его знает, что ухитрится себе повредить этот мальчишка, его ведь довольно много.

— Разумно ли это? — спросила я, когда он обматывал себя шарфом.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, ваша астма... и вообще... Тащить ее на холод.

— Ничего страшного! Наоборот, самое лучшее для нее время — вот такой погожий морозный денек, когда воздух сухой и чистый. Вот в сырые, промозглые дни у меня закладывает грудь и начинается кашель.

И вот мы вышли из дому и, к моему величайшему изумлению, прекрасно и весело провели часа два. Не то чтобы Тео в новой обстановке утратил всю неуклюжесть, но на открытом пространстве, без препятствий на каждом шагу, ему нечего было задевать, разве что скользить и падать на льду, что он и проделывал без устали. Когда он шел, приходилось стоять смирно, поскольку его руки — мельничные крылья — могли снести вам голову, подвернись вы не вовремя. Ноги его дергались, как у марионетки, а потом все вмиг рушилось, как карточный домик, и на землю оседало что-то вроде комка дохлых пауков. Это было так уморительно, что сначала я безудержно хохотала, а потом, обнаружив, что кучка его костей лежит неподвижно, кидалась к нему, страшась того, что могла увидеть. Но Тео каждый раз ухитрялся собрать себя и при этом улыбался, так что вскоре мы уже лепили снежки и бросались друг в друга, причем Тео в этом страшно проигрывал: его броски были неточными, и он чаще попадал сам в себя, чем в меня. А потом он предложил слепить снеговика, и мы принялись за дело, но успели скатать только голову, когда мне припомнилось, как прошлой зимой мы так же играли с Джайлсом, и меня обожгла вина. Я подумала о нем, как он сидит в классе, а я развлекаюсь и даже не вспоминаю о нем вот уже целых два часа. Внезапно меня насквозь пронизал холод, зубы застучали так, что я не могла вымолвить ни слова, и Тео, видя это, настоял, чтобы мы вернулись в дом.

То ли я тогда слышала мысли Джайлса, то ли он мои, но только на следующий день от него пришло письмо. Не слишком хорошим корреспондентом был мой бедный братец, ему не хватало моей легкости в обращении со словами, хотя я очень старалась научить его

читать и писать. Миссис Граус, которая об этом и не догадывалась, дивилась тому, как же скоро мастера Джайлса выучили письму в школе. Каракули были такими кривыми и неуклюжими, что разобрать его коротенькое послание стоило немалых трудов. Сначала, разумеется, письмом завладела миссис Граус, а мне оставалось выжидать, пока она гадала, что могут означать иероглифы Джайлса. Бедная женщина, я подозреваю, и сама была такой же грамотной — или неграмотной, — как мой брат, так что с грехом пополам сумела расшифровать три четверти письма, а об остальном вынуждена была строить догадки. Когда же я наконец заполучила письмо, то повозилась с ним изрядно. Благодаря этому, а также тому, что я хорошо знала Джайлса, мне удалось понять, о чем идет речь.

Дорогая Фло!

Я должен писать домой раз в две недели, по воскресеньям. Нам на это дают время, и все другие мальчики тоже пишут письма. Я надеюсь, у тебя все хорошо. Надеюсь, у миссис Граус все хорошо. Надеюсь, у Мег, и Мэри, и у Джона все хорошо. У меня все очень хорошо, спасибо. Я не скучаю по дому. Я отстаю в учебе, но это ничего. Другие мальчики смеются надо мной из-за этого, но я не так уж обижаюсь, что смеются. Ну все, до свидания.

Твой любящий брат

Джайлс.

Что это значит «не так уж обижаюсь»? Насколько это «не так уж»? Есть ли другие вещи, которые обижают его больше? Может, к нему пристают, бьют или щиплют, дерут за волосы или поджаривают на огне? Или это просто фигура речи, способ сказать, что ему наплевать на смех мальчиков? А почему он пишет, что не скучает по дому? Зачем тогда вообще об этом упоминать? Объяснение только одно: возможно, он все же грустит по дому, но ему не велели об этом писать, чтобы не волновать домашних. Письмо заставило меня поплакать, а ночью в постели я перечитывала его вновь и вновь, потом спрятала в подушку, чтобы быть хоть чуть поближе к бедняжке Джайлсу.

Читая о наших снежных играх с Тео Ванхузером, вы не должны думать, что от его посещений я испытывала ничем не омраченную радость. На самом деле радость омрачалась многим, а больше всего тем, что возникла серьезная помеха моему чтению. Визиты Тео отрывали от книг надолго и часто в самый неподходящий момент, но дело не только в этом. Бывали еще и дни, когда он не являлся. Вы помните, что в таких случаях, находясь в башне, я должна была выглядывать в окно каждые четыре с половиной минуты. Чтобы не ошибиться, я округлила время до четырех минут. Но конечно же у меня по-прежнему не было часов, а о том, чтобы перелезть через перила и нестись по лестнице, чтобы взглянуть на напольные часы в библиотеке, речи быть не могло. Единственным мерилom времени могла служить скорость, с которой я переворачивала страницы, скорость моего чтения. Поэтому, прежде чем утащить новую книгу наверх из библиотеки, я прочитывала несколько страниц и засекала время по часам, чтобы определить, намного ли успеваю продвинуться за четыре минуты. Если на три с половиной страницы, значит, в башенной комнате нужно выглядывать в окно, прочитав именно столько. Такое чтение было сродни тщетным попыткам не заснуть: книга старалась увлечь меня, затянуть в незнакомый мир, созданный ее автором, но какая-то часть меня сопротивлялась пленительному соблазну и мешала сосредоточиться, повторяя: *три с половиной страницы, три с половиной, три с половиной...* Иногда я с ужасом понимала, что страниц проглочено больше — семь или восемь, а иногда даже десять или четырнадцать, — а я ни разу не подняла головы. В таких случаях у меня не было шансов узнать, не вошел ли Ванхузер незамеченным. Приходилось откладывать книгу, снова лезть по лестнице, цепляясь за перила, нестись по коридору, заглядывать в гостиную, потом, если Тео там не было, выглядывать на аллею, убеждаться в ее *безванхузерности* и сломя голову мчаться обратно в башню. С интересной книгой вроде «Джейн Эйр» мне, бывало, приходилось пробегать этот кросс по четыре-пять раз на день.

Однажды, сидя в башне, я оторвала глаза от книги, проклиная этот идиотский, отвратительный четырехминутный способ чтения, и увидела в окно грача, который пытался выклевать что-то в снегу. Глядя на эту картину, я внезапно подумала: вот идеальная иллюстрация моего нынешнего состояния души. Непорочный белый снег и этот

черный грач, словно грязное пятно на свежестыранной простыне. Впервые я вдруг осознала, что в этом мире нет ничего совершенно хорошего и совершенно дурного, что на каждой странице найдется своя пометка, и даже в самой темной ночи, как я надеялась, можно различить мерцающий вдали огонек. Это немного ободрило и обнадежило меня. Грачом моего пейзажа был Джайлс и все те страдания, которые, возможно, он сейчас испытывал, и все страдания, которые испытывала я из-за глубокой дыры в том месте моей души, где раньше был братец. Но грач был лишь маленькой черной точкой, а все остальное сверкало белизной. Разве это не давало надежду, что большую часть школьного времени Джайлс вполне счастлив и беззаботен, что ему не нравятся лишь одна-две мелочи? И еще, наверняка он написал, что не скучает по дому, чтобы подбодрить меня! Иначе и быть не может.

Как бы то ни было, оставалось ждать рождественских каникул, когда Джайлс окажется дома и я смогу наконец вызнать от него всю правду, хотя я не очень-то представляла, какая от этого будет польза. А тем временем я читала все утра напролет и, по возможности, после обеда, а остальную часть времени *ванхузествовала*. Из-за длинных и непослушных конечностей, которые Тео приходилось постоянно держать подальше от фарфоровой посуды, он по большей части старался вытащить меня на снег. Как-то раз, выглянув в окно башни, я увидела странную согбенную фигуру, несущуюся по аллее, и тут же вернулась к чтению, решив, что это, должно быть, какой-то разносчик. На Ванхузера тот человек вовсе не походил. Мне показалось, что это горбун, но потом, по счастью, я взглянула на него еще раз: тут большой горб на его спине вдруг зашевелился, свалился со спины, перекинулся в руку, а остальное сложилось в несомненную долговязую фигуру Тео, отчего я подпрыгнула, перескочила через поручень перил и пустилась бегом по коридору.

В вестибюле Тео развязывал большой кожаный мешок, который нес за спиной. Вид у него был сияющий и загадочный, будто у фокусника, собирающегося *исшляпить* кролика.

— Коньки. Ну, у вас ведь за домом озеро, правда же?

Миссис Граус разволновалась и встревожилась. А вдруг лед еще слишком тонок, что, если он проломится и мы утонем? Как она тогда оправдается перед матерью Тео? Мне показалось, что ее больше

беспокоит это, а не наша вероятная гибель, и не совсем мудро с ее стороны нам это показывать. Но промолчала. Разумеется, никто не волновался о том, как оправдываться перед *моей* матерью. И весьма показательно, что миссис Граус не упомянула, что моя смерть могла бы огорчить дядю: мы обе знали, что уж он-то не стал бы горевать.

Хорошо еще, что неподалеку случился Джон: он зачем-то шел по коридору, услышал и вмешался. Он уверил миссис Граус, что мальчишкой каждую зиму катался на коньках в этих краях и что в это время года толщина льда уж никак не меньше фута. Он пообещал, что будет сопровождать нас и, по настоянию миссис Граус, тщательно осмотрит всю поверхность озера «на случай, если там окажутся трещины» — правда, услышав последнее, Джон округлил глаза и усмехнулся у нее за спиной.

К моему великому удивлению, особенно после бесчисленных падений и *то-и-дельных снегопоскальзываний*, Тео оказался искусным конькобежцем. Надев коньки, он преобразился. С раннего возраста, как он поведал мне, он ежегодно тренировался в Центральном парке Нью-Йорка и теперь то носился по озеру с головокружительной скоростью, то, двигаясь плавно и изящно, демонстрировал повороты, вращения и скольжение. Он напомнил мне лебедя, который неуклюже, вперевалку передвигается по суше, летает низко и тяжело, с трудом отрываясь от земли, зато с удивительной грацией безмятежно скользит по воде. Полагаю, для Тео было великим облегчением оказаться на замерзшем озере, где ему нечего было задевать и ронять, тонконогие столики и хрупкие чашки не мешали рукам, а ковры не подворачивались под ноги.

Мне, напротив, задача никак не давалась. Ноги были полны решимости разъезжаться в разные стороны, голову притягивал лед, и она постоянно пыталась отвесить ему поклон, а нижняя часть туловища норовила занять сидячую позицию. Но Тео был добр и терпелив, помогая мне. Здесь он становился другим человеком, уверенным в себе: он поддерживал, объяснял, управлял мной, как я управляла им на твердой земле. Постепенно у меня начало что-то получаться, а приблизительно через две недели я уже могла продержаться на льду десять минут, не спотыкаясь и не *приледеясь*.

Вскоре я заметила, что после обеда не *четырёхминутничая*, а поглядываю в окно после каждой страницы — мне не терпелось

увидеть Тео, поднимающегося по аллее. И вот однажды он не появился вовсе. Дрожа в мертвой тишине башни, я читала «Монаха»,^[6] и волоски на шее поднимались дыбом от ужаса. В очередной раз выглянув в окно, я поняла, что Тео сегодня вряд ли уже появится на аллее, потому что начинали сгущаться сумерки. Читать я еще могла, потому что башня была самым высоким и освещенным местом в Блайте, солнце задерживалось здесь дольше всего. Что могло случиться с Тео? Отчего он не пришел? Правда, весь день валил снег, но прежде это его не останавливало. Не запретил ли посещения его наставник? Или ему установили другое расписание занятий и лишили послеобеденных часов? Миссис Граус я отыскала на кухне.

— Где вы были? — строго спросила она и, прежде чем я успела ответить, прибавила: — Вам принесли записку.

С этими словами она извлекла конверт, сама вскрыла и, вынув сложенный листок бумаги, развернула его. Надев очки, она пристально уставилась на листок:

— Это от молодого Ванхузера. — И приступила к чтению.

Дорогая Флоренс!

Прошу извинения за то, что не пришел нынче вас проведать. Сегодня мой компаньон — астма. Вызван доктор, интенсивная физическая нагрузка под запретом. Пожалуйста, продолжайте кататься на коньках и сделайте один-два круга за меня тоже.

Записка оканчивалась стихами:

В гости я к Флоренс собрался,
Да, к несчастью, расхворался:
Астма не шутила,
Как щипцы, схватила.

Стишок мне понравился. Не Уолт Уитмен, конечно, но лучше, чем было, намного лучше.

Миссис Граус сложила записку, протянула мне (непонятно зачем, ведь, по ее мнению, я не умела читать) и произнесла:

— Вы должны нанести визит Ванхузерам, справиться о здоровье Тео. Так полагается. Так следует поступать юным леди.

— Но... — Я хотела было возразить, что никогда еще не наносила никому визитов.

Мы с Джайлсом никогда не играли с другими детьми, потому что никого не знали. Это было одной из причин, по которым я так опасалась, провожая его в школу. Но теперь Джайлс был в школе, и это, а также полученный мной *Теопыт* все изменили. Сейчас я это ясно видела.

— Очень хорошо. Я отправлюсь утром.

Миссис Граус улыбнулась, и я чувствовала на себе ее взгляд, отправляясь к Мег, чтобы попросить ее испечь сладких булочек для Тео.

6

Я не знаю, когда начались мои прогулки по ночам, потому что не помню себя без них, и, конечно, я не могла вспомнить ничего о самих прогулках, только то, что просыпаюсь иногда в странных местах — например, в музыкальном салоне, а один раз в комнатухе Мэри на чердаке и много раз на кухне. Но я знала, как начинаются эти прогулки. А начинались они всегда одинаково: мне снился сон, каждый раз один и тот же.

В этом сне я лежала в кроватке, совсем как на самом деле, только это всегда было в старой детской спальне. Ее сейчас занимает только Джайлс, но раньше там жили мы оба, пока миссис Граус не сказала, что я становлюсь совсем уже большой барышней и негоже мне жить в одной комнате с братцем. Я просыпалась от того, что лунный свет струился в окно — часто, хотя далеко не всегда, мои прогулки случались в полнолуние. Я поднимала голову, осматривалась и видела очертания какой-то фигуры, склонившейся над кроваткой Джайлса. Сначала я видела просто очертания, но постепенно понимала, что это человек — женщина, одетая во все черное: в черное дорожное платье и черную накидку с капюшоном. Я видела, как она обнимает Джайлса и — в этом сне он всегда был малюткой — берет на руки. Потом капюшон с ее лица падал, и я мельком видела ее лицо. Она глядела на моего спящего братца — он никогда не просыпался — и говорила одни и те же слова: «О, мой милый, какой же ты сладкий, так бы и съела тебя». И действительно, глаза ее сверкали голодным блеском. В этот миг во сне я всегда хотела закричать, но не могла. Что-то сдавливало мне горло, как будто ледяная рука сжимала шею, и я едва могла

вздохнуть. Затем женщина набрасывала на Джайлса свою накидку и резко поворачивалась, будто впервые замечая меня. Торопливо набросив на голову капюшон, женщина проворно и бесшумно выбегала из спальни с моим братом на руках.

Я хотела бежать за ней, но не могла, будто что-то удерживало меня в постели. Тело наливалось свинцом, и лишь невероятным усилием мне удавалось поднять руки и ноги, оторвать их от простыни. Я садилась и пробовала кричать, поднять на ноги весь дом, но крикнуть не получалось, только какой-то жалкий воробьиный писк, но и он умирал, едва слетев с моих губ. Я спускала ноги на пол, поднималась и медленно-медленно — хотя и надо было спешить, но ноги были как ватные и не слушались меня — брела к двери. Там я крутила головой влево и вправо, осматривая коридор, но женщины нигде не было видно. Нечего было и пытаться *умозаключать*, ведь она с одинаковым успехом могла побежать и влево, и вправо. И я решала пойти направо, всегда направо, и начинала двигаться по коридору, с трудом переставляя отяжелевшие ноги. А потом... потом... я просыпалась, сидя, например, на табурете у рояля в гостиной или на стульчике Мег на кухне, иногда одна, но порой и в окружении встревоженных слуг. Они осматривали и ощупывали меня, чтобы убедиться, что я не поранилась, не причинила себе вреда, не вышла на улицу и не утонула в озере. Когда я просыпалась, первыми моими словами всегда были: «Джайлс, Джайлс, я должна спасти Джайлса». А миссис Граус, или Джон, или Мег, или Мэри, кто уж оказывался рядом, всегда отвечали: «Все в порядке, мисс Флоренс, это просто дурной сон. Мастер Джайлс крепко спит, он в безопасности».

Поскольку я ничего не помнила из «бродячей» части сна, подробности о своем *снохождении* я узнавала только из рассказов. Во сне я часто ходила по галерее — длинному коридору с окнами на втором этаже, тянувшемуся вдоль всей центральной части дома. Джон рассказывал мне, как он, только начав работать в Блайт-хаусе, решил как-то скоротать субботний вечер в деревенском кабачке и возвращался оттуда, нетвердо держась на ногах, как вдруг заметил фигуру в белом. Она медленно двигалась по тому самому коридору, появлялась в одном окне, скрывалась, но тут же возникала в следующем. Тогда Джон еще ничего не знал про мой лунатизм.

— Ну, скажу как на духу, барышня, — часто говаривал он мне, — хоть я и не католик, но тут перекрестился. Я ж слышал, какая о Блайт-хаусе ходит слава: мол, призраки тут водятся, потому что он вроде как их притягивает. Вот и вбил себе в башку, что увидел что-то недоброе. Я ж уверен был, что найду всех в доме с перерезанными глотками.

Миссис Граус говорила, что я всегда ходила медленно и не так, как обычно описывают лунатиков в книжках, будто руки у них вытянуты вперед, как у слепых, которые боятся наткнуться на препятствие. У меня руки были опущены и безвольно висели по бокам. Держалась я всегда очень прямо и будто скользила, двигаясь плавно, без резких движений, как при обычной ходьбе, гладко и ровно, как будто, «катилась на колесиках».

То, что Джон рассказывал о Блайт-хаусе и призраках, было правдой. Миссис Граус, конечно, твердила, что все это ерунда и чепуха. А вот Мег как-то сказала мне, что местные жители поговаривают, будто призраки любят этот дом и тянутся к нему, словно их влечет какой-то обитающий здесь неприкаянный дух, притягивает их, как притягивает магнит железные опилки. И вот теперь благодаря мне подобные суеверия, кажется, даже усилились, хотя это и была всего-навсего я, девочка Флоренс, бродящая по ночам.

Мег рассказывала, что со мной, когда я приходила в себя после ночных прогулок, несколько минут невозможно было разговаривать — я как будто и не слышала никого. Часто, прежде чем окончательно проснуться, в момент, когда я, казалось, уже выплывала из сна, но еще не окончательно вернулась к реальности, я начинала бурно рыдать, а тех, кто пытался меня утешить, отталкивала, повторяя: «Нет же, нет, не обо мне беспокойтесь! Это Джайлсу нужна помощь. Мы должны его разыскать, обязательно!» Или что-то в этом роде.

Когда после третьей или четвертой такой ночной прогулки стало ясно, что это становится постоянной привычкой, пригласили доктора Бредли, местного врача. Он долго и внимательно меня осматривал, светил в глаза, заглядывал в уши, слушал сердце и тому подобное. Затем он сообщил, что физически я развита нормально, и разъяснил, что подобные явления могут быть отражением тревожного состояния, естественного для рано осиротевшего ребенка, перенесшего такие потрясения в раннем возрасте. Это подтверждается тем, отметил доктор, что все мои страхи связаны с Джайлсом, единственным, кто в

конце концов остался неизменным в моей жизни. Все это я прочитала в отчете, который обнаружила однажды на столе миссис Граус, когда она отправилась в город по делам. Меня заинтересовали слова «перенесшего такие потрясения в раннем возрасте». Я совсем ничего не помнила о своих родителях — матушка моя умерла при родах, дав мне жизнь, а отец погиб через четыре года. Он утонул, катаясь на лодке, вместе с мачехой, матерью Джайлса. Я их совсем не помнила, а все слуги были наняты уже после несчастного случая, так что и они не могли ничего рассказать. Раннее детство было для меня чистой страницей, белым снежным полем, без единого намека на черного грача.

7

До того как я на следующее утро отправилась с визитом к Ванхузерам, Джон вернулся из города с письмом — довольно редкое событие для Блайт-хауса, поскольку миссис Граус получала корреспонденцию от моего дядюшки лишь два-три раза в год, а больше почти никто не писал. Письмо было адресовано мне, и я подумала: даром что считаюсь неграмотной, а за последние несколько недель стала самой *эпистоляризованной* персоной во всей округе. Письмо, разумеется, было от Джайлса, и я ждала затаив дыхание, когда же миссис Граус начнет читать его вслух. Сначала она хмыкнула и проворчала:

— Конечно, дел у меня других нет, только целыми днями читать вам письма.

Дорогая Фло!

Спасибо тебе за твое письмо. Я его прочитал много раз, и оно уже рвется — так часто я его сворачивал и разворачивал. Мне нравится, что вы там катаетесь на коньках, и я жду не дождусь каникул. Как ты думаешь, Тео Ванхузер сможет найти коньки и для меня? А лед на озере выдержит нас троих? Или придется выходить по очереди? Я очень плохо запоминаю уроки, но не обижаюсь, что другие надо мной смеются. Это лучше, чем когда бьют или щиплются. Но ты не волнуйся за меня, потому что это бывает не часто. Не очень часто. Я надеюсь, у тебя все

хорошо. Надеюсь, у миссис Граус и Джона все хорошо.
Надеюсь, у Мег и Мэри все хорошо.

Твой любящий брат
Джайлс.

Письмо от меня, упомянутое Джайлсом, было конечно же написано миссис Граус и потому не содержало ничего, что мне хотелось бы сказать ему, — о башенной комнате, например (хотя, сказать по правде, я не решила окончательно, посвящать его в это или нет). В том письме не было ни слова и о моей тревоге за него, которая так меня мучила. Слова Джайлса о битье и щипках заставили меня содрогнуться, хотя до конца и не было понятно, в самом ли деле он подвергался насилию или «ты не волнуйся за меня, потому что это бывает не часто» относилось только к насмешкам. Однако у меня не было времени как следует над этим поразмыслить. Все было готово к *визитоотданию*, так что я взяла письмо у миссис Граус и сунула в карман своей шубки. Лежа там, письмо тяготило меня, тянуло к земле, будто железные кандалы на ногах каторжника или украденный ломоть хлеба в кармане штанов у школьника. Я хотела отправиться к Ванхузерам пешком, но миссис Граус и слушать не хотела. Между нашими домами было больше мили, и, хотя снег сегодня не шел и дорога была чистой, снегопад мог начаться снова и застать меня на полпути... не говоря уж о том, что и без снежной бури я непременно замерзла бы до полусмерти. Ей и в голову не пришло, что и в самые морозные дни я провожу по полдня на льду, так что Джону было велено отвезти меня на двуколке. Меня это устраивало вполне, потому что, как только Блайт-хаус скрылся из виду, а вместе с ним и назойливые глаза миссис Граус, Джон дал мне поводья и позволил править, как он частенько делал, когда экономки не было рядом. Старый мерин Дрозд, которого обычно запрягали в двуколку, смирный и понятливый, превосходно знал все окрестные дороги, так что, вообще-то, им и не нужно было особо править. Даже в снег не было опасности, что Дрозд сойдет с дороги и опрокинет седоков в канаву.

Я никогда прежде не видела дом Ванхузеров. К нему вела длинная аллея, а сам дом, скрытый зарослями кустарника, стоял в глубине, так что с главной дороги можно было заметить только трубы на крыше. Поэтому я была удивлена, обнаружив, что он меньше Блайт-хауса, но

при этом превосходит его во всем остальном, кроме размеров. Это было понятно сразу, как только свернешь с дороги и увидишь свежеевыкрашенные ворота, в отличие от наших, ржавых и облупившихся. Кусты по бокам аллеи были аккуратно подстрижены, а газоны по сторонам уж наверняка тщательнейшим образом подстригались. Сам дом сверкал и блестел на зимнем солнце; он не поглощал свет, как мрачный старый Блайт-хаус. Джон высадил меня у парадного подъезда.

— Я отгону двуколку на задний двор и посижу на кухне со слугами, мисс Флоренс. А вы просто велите послать за мной, как соберетесь назад.

Протягивая руку к дверному молотку, я ужасно волновалась. Сегодня на мне было самое нарядное платье, и я чувствовала себя не в своей тарелке. Дверь открыл (бесшумно, она не заскрипела, как скрипели все двери в Блайте-хаусе) лакей в ливрее.

— Да, мэм, — обратился он ко мне, вопросительно приподняв бровь.

— Я... я приехала справиться о здоровье мистера Ванхузера, — промямлила я. — Я хочу сказать, молодого мистера Ванхузера.

— А вы, должно быть...

— Флоренс, из Блайт-хауса.

Он широко распахнул дверь и, отвесив мне поклон, жестом пригласил войти. Я оказалась в просторном холле с высокой и широченной лестницей. Всюду сияли люстры, канделябры, хрусталь, на стенах висели зеркала, и меня со всех сторон окружила целая толпа бледных, неуклюжих девочек, глядевших исподлобья.

— Не будете ли так любезны подождать всего минутку, мисс, пока я доложу о вас миссис Ванхузер.

Он удалился, щегольски стуча каблуками по облицованному плитками полу. Я еще немного поразглядывала себя в зеркалах, а потом решила сосредоточиться на изучении собственных башмаков — и сочла это занятие намного более успокаивающим. Прошло, как мне показалось, несколько лет — должно быть, идти пришлось далеко. Наконец лакей *прищелкал* обратно и пригласил следовать за ним. Мы прошли по длинному коридору, он распахнул дверь и впустил меня в небольшой салон, где миссис Ванхузер, сидя за ореховым письменным

столом, писала письмо. Оторвавшись от своего занятия, она одарила меня слащавой улыбкой:

— Входите, дорогая моя, входите и устраивайтесь поудобнее. Вы, должно быть, озябли в дороге.

Она поднялась, обошла стол и пожала мне руку. Я протянула ей бумажный пакет с булочками, который принесла с собой.

— Это для Тео, — пояснила я.

Миссис Ванхузер открыла пакет, изучила его содержимое, молча отложила в сторону и указала на стул возле камина:

— Мелвилл, принесите нам кофе и кексы, будьте любезны.

Дверь тихо закрылась. Я села. Я только один раз видела миссис Ванхузер, когда она привезла Тео в Блайт-хаус знакомиться. В тот раз я почти не рассмотрела ее, мое внимание тогда больше привлек Тео: интересно было, сколько пройдет времени, прежде чем он что-нибудь разобьет. Наблюдая за ней теперь, я удивлялась: не женщина, а настоящий дреднот. Высокая — можно было с уверенностью сказать, что свой рост Тео унаследовал от нее, — но к тому же весьма плотная, массивная, не такая хлипкая, как ее мальчик. Большая грудь выдавалась вперед, словно полка над камином. На ней можно было бы расставить безделушки, вазу с цветами и бюстик Бетховена, а может быть, одну-две семейные фотографии. Пышные волосы дамы были забраны вверх, и громоздкая прическа, пожалуй, добавляла ей еще несколько дюймов. Когда я села, она великаншей нависла надо мной, что отнюдь не помогло мне расслабиться и перестать нервничать.

Положив руку на каминную полку, она склонилась к огню.

— Я... я хотела осведомиться о здоровье Тео, я хочу сказать, мистера Ванхузера, — выдавила я, — я надеялась повидать его, если можно, подбодрить его и пожелать выздоровления.

Лицо миссис Ванхузер озарилось неискренней улыбкой, больше похожей на гримасу.

— Ах, как чудесно, как мило, но, боюсь, это невозможно. Тео слишком плох сейчас. Доктор сказал, что всякое душевное волнение ему противопоказано.

Я улыбнулась при мысли о том, что могу стать причиной душевного волнения.

— Вы находите это смешным?

— О нет, что вы, мэм, вовсе нет. Я просто, ну... — Мой голос угас.

Снова отворилась дверь, и появился Мелвилл с подносом. Миссис Ванхузер уселась у камина напротив меня. Мелвилл подвинул к ней изящный столик и поставил на него поднос. Другой столик он поставил рядом со мной.

— Благодарю вас, Мелвилл, можете идти.

Она налила кофе, плеснула молока и протянула мне чашку:

— Так вам, кажется, понравилось общество Тео.

Я кивнула:

— О да...

— Разумеется. Прелестный, обаятельный мальчуган. — Мне показалось, что эти слова не вполне вяжутся с Тео. — И я решила, что ему полезно будет пообщаться здесь с кем-то из сверстников, развлечься...

Я нервно отпила кофе. Миссис Ванхузер тоже поднесла свою чашку к губам, но, подержав, опустила ее:

— Однако теперь, в свете последних событий, я задаю себе вопрос, не было ли это ошибкой.

— Ошибкой?

Она протянула мне блюдо с крохотными кексами, но я отказалась. Взяв один кексик, миссис Граус целиком сунула его в рот и минутную другую вдумчиво пережевывала. Часы на камине затикали громче. Она проглотила.

— Да, ошибкой. Все это катание на коньках и беготня на морозе... Боюсь, его груди это только повредило.

— Но, миссис Ванхузер, если вы позволите...

— Не позволю. — Она положила в рот еще один крохотный кексик и принялась жевать с такой яростью, что мне невольно стало его жаль.

Справившись с ним, она повернулась и пристально уставилась на меня, как ученый на букашку под микроскопом.

— Дело в том, Флоренс, что вашим воспитанием не занимаются. Полагаю, вашему дяде следовало бы обратить на вас пристальное внимание. В этом и состоят обязанности опекуна, а не только в предоставлении крова и пропитания.

Я сумела лишь выдавить из себя:

— Вы знакомы с моим дядюшкой?

— Нет, не имела удовольствия, никогда даже не слышала о нем, пока мы не приобрели это поместье. А вот с вашей приемной матерью я однажды встречалась.

— Какой она была?

Мать Тео зажмурилась, будто отгораживаясь от настоящего и вглядываясь в далекое прошлое. Наконец она открыла глаза и взяла со стола колокольчик:

— Это было так давно, знаете ли, много лет назад, когда она была почти девочкой. Славненькая, но простовата, простовата. А больше я ничего и не помню теперь. Потом я услышала, что она вышла замуж за кого-то из этих мест.

Миссис Ванхузер позвонила.

— Это был мой отец, — вздохнула я.

— По всей видимости, — подтвердила она.

— И они погибли, перевернулись, катаясь на лодке, насколько я знаю.

— Какая трагедия, — произнесла миссис Ванхузер так, словно это вовсе не было трагедией.

В дверях возник Мелвилл.

— Как бы то ни было, — продолжала она, — я полагаю, что лучше будет, если Тео станет бывать у вас пореже. Мальчику надо заниматься, тем более сейчас, когда он хворает, и наставник опасается, что он отстанет в учебе...

— В-в-вы запретите ему приходить? — Удивительно, что эта новость так меня задела. Я не ожидала от себя подобного *небезразличия*.

— О нет, дорогая, я совсем не собираюсь лишать сына всех развлечений. Хочу только немного ограничить их, вот и все. Я уверена, что ему вредно перевозбуждаться. Мелвилл, распорядитесь, чтобы экипаж молодой леди подали к крыльцу, будьте любезны.

8

Всю ночь я проворочалась, ожидая пока рассветет: голова была переполнена мыслями, и это не давало заснуть. Девочка, целиком предоставленная себе и имевшая в распоряжении сколько угодно свободного времени, была теперь полностью захвачена многочисленными событиями, происходящими в жизни. Прежде всего,

это бедняжка Джайлс и все, что я *намеждустрочила* в его письмах. Собственно, кроме туманной фразы насчет щипков и побоев, ухватиться мне было не за что, никаких прямых жалоб в нем не было, а я не сомневалась, что они появились бы в письме, если бы мой братец действительно страдал. Успокоившись, я вдруг очнулась с новой мыслью — и как только она не пришла мне в голову раньше? Письма наверняка подвергались цензуре, учитель просматривал их, прежде чем разрешал отослать домой. Любое откровенное признание, упоминание о том, что Джайлса обижают, конечно же вычеркивали. И в самом деле, к чему тревожить родителей? Школа заинтересована в сохранении доброго имени, а жалобы этому не способствуют. Вы, разумеется, можете себе представить, что эта мысль несколько меня не успокоила.

Далее мои мысли занял Тео Ванхузер. Не то чтобы мне очень уже недоставало его посещений — все же он был довольно странным малым. Меня задела миссис Ванхузер, которая бесцеремонно вклинилась в мою жизнь, решив, что он все же будет навещать меня, но намного реже. Уж лучше бы вообще запретила ему сюда ходить. Теперь по ее милости я была вынуждена продолжать *послеобедствовать*, высматривая Тео с башни, вместо того чтобы спокойно наслаждаться чтением в библиотеке. Только теперь *трехполовинойминутничанья* будет намного, намного больше, ведь Тео будет пропускать больше дней, а мне никто не удосужится сообщить, что ждать его не нужно. Следовательно, мне придется дольше дежурить у окна, причем большую часть времени впустую. Я проклинала Тео за то, что он вообще вошел в мою жизнь и так ее осложнил, но в то же время чувствовала, что скучаю по нему и хочу, чтобы он поскорее пришел. Снова и снова мне представлялась одна и та же картина: девственно-чистый снег и черный грач на нем.

Но моя бессонница объяснялась не только этим. Куда сильнее мои мысли были заняты не тем, что миссис Ванхузер сказала о сыне, а *вскользьупоминанием* о моих дяде и мачехе. Я размышляла о Тео, беспокоилась о Джайлсе, но все время в голове, как некое подводное течение, продолжали биться ее слова.

Конечно, я просто-напросто не сумею жить дальше, не узнав ничего о своих родителях. Я и раньше пыталась вытянуть хоть какие-нибудь сведения у миссис Граус, но она упорно молчала и уходила от

ответа. «Мне известно только то, мисс Флоренс, что я вам уже рассказала. Ваша матушка покинула этот мир как раз тогда, когда вы в него явились, а ваш папенька погиб, утонул, когда перевернулась лодка. Так и умерли они оба с матушкой мастера Джайлса, когда мастер Джайлс был еще совсем малюткой», — неизменно повторяла она.

Как-то я попыталась зайти с другой стороны — начала расспрашивать ее о моей родословной. Меня якобы заинтересовало то, что у нас с Джайлсом была та же фамилия, что и у дядюшки, а значит, наш отец, судя по всему, приходился ему братом.

— Я и видела-то вашего дядю один-единственный раз, барышня, — неохотно и медленно отвечала экономка. Так обычно говорят, когда не то чтобы хотят увильнуть от неприятного разговора, а скорее всеми силами стараются избежать ошибки. — Было это в Нью-Йорке, когда он нанимал меня присматривать за этим домом и за вами с мастером Джайлсом. Вам тогда четыре годика было, вот и все, что мне известно. Мы не обсуждали с ним ваше фамильное древо.

Сейчас мне пришло в голову, что можно было бы узнать больше, если бы я могла написать дяде и обо всем расспросить напрямую: кто я? кем были мои родители? О, если бы все было так просто! Но дядя строго-настрого распорядился не учить меня грамоте и вряд ли порадовался бы, обнаружив в своей утренней почте письмо, написанное моей рукой.

Не имело никакого смысла вновь расспрашивать миссис Граус. У этой простой души все было написано на лице. Она походила на Джорджа Вашингтона тем, что, как и он, совсем не умела лгать. Если бы она что-то скрывала, я догадалась бы сразу. Она ничего не рассказала мне не потому, что не хотела, а потому, что не знала. Расспросы о моих отце и матери не принесли бы ничего нового, но моя любознательность могла насторожить экономку и заставить ее задуматься, к чему бы мне все это.

К чему мне все это? Мне и самой было непонятно. Все послеобеденное время я провела в башне, не читая, а размышляя об этом. Конечно, после бессонной ночи я клевала носом. Как только голова моя падала на грудь, я просыпалась и, как безумная, неслась вниз, на случай, если пропустила появление Тео, хотя и была более чем уверена, что сегодня он точно не появится. Я не могла рисковать.

Мне хотелось, чтобы Тео был здесь, и, вернувшись в башню после очередного *тщетнобеганья* и очередной *невстречи*, я вообразила, будто он здесь, и представила, как мы сидим (я в шезлонге, он в капитанском кресле напротив) и обсуждаем мою проблему.

— Вот такая история, — сказала я ему, закончив свой краткий рассказ. — Что же мне делать?

Тео потер подбородок, поднялся и, заложив руки за спину, с решительным видом начал мерить комнату длинными шагами. Наконец он остановился, взглянул на меня сверху вниз и расплылся в улыбке.

— Бумаги, — провозгласил он.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла я.

Тео подошел ко мне, опустился на одно колено и костлявыми ручищами схватил меня за плечи:

— Как ты не понимаешь, должны же быть бумаги, документы, касающиеся тебя. На все бывают документы. И скорее всего, они где-то здесь, в Блайт-хаусе.

Выпустив меня, Тео встал, не сводя с меня глаз и ожидая реакции.

Я вскочила со стула, но тут же рухнула на него снова:

— Если только дядя не забрал их с собой в Нью-Йорк, когда внезапно уехал.

Мой воображаемый Тео пожал плечами. При этом он напоминал гигантского богомола.

— Возможно. А может, и нет. Стоит попытаться.

Я, пожалуй, обняла бы Тео, но не стала, потому что его здесь не было, а даже если бы и был, того и гляди, разразился бы новым стихотворением. Вместо этого я выглянула на пустынную аллею, на которой так и не появилась угловатая фигура, и, почувствовав, что скучаю еще сильнее, тем самым поблагодарила Тео за помощь.

Тео был прав. Хотя из-за своего воспитания я была наивной и неискушенной в делах, из книг мне было известно, что любой человек, кем бы он ни был, непременно где-нибудь записан. Наверняка и я была зафиксирована в бумагах, как и все прочие. Все, что от меня требовалось, — разыскать эти записи. Блайт-хаус — громадный дом, но в нем не так уж много мест, где могут храниться документы.

На следующее же утро я начала поиски с библиотеки, потому что там было множество бумаг. Я искала что-нибудь, что определенно

было бы не книгой — возможно, папку или какой-то гроссбух. Вас может удивить, что за четыре года, что я обживала библиотеку, мне ни разу не подвернулось под руку что-либо подобное, но прошу не забывать, что, во-первых, помещение было просто необъятным, а во-вторых, до сих пор меня интересовали здесь только книги, и ничего, кроме книг.

Ну что ж, я безрезультатно целую неделю лишала себя утреннего библиотечного чтения. Я излазила всю огромную комнату, перевернула ее вверх дном, сняла с полок, кажется, каждую книгу и все их хорошенько перетрясла, в надежде, что выпадет какой-нибудь спрятанный документ. Ничего не было. Я до тошноты и головокружения налазилась вверх и вниз по стремянкам, надышалась пылью так, что распух нос и разболелась голова, но ничего не нашла.

После обеда я, нахохлившись, отсиживалась в башне, слишком рассеянная, чтобы читать, и до слез всматривалась в заснеженный пейзаж за окном, будто надеялась увидеть там подсказку, ключ к тому, где могут быть нужные мне документы. В конце концов мне стало понятно, что хоть дядя, покидая Блайт-хаус, пренебрежительно отнесся к книгам, но документы наверняка взял с собой. Найти их в доме не было никакой надежды.

А потом — в тот день, когда у меня совсем уже опустились руки и я почти перестала думать о своем расследовании, — случай подбросил возможный ответ на мои вопросы. Я зацепилась за гвоздь, торчавший из библиотечной стремянки, и порвала чулок, а это была моя последняя пара, а значит, отличный предлог, чтобы съездить в город. Мы, дети, выбирались туда очень редко, всего раза два или три в год, вот я и подумала, что уговорю миссис Граус отправить меня туда с Джоном. Мне так хотелось отвлечься от тягостного одиночества последних дней.

Итак, я постучалась в дверь рабочей комнатухи миссис Граус и, не получив ответа, толкнула ее и обнаружила, что дверь не заперта. Комната была пуста. Видимо, экономка вышла за чем-то на кухню, а может, и во двор, чтобы отдать какие-то распоряжения Джону. Я слонялась по комнате, от нечего делать разглядывала орнаменты на камине и неоконченную вышивку, свисающую с подлокотника кресла. Подошла к конторке и, надеясь хоть чем-то себя занять, стала перелистывать толстую амбарную книгу, которая лежала рядом с

чернильницей и пером. Страницы были аккуратно разлинованы. Расшалившись, я уселась на место экономки и начала фантазировать, представляя, что я — это она.

«Флоренс, куда вы подевались? — строго обратилась я к самой себе, виновато стоящей по ту сторону конторки (руки за спиной, голова опущена). — Сколько раз я повто...» Однако я не договорила, потому что в это мгновение увидела то, с чего мне надо было бы начинать поиски.

У конторки было два ящика. Я выглянула в коридор, чтобы удостовериться, что миссис Граус не возвращается и можно действовать, потом схватилась за латунную ручку правого ящика и потянула на себя. В ящике оказалась толстая конторская книга, которую я тысячу раз видела у миссис Граус в руках. Снова проверив дверь, я вернулась к ящику, сгорая от нетерпения узнать поскорее, какие еще сокровища в нем хранятся. Он оказался полон листочков бумаги, сложенных в небольшие стопочки и аккуратно скрепленных заколками для волос. Я перебрала их один за другим и разочарованно отложила. Это были всего-навсего счета: одна стопка от бакалейщика, другая — от мясника, третья — от торговца мануфактурой. И ничего больше. Аккуратно положив на место и их, и конторскую книгу, я задвинула ящик.

Тут я услышала голоса в коридоре. Голоса медленно приближались. Миссис Граус и Мег. Они могут войти в любое мгновение. У меня не оставалось времени изучить содержимое второго ящика. Чтобы не попасться с поличным, нужно было поскорее придвинуть стул и отскочить подальше от конторки, но... я не могла отделаться от мысли, что необходимо узнать, что же там, во втором ящике. С сердцем, выпрыгивающим из груди, я потянулась к ручке, хотя слышала, как миссис Граус идет по коридору, приближается, вот-вот войдет. Все-таки я ухватилась за ручку, дернула... и ничего не произошло. Ящик не подался: он был заперт.

В этот момент дверь комнаты стала отворяться, и я чуть не вскрикнула от отчаяния, что попалась так нелепо, но услышала голос Мег издалека, из другого конца коридора. Миссис Граус — это она была у двери — задержалась, чтобы ей ответить. Я соскочила со стула, на цыпочках отбежала в другой конец комнатки и, когда вошла экономка, уже с невинным видом смотрела в окно.

— Ах, это вы, мисс Флоренс. Вам что-то нужно?

Я рассказала о рваном чулке, за этим последовал разговор о том, что я быстро расту и нуждаюсь в новой одежде.

— Ну-ка давайте глянем в конторскую книгу, посмотрим, что можно сделать.

Миссис Граус открыла ящик, и сердце у меня снова чуть не выпрыгнуло из груди, пока я следила за ней, опасаясь, что она вот-вот обнаружит какой-то беспорядок. Но она ничего не заметила и, удостоверившись, что хозяйство Блайт-хауса может перенести такую трату, назначила на завтра поездку в город. Ехать должны были она и я.

Вылазка в наш маленький городок не доставила мне особого удовольствия. Она лишь отвлекла меня от постоянных мыслей об одном и том же, о задаче, которую мне предстояло как-то решить. В последующие несколько дней я слонялась по дому, не *библиотечничая* по утрам и не *башенствуя* после обеда, потому что не могла думать ни о чем ином, кроме запертого ящика и того, как бы раздобыть к нему ключ.

Всякий раз, когда мимо проходила миссис Граус, позвякивая связкой ключей на поясе, у меня только что слюнки не текли. Звяканье ключей было притягательнее, чем зов к обеду для голодного человека. О том, чтобы выкрасть ключ, нечего было и думать. Экономка в ту же минуту хватилась бы их, даже сумей я каким-то чудом отстегнуть кольцо от ее пояса, а я и не могла этого сделать при всем желании.

Возможность подвернулась несколько дней спустя. Уже смеркалось, и в окно гостиной я увидела, как миссис Граус во дворе живо обсуждает что-то с Джоном. Она горячилась и, кажется, была на не шутку рассержена, тогда как Джон по своему обыкновению оставался невозмутимым. Экономка явно его отчитывала. Наверное, он что-то где-то перерасходовал, а миссис Граус стояла на страже интересов моего дядюшки и очень строго вела хозяйство Блайта-хауса, никому не давая спуска. Это был мой шанс. Я выскочила из дому и что есть мочи припустила к ним.

— Миссис Граус, миссис Граус! — крикнула я, подбегая.

Она оглянулась, недовольная тем, что их прервали.

— Ну, что там еще случилось, дитя мое?

— Миссис Граус, извините, пожалуйста, но я уронила иголку на пол в своей спальне и никак не могу ее найти, у меня ведь нет свечки. Пожалуйста, можно мне взять новую свечу?

Экономка шумно вздохнула. Разговор с Джоном был не окончен, и ей совсем не хотелось прерываться на полуслове. Недолго думая, она отстегнула от пояса кольцо с ключами и протянула его мне, держа за определенный ключ.

— Вот, Флоренс, этим ключиком отопри большой шкаф в кладовой и возьми одну — смотри, только одну, — а потом запири шкаф и мигом принеси ключи мне.

Я убежала. Конечно, в другое время я бы порадовалась возможности утащить лишнюю свечу, а то и две для библиотеки, но теперь мне было не до того. Я напрямик отправилась в комнату экономки, к ее конторке. Здесь пришлось немало поволноваться, подбирая нужный ключ. На огромной бряцающей связке их было никак не меньше тридцати, а я понимала, что на все про все у меня не больше пары минут. Я сразу сообразила, что некоторые ключи, видимо отпиравшие большие дверные замки, слишком велики для ящичка, и отодвинула их в сторону, сосредоточившись на дюжине ключей помельче, каким-то образом подходивших к шкафчикам и ящикам. Мне посчастливилось, и уже четвертый ключ подошел. Он легко скользнул в скважину — так холодной ночью дитя укладывается в теплую постель. Он повернулся с мелодичным щелчком.

У меня было искушение сейчас же открыть ящик, но я заставила себя сдержаться. Я знала: если, открыв его, я обнаружу хоть что-то внутри, то не смогу остановиться, и дело кончится тем, что меня поймают и изобличат. Я оставила ящик незапертым — в этом и состоял замысел — и поспешила из дома. Зайти в кладовую за свечой я не уже успевала, так что оставалось надеяться, что миссис Граус о ней не вспомнит или, как обычно, решит, что свеча у меня в кармане и не спросит про нее.

Так и вышло. На мое счастье, экономка все еще обличала Джона. Продолжая сетовать, она походя взяла у меня ключи, ни слова мне не сказала и даже не взглянула. Я поспешила прочь, пока она не обратила на меня внимания. Отправившись в свою спальню, я вытащила из-под кровати ящик со старыми куклами и прочим детским *игрушлом*, в который давно уже не играла. Никто, кроме меня, ни разу сюда не

заглянул, потому-то я и хранила тут мои нынешние секреты — книги, которые читала перед тем, как уснуть. Здесь же был небольшой склад краденых свечей, необходимых для чтения в библиотеке и в постели. Свечи я таскала везде, где могла, пользуясь каждым удобным случаем. Например, оставшись одна в гостиной, я каждый раз вынимала свечу из подсвечника, отламывала нижнюю часть и прятала ее в карман, а верхнюю ставила на место. Никто ни разу не заметил, что свечи делаются короче. В двойных канделябрах я проделывала это с обеими свечами, чтобы не показалось, что они горят с разной скоростью.

Вечером я собиралась «проведать» открытый мной ящик и обследовать его содержимое, если, конечно, в нем что-то было. Своя свеча для этого была просто необходима. Жечь свечи из комнатки миссис Граус я не могла, иначе на другой день она заметила бы, что за ночь они непостижимым образом уменьшились. К тому же, если кто-то меня услышит и зайдет в комнату, придется быстро задуть свечу, а тогда вошедший мог бы заметить курящийся над свечой дымок или, потрогав, обнаружить, что воск нагрелся и стал мягким. Свою же собственную свечку я могла спрятать, например, под коврик, а наутро достать оттуда. Я собиралась притвориться, что снова хожу во сне. К этому трюку я уже прибегала, когда мне не спалось и хотелось ночью пойти в библиотеку. Мне так подробно описывали мои ночные похождения, что я точно знала, как именно надо двигаться, с какой скоростью, выражением на лице и так далее. Правда, на этот раз возникло дополнительное осложнение: на моей ночной сорочке не было карманов, а значит, я не могла нести с собой свечу и спички — меня сразу раскусили бы и поняли, что я не гуляю во сне, а только прикидываюсь. Поэтому я отнесла спички со свечой вниз и спрятала их в цветочный горшок в холле. Вечером я долго лежала в кровати без сна, прислушиваясь к звукам старого дома, устраивавшегося на ночь, кряхтя и постанывая, словно он готовился отдохнуть после трудного и длинного дня, за который успел устать от нас, людей, с нашими надеждами, тревогами и тайнами. Время от времени я слышала на чердаке маленькую девочку, которая кружилась в танце на голом дощатом полу. Наконец где-то часы пробили полночь, звуки стихли, и я выскользнула из кровати.

Я спустилась по лестнице вниз быстро, *темнокрадучись* быстро, насколько могла, стараясь не наткнуться на что-нибудь и не перебудить

весь дом. Наконец я добралась до холла, нашла на ощупь цветочный горшок и просунула руку под шершавые паучьи листья. Я ощупывала землю так и этак, но ни свечи, ни спичек не было. Откуда-то сверху донесся стон — кто-то беспокойно вертелся во сне. Сердце у меня отчаянно колотилось. Я поняла, что кто-то обнаружил свечу со спичками — возможно, Мэри, когда поливала цветы. Это означало, что сегодня я ничего не сумею сделать, да к тому же завтра буду избличена.

Представив, как Мэри возится с цветами, я вдруг ощутила что-то вроде озарения. Конечно, горшков-то несколько! Я обыскивала не тот. Как слепая, я вытянула руки перед собой и вскоре наткнулась на другой горшок, близнец первого. Разумеется, в нем оказались и моя свеча со спичками. С трудом переведя дух, я провела рукой по взмокшему лбу. Я вспотела, хотя было холодно, а я стояла босиком на полу.

Я чиркнула спичкой, зажгла свечу и, осмотревшись, юркнула в дверь комнатухи миссис Граус, тихонечко прикрыв за собой дверь. Подняв свечу повыше, я осмотрелась, чтобы убедиться, что комната пуста. Я была почти уверена, что обнаружу в кресле миссис Граус, которая обо всем догадалась и поджидает меня, чтобы схватить за руку — наверняка эта старая мудрая женщина видела меня насквозь. Но никого не было.

Я подошла к конторке, осторожно пристроила свечу и уселась на стул экономки. Латунная ручка левого ящика была холодной и не поддавалась. Я снова перепугалась, решив, что миссис Граус обнаружила *незапертость* ящика и снова заперла его. Я ведь понятия не имела, часто ли она его открывает, что в нем хранит и почему именно этот ящик заперт. Может, в нем хранятся деньги на хозяйство, а если так, вдруг ей пришлось вечером доставать их, чтобы расплатиться с торговцем или слугами? Я перевела дух и снова потянула за ручку. Ящик подался, хотя очень туго и неохотно. Я тащила его потихоньку, сама скрипя зубами в ответ на его жалобный скрежет, уверенная в том, что поднятый нами шум обязательно перебудит весь дом. Но прислушиваться было некогда, потому что внутри я увидела один-единственный предмет. Это была толстая книга в кожаном переплете. Слой пыли указывал на то, что к ней давно не прикасались.

Судорожно сглотнув, я робко прикоснулась к книге, как к некой святыне, вроде мощей святого, которые при грубом обращении могли рассыпаться и обратиться в пыль. Положив книгу на конторку, я раскрыла ее и поняла, что передо мной альбом с фотографиями, вроде того, что как-то показывала мне Мэри, с изображениями членов ее семьи.

На первой странице была только одна фотография — портрет мужчины в деловом костюме на фоне Блайт-хауса. Я мгновенно поняла, кто это, потому что мужчина был точь-в-точь похож на портрет, висящий на повороте парадной лестницы. Это был мой дядя. Тот же прямой, решительный взгляд, та же едва уловимая улыбка на губах. Я перевернула страницу. Снова он, но на этот раз в студии фотографа, около высокого растения в кадке. Рядом с ним стояла дама в белом платье, настоящая красавица. Она держала его под руку и улыбалась спокойно и непринужденно. Выражение лица у нее было счастливое и радостное, а мужчина, как я заметила, присмотревшись получше, был доволен и горд, словно рыболов, который гордится уловом.

Я перевернула страницу и обнаружила еще одну карточку дядюшки, снова с женщиной, но определить, та ли это или другая, я не могла: снимок был порезан, а вместо женской головы зияла неровная квадратная дыра. В ночной тишине меня зазнобило, и я невольно оглянулась. Мне вдруг показалось, что там, в темноте, стоит человек с ножом и хочет сделать со мной то же, что сделали когда-то с женщиной на фото. Там, конечно, никого не было, хотя мне все равно мерещились неясные фигуры в тени по углам. Я вернулась к обезглавленной женщине и постаралась успокоиться, повторяя себе, что это вполне понятно: просто кто-то вырезал голову, чтобы вложить в медальон на память или что-то в этом роде. Ничего зловещего тут нет. Потом я вернулась назад, к первой фотографии, ко второй... Женщины были разные. Первая выше, тоньше, это было заметно, даже несмотря на отсутствие головы. Вторая была меньше ростом, должно быть, на целый фут.

Я снова перевернула страницу — опять дядюшка и вторая женщина, и опять у нее не было головы. Потом третья фотография: здесь женщина держала ребенка, совсем маленького, младенца, спеленутого и завернутого в белую шаль. И здесь лицо женщины было

безжалостно вырезано. Я перевернула следующий лист и увидела новую фотографию, совершенно похожую на предыдущую, если не считать того, что к группе присоединилась маленькая девочка. Она стояла рядом с ними, плотно сжав губы и яростно глядя прямо на фотографа, будто собиралась напасть, если тот попробует подойти хоть на шаг ближе. Выражение ее лица заставило меня вздрогнуть. Я подумала, что не хотела бы встретиться с такой девочкой, особенно сейчас, глубокой ночью. Вглядевшись в нее получше, я почувствовала что-то вроде узнавания, этот дерзкий взгляд показался мне смутно знакомым, и вдруг меня будто ударило: это я сама.

Новая страница — и ничего на ней. Больше снимков не было. Я лихорадочно *отстраничила* назад. Семейная группа. Если эта девочка — я, стало быть, младенец — это Джайлс, а женщина без лица — его мать, моя мачеха, женщина, которая утонула. Но если так, почему все они сфотографированы с моим дядей? Все это казалось нелепым и бессмысленным.

Какое-то время я рассматривала мужчину на снимке. По позе, по тому, как непринужденно они с женщиной стояли рядом, было несомненно: это супруги, он — муж женщины и отец семейства. Но как такое возможно? Разве может дядя быть одновременно и моим отцом? Я внимательнее вгляделась в снимок. В конце концов, возможно, на портрете, висящем на парадной лестнице, изображен не он. Похож, очень похож, но, может быть, все-таки не он. И тут я все-все поняла. Ну, конечно же! Это совсем и не дядюшка, а его брат, похожий на него, как бывают похожи братья, почти как близнецы. Едва эта новость улеглась в голове, пришла новая мысль, и я лихорадочно стала листать альбом назад. Мужчина тот же, что и на других снимках, определенно. Но если так, значит, первая женщина, та красавица, такая счастливая и гордая, это моя мать, моя мама, которая умерла, так и не успев познакомиться со своей дочуркой.

Я смотрела, смотрела, и чем больше вглядывалась, тем больше расплывались черты ее лица, потому что слезы заволокли мне глаза, и пришлось даже захлопнуть альбом, чтобы не капнуть на снимок. Зажмурившись, я несколько раз глубоко вздохнула. Потом открыла ящик, положила альбом на место и снова задвинула. Я взяла свечу, спички и направилась к выходу. Уже на полпути я вдруг решила: развернулась, подскочила к конторке и снова выдернула ящик. Вынув

альбом, я раскрыла его на первой странице и вырвала фотографию мамы. Потом водворила альбом на место, закрыла ящик, вышла из комнаты и торопливо поднялась наверх, освещая дорогу свечой. Кража фотографии была опрометчивым шагом: если бы меня поймали с ней, я не смогла бы притвориться, что хожу во сне. Чему быть, тому не миновать, решила я, потому и шла обратно, не таясь, со свечой. Однако до своей комнаты я добралась незамеченной и сидела сама не знаю сколько, рассматривая фотографию своей матушки, пока не уснула.

9

На другой день я перенесла драгоценную фотографию к себе в башню. Здесь я могла любоваться ею и даже разговаривать с ней, не боясь быть застигнутой. Именно этим я и занималась дня через два, когда совершенно случайно подняла голову и вдруг увидела знакомую нескладную фигуру, преодолевающую снежные заносы на аллее. Я была просто счастлива, ведь мы не виделись целых две недели, а мне не терпелось поведать Тео свои поразительные новости.

Но, выбежав навстречу ему к парадной двери, я была огорошена новостями. Тео пришел совсем ненадолго, у него даже не было времени покататься на коньках. На самом деле он пришел только забрать свои коньки, потому что они понадобятся ему в Нью-Йорке.

— Меня отправляют домой, — объявил он. — Доктор сказал, что мне теперь лучше, и меня посылают в школу, чтобы я поучился хотя бы неделю перед каникулами.

Я схватила свою шубку и его коньки, и мы вместе *выковыляли* на скользкую заснеженную аллею. Я слепила унылый снежок и швырнула в Тео, попала ему в лицо, отчего он вскрикнул, а я обрадовалась, что сделала ему больно.

— Мне так одиноко, — пожаловалась я. — Ты и представить себе не можешь, что это такое. Вот и ты уезжаешь, радуешься, спешишь, и тебе некогда даже поинтересоваться моими новостями, взглянуть, что я хотела тебе показать.

— Я вернусь на будущий год, мы обязательно приедем сюда на лето. Время пролетит быстро. А уже скоро и Джайлс приедет на каникулы.

Тео пошарил в кармане и, вытащив бумажный листок, сунул его мне в руку. А потом, не сказав больше ни слова, повернулся и потащился по снегу прочь. Я смотрела ему вслед, пока он не вышел на

большую дорогу и не исчез за поворотом. Когда он скрылся, я развернула листок и прочитала:

Ни есть не могу я, ни спать,
В Нью-Йорк мне пора уезжать.
Но еду не весь я, поверь,
Ведь с Флоренс мое сердце теперь.
Любой я использую шанс,
Чтоб снова увидеть Флоренс.

Стихи были такие кошмарные, что я аккуратно сложила листок и, не удержавшись, горько всхлипнула.

Тео был прав, по крайней мере, в одном: Джайлсу вскоре предстояло вернуться, так что я *одиночествовала*, считая дни до его приезда, и от нетерпения даже почти не могла читать. Но наконец настал день, когда Джон запряг Дрозда в двуколку и мы отправились на вокзал — он сам, миссис Граус и я — встречать моего чудесного, горячо любимого братца. Мы стояли на перроне, когда гигантский дракон, извиваясь и хрипло визжа, повернул к нам железный бок и остановился, выпустив облако пара, окутавшее и его, и нас. А потом дым начал рассеиваться, и перед нами на платформе оказался Джайлс, который стоял, вглядываясь в туман. Мы окружили его, заключили в объятия, осыпали поцелуями. Братец не мог устоять на месте, он подпрыгивал, приплясывал, переступал с ноги на ногу и все бормотал что-то, какую-то *непонятыцу* и *бестолковицу*. Только когда мы уже уселись в двуколку и выехали за город, где было тихо и только Дрозд мерно цокал копытами, я наконец поняла причину радостного возбуждения Джайлса.

— Я не еду назад, Фло, я не еду назад!

Миссис Граус обернулась и с сомнением посмотрела на нас:

— Ну, конечно, мастер Джайлс. Вам не сразу надо возвращаться в школу. Только после Рождества.

Джайлс бурно запротестовал:

— Да нет же, миссис Граус. Вы ничего не понимаете! Совсем не надо!

Это оказалось правдой. Когда мы добрались до Блайта-хауса, Джайлс открыл свой чемодан и извлек письмо. Разумеется, я читать

«не умела», поэтому миссис Граус не стала показывать его мне, да и читать вслух тоже не стала, только бормотала отдельные слова: «натура слишком застенчивая и слабая для шумной компании бойких мальчиков», «не вполне развит, академическая неуспеваемость», «одно-два происшествия, хотя и совершенно незначительных, дали повод для беспокойства», «учитывая его уязвимость и хрупкость, в настоящее время рекомендуем перевести на домашнее обучение, предпочтительно с гувернанткой или наставницей». Мне и не требовалось читать все письмо, чтобы понять главное. Ясно, что Джайлса, нежного и слабого, в школе травили. Администрации же проще было удалить из школы жертву, чем приструнить обидчиков, так что именно это и было сделано.

Хмуря брови, миссис Граус с озабоченным видом сложила письмо и убрала конверт в карман передника. Я взяла Джайлса за руку и незаметно ее пожала. Я готова была кричать от радости. Мой братец теперь в безопасности, цел и невредим, а я больше не одинока. Теперь все будет так же, как раньше.

Миссис Граус прикусила губу.

— Я должна буду написать обо всем этом вашему дяде. А уж он кого-нибудь наймет для вас, гувернантку, наверное. — Подняв голову, она увидела наши улыбающиеся лица и сама просияла. — Но не теперь. Пока что писать не буду. Непростое это дело, письмо вашему дядюшке, надо хорошенько все обдумать. Мне ведь строго наказано не беспокоить его лишней раз, а тут еще и Рождество на носу, и времени у меня совсем нет. Вот что, напишу-ка я ему после праздников.

Что ж, можете себе представить, как славно и весело мы зажили — совсем как прежде. Я упросила миссис Граус купить Джайлсу в подарок коньки, так что в Рождество мы вышли на лед с самого утра и от души *нападались*, навалились в снегу, хохоча и помогая друг другу вставать, — словом, вернулись в те времена, когда были совсем маленькими. Глядя, как веселится Джайлс, как беззаботно и радостно носится он по озеру — такой милый, что смеялся, даже ударившись, — я подумала: никогда больше не отпущу его от себя и не отдам этому злонамеренному миру, где его снова станут мучить и обижать. Необходимо как можно дольше удерживать его рядом с собой в Блайтхаусе, потому что только я могу защитить от всего скверного и дурного.

Я хотела было показать ему карточку мамы, но тут же поняла, что делать этого не стоит, как бы мне этого ни хотелось, ведь тогда пришлось бы объяснять все о его матери. Джайлсу не нужно ничего знать о чудовищном насилии, которому подверглись ее изображения. Да и к чему вообще показывать ему фотографии матери без лица? Что мог бы почувствовать мой брат, глядя на них, не воспринял бы он этот вандализм как зверское нападение на него самого? Я прикусила язык и приняла твердое решение: я не позволю ничему омрачить наше новое счастье.

Но счастье длилось недолго — разумеется, нашлось чему его омрачить. Точнее, кому. Через месяц прибыла мисс Уитекер.

Что ж, пожалуй, чем меньше будет сказано о мисс Уитекер, тем лучше. По крайней мере, о ее первом воплощении. Это была глупая молодая женщина, которая замирала и кокетничала перед портретом дяди и болтала о том, как он хорош собой, просто душка, и как во время собеседования ей показалось, что она понравилась ему, ведь он предложил ей место гувернантки Джайлса, хотя она не успела даже рта раскрыть. Я-то понимала все правильно: наш дядюшка, у которого даже для нас не находится времени, просто не пожелал тратить его на разговоры с какой-то дурочкой. Ему просто хотелось поскорее отделаться. Скорее всего, он согласился на первое предложение, нанял первую же претендентку, явившуюся по объявлению, хотя, признаюсь, любая другая, наверное, оказалась бы лучше.

Достаточно сказать, что я не сразу разглядела, какое жестокое, ледяное сердце бьется в груди этого создания, а иначе все могло бы сложиться по-другому. Тогда же я заметила только, что она совершенно не уделяет внимания Джайлсу, что он интересуется ее куда меньше, чем расчесывание волос и рассматривание себя в зеркалах. Я была слишком простодушна и не раскусила ее, не поняла истинной ее природы. А после ее *трагибели* на озере я чуть сама не утонула в море собственных слез, так была потрясена случившимся. Я считала ее просто недалекой и неумной, а теперь виню себя в том, что не спасла ее, хотя и не могла сделать этого. Я продолжала думать «ах, если бы я только сделала это» и «вот если бы я сделала то», даже прекрасно понимая, что все эти «то» и «это» не могли бы ничему помочь. Я казнила себя и за то, что в голову мне приходили ужасные мысли, когда мисс Уитекер оказалась в своей водяной могиле, ведь надо же

такому случиться, что именно в тот день она меня *обескнижила* и *обезбиблиотечила*, и я мысленно все твердила: «Хоть бы она умерла, хоть бы умерла...» Но я никогда не думала об этом серьезно, а когда мое желание так внезапно исполнилось, сама чуть не умерла от горя и от того, что мне ее никогда не вернуть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

10

История повторялась: мы втроем выстроились перед домом — миссис Граус, Джайлс и я. Мы вышли встречать новую гувернантку точно так же, как встречали бедняжку мисс Уитекер. Казалось, это было целую жизнь назад (а ведь так оно и было, если говорить о ее жизни). Из-за того, что дядюшка отправился путешествовать по Европе и сообщение с ним было затруднено, нас с Джайлсом оставили в покое на целых четыре месяца, со времени несчастья с мисс Уитекер и до нынешнего дня. Это были славные деньки, как *доуитекеровские* и дошкольные, только даже еще лучше, потому что, будучи лишена нашей с Джайлсом вольной жизни целых два раза (сначала, когда я ждала его из школы, а потом из-за Уитекерши), теперь я ценила ее намного больше. Я уже успела забыть о том, какой бурной и насыщенной была наша общая жизнь, и о том, как Джайлс умеет превращать июльские дни в декабрьские — они так быстро заканчивались, что казалось, будто темнеть начинает слишком рано. А летом, когда приехали Ванхузеры, Тео прибежал к нам играть почти ежедневно, и мы втроем носились, как беззаботные птицы, которые не думают о завтрашнем дне. Но этот день не мог не наступить, и конечно же он наступил. Начались занятия в школе, и Тео Ванхузер уехал в Нью-Йорк. А к нам с минуты на минуту должна была прибыть приемница мисс Уитекер.

Джон запряг лошадь и отправился в город встречать на вокзале новую гувернантку. Совсем немного золотого летнего времени осталось нам — только до тех пор, пока не появится двуколка. Но и эти крохи отобрала миссис Граус, взявшись прихорашивать нас и проверять одежду и прически. Джайлса нарядили в школьный форменный костюмчик, на мне было лучшее платье, да вдобавок еще и накрахмаленный белый передник. Убедившись, что мы не растрепаны и прилично одеты, миссис Граус потратила последние несколько минут на наставления, напоминания о хороших манерах и попыталась все-таки научить меня делать реверанс (когда приехала мисс Уитекер, я присела в таком вялом реверансе, что его просто никто не заметил).

Почему-то, хотя я ничего не имела против того, чтобы приветствовать гувернанток реверансом, ноги наотрез отказывались гнуться, так что миссис Граус пришлось отступить. Окинув меня скептическим взглядом, экономка испустила шумный вздох:

— Ну что ж, как будто неплохо. По крайней мере, мисс Тейлор увидит, что мы старались, хотя до совершенства еще далеко.

Мы стояли перед домом — небольшой почетный караул, наша троица при полном параде, — когда на аллее появилась двуколка. Раздалось цоканье копыт по щебню, в конце аллеи показался Дрозд, везущий двуколку, и мы стали вытягивать шеи, чтобы поскорее рассмотреть, кто же там сидит за спиной у Джона.

А через несколько минут она уже стояла перед нами. Она была намного старше бедняжки мисс Уитекер и приближалась — хотя, пожалуй, еще не совсем приблизилась — к среднему возрасту. Ее скелетоподобная фигура была облачена в черное, и я подумала, как странно, ведь мисс Уитекер объяснила мне, что гувернантки всегда одеваются в серое. Но тут я обратила внимание на то, что этот наряд превосходно сочетается с грачами, а они сейчас кружили над нами, словно приветствуя ее. Женщина была красива, с крупными чертами лица, темноглазая и черноволосая. Когда она выходила из двуколки, опираясь на руку Джона, наши глаза встретились, и что-то вдруг полыхнуло в ее взгляде, не то чтобы радость узнавания, но она явно посмотрела так, будто давно меня знала. Я встревожилась и насторожилась, на миг показалось, что она видит меня насквозь и даже читает мои мысли. Я насторожилась, и она явно это почувствовала, потому что мгновенно отвела глаза и с улыбкой повернулась к миссис Граус.

— Вы, должно быть, мисс Тейлор, — предположила миссис Граус, хотя в этом не было необходимости — вряд ли прибывшая могла оказаться кем-то другим.

— А вы, должно быть, миссис Граус, — парировала мисс Тейлор, однако насмешка была слишком тонкой, чтобы миссис Граус ее почувствовала. Гувернантка повернулась к нам с Джайлсом — сейчас она уже внутренне собралась и не выдавала себя взглядом — и широко улыбнулась: — А вы конечно же Флоренс и маленький Джайлс.

Когда она назвала меня по имени, я сделала реверанс, хотя он вышел не слишком хорошо.

— Очень приятно, мэм, — пробормотала я, стараясь изо всех сил, чтобы прозвучало искренне, но вышло у меня почему-то примерно так, как *воскресно-утреннее* «Отче наш».

— Ну, Джайлс, — сказала мисс Тейлор, — а ты ничего не хочешь мне сказать?

Братец набычился и молчал.

— Что же, мастер Джайлс, — настаивала миссис Граус, — не будьте буквой, скажите что-нибудь.

— Ладно, — заговорил Джайлс, и на лице его вспыхнул неподдельный интерес. — Скажите, что вам больше нравится: чтобы каннибалы сварили вас в масле и съели или чтобы солдат Конфедерации вспорол вам живот штыком и вытащил кишки прямо у вас на глазах?

Мисс Тейлор смотрела на него с минуту, потом, нахмутив брови, оглянулась на миссис Граус:

— Вижу, нам предстоит изрядно потрудиться. — Ее голос звучал беззаботно, но в то же время в нем слышался упрек.

Войдя в дом, она совсем не озиралась, ничего не рассматривала и ни слова не сказала об обстановке, как будто все здесь оказалось именно таким, как она и предполагала. Не могу объяснить почему, но мне показалось странным, что новая гувернантка напрочь лишена естественного любопытства, которое неизбежно возникает у людей, попавших в новое место. Она обратилась к миссис Граус:

— Велите слуге отнести вещи в мою комнату. Я хочу освежиться и прилечь, чтобы отдохнуть с дороги. В котором часу подают ужин?

— Обычно мы ужинаем в шесть.

— Превосходно, к шести я спущусь.

С этими словами мисс Тейлор направилась к лестнице вслед за Джоном. За ней остался шлейф какого-то цветочного запаха, очень знакомого хотя, какие это цветы — я сейчас не могла вспомнить. Миссис Граус смотрела ей вслед, пока она не скрылась, потом неуверенно улыбнулась нам с Джайлсом и пожалала плечами. Она не привыкла, чтобы с ней разговаривали таким тоном. И никто в доме никогда не называл Джона слугой.

За ужином, а точнее, даже до его начала возникла первая сложность. Мисс Тейлор явилась за несколько минут до назначенного времени, и миссис Граус указала ей на небольшую столовую рядом с

кухней, где мы всегда ели. Застыв в дверном проеме, мисс Тейлор устоялась на накрытый стол.

— Что-то не так? — спросила миссис Граус, пытаясь протиснуться между гувернанткой и дверью, чтобы пройти в комнату.

— Разумеется. Здесь четыре прибора. — Она резко повернулась лицом к экономке, которая тут же залилась краской. Мисс Тейлор недобро улыбнулась: — Возможно, здесь есть еще ребенок, о котором мне не сообщили? Ну-ка, Джайлс, посмотрим, как ты умеешь считать. Ты, Флоренс и я, сколько это будет?

— Четвертый прибор для меня, — пояснила миссис Граус. — Я всегда ем вместе с детьми. Мы, видите ли, всегда садились за трапезу втроем... много лет, пока мастер Джайлс не уехал в школу... А когда приехала мисс Уитекер, она просто присоединилась к нам.

— Возможно, так было, но вы же понимаете, что так быть не должно. Вы экономка, а я гувернантка. Следует соблюдать приличия. Ради воспитания детей... вы меня понимаете.

Миссис Граус возмутилась. Она была не из тех, кто позволяет вытирать об себя ноги.

— Мисс Уитекер такое положение вполне устраивало и не казалось неприличным.

Мисс Тейлор приподняла бровь:

— О да, но я не мисс Уитекер.

Поджатогубая миссис Граус вылетела из комнаты. Мы втроем сели за стол. Через минуту вошла Мэри с пунцовым лицом и стала поспешно собирать со стола четвертый столовый прибор и тарелку. Мисс Тейлор мило улыбнулась девушке.

— Можете подавать, — обратилась она к ней.

В ту ночь я не могла уснуть. За окном завывал ветер, будто вокруг дома бродил дикий зверь и пытался проникнуть внутрь. И у меня в душе тоже что-то выло, так громко, что я не могла заглушить этот вой, даже *подподушивая* голову, чтобы заткнуть уши. Засыпать мне не хотелось — я боялась, что во сне увижу бедняжку мисс Уитекер и тот день, когда она умерла, но что-то тревожило меня и наяву, какая-то неясная тень, которую мне не удавалось рассмотреть или дать ей имя. И это было хуже всего. В конце концов я решила сделать то, что обычно делала в таких случаях: прокрасться тихонько в библиотеку,

почитать пару часиков, пока не почувствую, что устала и могу заснуть. Правда, сейчас я очень рисковала из-за мисс Тейлор.

Снаружи продолжал буйствовать ветер, но в доме было спокойно и тихо, как в могиле, только тикали часы да время от времени поскрипывали доски — это Блайт-хаус, кряхтя, устраивался на ночь. Ну что ж, если меня застанут, надо просто притвориться, что я снова гуляю во сне. Правда, добраться до библиотеки таким манером было куда сложнее, чем до рабочей комнатухи миссис Граус. Библиотека находилась в другом конце дома, а комната экономки — внизу у лестницы. Как всегда, хуже всего было то, что я не могла освещать себе путь свечкой, ведь я никогда не делала этого во время своих *снопутешествий*. Ступать приходилось крайне осторожно, чтобы впотьмах не зацепиться за что-нибудь, не опрокинуть какой-нибудь столик и не перебудить весь дом. К тому же ничего не стоило по ошибке свернуть не туда и потом бродить всю ночь, пока рассвет не укажет дорогу.

Однако, поскольку в темноте я не должна была изображать *снохождение*, можно было, по крайней мере, вытянуть перед собой руки, чтобы ощупывать путь и не наткнуться на препятствия. Таким способом я медленно добрела до длинного коридора. Ночь была безлунная, так что, несмотря на большие окна, в нем оказалось ненамного светлее, но это меня не беспокоило. Тьма сильно осложняла ночную прогулку, но не отменяла ее. Я уже прошла часть коридора и была недалеко от лестницы, по которой собиралась спуститься на первый этаж, когда внезапно что-то услышала. Замерев, я прислушалась, все мои чувства обострились до предела. Сначала мне показалось, что это ветки деревьев, раскачиваясь под ветром, касаются стены дома — звук был очень похож на шелест листьев. Но тут я заметила, что звук не стоит на месте, он передвигается, приближается. А в следующее мгновение я его распознала: подметая пол, шуршала длинная шелковая юбка. Незвестная — а это могла быть только женщина — шла, как и я, без свечи, и все же довольно быстро и уверенно. Еще чуть-чуть, и она вплотную подойдет ко мне! Разве способна обычная женщина двигаться в темноте так проворно? — подумала я. Что это может быть за создание, не кошка же? Расстояние сокращалось, она была уже футах в десяти, не больше, — вот-вот натолкнется на меня. Я прислонилась спиной к стене. Какое счастье —

прямо позади меня оказалась небольшая выемка в стене, неглубокая ниша. Я вжалась в нее и затаила дыхание. Женщина была совсем рядом, и тут *шуршелест* внезапно смолк. Существо словно уловило мое присутствие, может, звериным чутьем учуяло, как кошка чует мышь, а собака кошку. Было совершенно тихо, даже ветер стих, будто был в сговоре с той, другой, ходящей по ночам, и помогал ей. Мне послышался тихий звук, еле слышный вздох, за ним последовала долгая пауза — женщина задержала дыхание и прислушивалась, — а потом медленный приглушенный выдох. Я чувствовала, что она повернулась и втягивает носом воздух, принюхивается — ни дать ни взять, хищник в поисках добычи. Легкие у меня готовы были разорваться, так надолго я сама задержала дыхание, но я не решалась выдохнуть, и не только из-за шума, но и потому, что та, которая тоже ходила по ночам, могла почувствовать мое дыхание на своем лице, как я чувствовала ее.

Наконец, когда я уж решила, что все кончено и сейчас я либо задохнусь, либо выдам себя, внезапно раздался шелест. Видимо, женщина резко повернулась и продолжила движение в том же направлении, куда и раньше. Только теперь, к моему великому облегчению, звук становился все тише и тише, пока не стих вдали. Я еле отдышалась и долго судорожно хватала воздух ртом, будто вынырнув с большой глубины на поверхность. Заботило меня только одно: как бы оказаться подальше от этой женщины, если, конечно, это была живая женщина, а не призрак, — поэтому я поспешно пробралась на ощупь до конца коридора, а там спустилась на первый этаж. Оказавшись наконец в библиотеке, я зажгла свечку, устроила себе гнездо и свернулась в нем клубочком. Я была слишком взбудоражена и испугана, чтобы уснуть, а мысль об обратной дороге приводила меня в такой ужас, что я предпочла дожидаться, пока рассветет, и только тогда потихоньку пробралась в свою спальню, прячась за портьерами.

Я лежала в постели обессиленная, измученная. Кем была та женщина? Ответ напрашивался сам собой, он был очевиден: мисс Тейлор. Ведь никогда прежде со мной ничего подобного не приключалось, но стоило ей поселиться в нашем доме... Это не могло быть простым совпадением. Размышляя о ночной встрече, я отчетливо вспомнила: в воздухе ощущался цветочный аромат, на который я

обратила внимание при нашей первой встрече. Но только сейчас я вдруг узнала его: аромат лилий, после похорон бедняжки мисс Уитекер он навсегда запомнился мне, как запомнились прекрасные и в то же время ужасные цветы, лежащие на крышке ее гроба. А может быть, у меня просто разыгралась фантазия? Может, все это мое воображение, оно ведь так любит плести замысловатые сюжеты. А если то, что повстречалось мне ночью в коридоре, не гувернантка, что же это тогда? Может, это был дух, призрак — словом, что-то сверхъестественное? Ведь эта дама — особенно если учесть, что она только что приехала и не успела освоиться, — двигалась в темноте поразительно быстро и уверенно. Если же она была не от мира сего, если мне повстречался один из призраков Блайт-хауса, то чего он искал?

Призраки, насколько я знаю, — это мятущиеся духи, неспособные упокоиться и отправиться в мир иной из-за того, что как-то не так покинули этот мир. Я сразу вспомнила, с кем именно это недавно произошло. Ведь бедная мисс Уитекер погибла так внезапно и так быстро, не успев как следует подготовиться к кончине, обрести мир в душе и примириться с Создателем. Может, она ворочается теперь в гробу на местном кладбище, потому что ушла не должным образом? Я настолько запугала себя этими мыслями, что теперь мне стало страшно за Джайлса. Не стоит ли и ему опасаться призрака? Несмотря на страшную усталость и испуг, я заставила себя подняться, выйти в коридор и, подкравшись к спальне брата, увидела, что он блаженно спит в своей кровати. Я улеглась рядом, вытянулась и, обняв Джайлса одной рукой, провалилась в глубокий сон без сновидений.

11

Утром, когда мы с Джайлсом спустились вниз к завтраку, стол был накрыт на троих. Перед тем как сесть, сквозь неплотно прикрытую дверь я увидела, что миссис Граус завтракает на кухне, с Мэри, Мег и Джоном. Заметив, что я смотрю, она одарила меня таким уничтожающим взглядом, что я почувствовала себя виноватой. Ведь при всех своих несовершенствах миссис Граус была добрейшей души и к тому же очень доверчивой — ее всегда можно было без труда обвести вокруг пальца. Что-то подсказывало мне: с мисс Тейлор все будет совершенно иначе.

Не успела я мысленно помянуть черта (и это не образное выражение — как вы сами увидите, она и оказалась потом дьяволом), как он появился. Пожелав нам с Джайлсом доброго утра, мисс Тейлор прошествовала к кухонной двери и, заглянув, поздоровалась с прислугой и миссис Граус. Мэри и Мег страшно смутились, оторвались от своего завтрака и, неуклюже повскакав со своих мест, бросились подавать нам овсянку, яйца и вафли с сиропом. Меня это очень удивило, ведь, как мне казалось, к первой гувернантке, мисс Уитекер, все относились как к такой же прислуге, хотя, конечно, рангом повыше, вроде миссис Граус. Мисс Тейлор заняла ту же должность, но с первого же дня все обращаются с ней, как с особой королевской крови. Как она сумела так себя поставить? В чем тут дело?

Нервно заталкивая в себя еду, мы с братом совсем не разговаривали и только старались не стукнуть вилкой по тарелке и бесшумно ставить на стол стаканы с молоком. Мы с Джайлсом оба боялись привлечь к себе внимание, как будто само наше присутствие за столом могло кого-то оскорбить. Урони сейчас кто-нибудь булавку на пол, она звонко и отчетливо звякнула бы в этой мертвой тишине. Молчание нарушила мисс Тейлор.

— Джайлс, — произнесла она, после чего сделала крохотный глоток кофе и отставила чашку. — Джайлс, мы не едим так, что за манеры.

Джайлс чуть не подавился.

— К-какие манеры, что вы имеете в виду, мисс Уит... я хотел сказать, мисс Тейлор?

— Да ведь ты же набиваешь рот, не пережевываешь и даже не успеваешь глотать. Ты же мальчик, а не прожорливая чайка. — Она взглянула на меня, сияя. Я ответила ей слабым намеком на улыбку. Шутка получилась не самая удачная.

Джайлс снова вонзил зубы в вафлю, но мисс Тейлор не дремала. Она резко протянула руку, словно хлыстом взмахнула, и ударила его по руке.

— Я же тебе сказала, — прошипела она, — не делай так.

Глаза Джайлса начали наполняться слезами.

— И-извините, мисс Уит... я хотел сказать, Тейлор, я не понимаю. Не делать как?

— Вот так!

Она выхватила у него вафлю и начала торопливо грызть ее, как обезумевший дятел. Так она пожирала кусок за куском, без пауз, чтобы прожевать или проглотить, пока вафля не кончилась.

Наступило долгое молчание. Мы с Джайлсом уставились на гувернантку с открытыми ртами, потому что щеки у нее раздулись, как у хомяка. Наконец она все-таки с трудом протолкнула это все в горло и, отдышавшись, произнесла:

— Вот как не следует есть, мальчик мой. Теперь ты понял?

Щеки у Джайлса блестели, он смахнул слезу тыльной стороной ладони. Я редко видела брата плачущим, а это движение было таким привычным, почти бессознательным, что можно было догадаться, сколько же ему пришлось плакать в школе. Завтрак мы доедали в полной тишине.

Когда он все-таки закончился и нам разрешили встать из-за стола, мы с Джайлсом повернули к лестнице, чтобы подняться в комнату для занятий. У меня упало сердце при мысли, что придется целый день провести за какой-нибудь бессмысленной вышивкой, ведь мне так хотелось в библиотеку! Но не успели мы подняться, как мисс Тейлор окликнула нас:

— Не туда, дети. Посмотрите, как ярко светит солнце. Денек такой чудесный, к тому же это мой первый день в Блайт-хаусе. Почему бы нам не прогуляться? Вы могли бы показать мне окрестности.

Джайлс, получив неожиданное освобождение от латыни и математики, таких же ненавистных, как для меня рукоделие, расплылся в улыбке. Он уже все забыл и простил отобранную вафлю. Да и я тоже подумала, что, может быть, все обстоит не так уж плохо: дама, видимо, очень вспыльчива, зато добра и отходчива. О, как мало я ее знала!

На улице мы с Джайлсом бегали наперегонки, прятались за кустами и неожиданно выскакивали оттуда, чтобы напугать друг друга. Сначала мы немного стеснялись, опасаясь, что может последовать окрик, и не знали, каким может оказаться наказание. Но мисс Тейлор только ласково нам улыбалась и молча кивала, мы осмелели и веселились почти так же, как тогда, когда играли одни, без присмотра гувернантки.

Осмотрев колючие кусты, которые мы облюбовали для игры в прятки, потому что они особенно сильно разрослись и были такими высокими, что прятаться в них нам особенно нравилось, мисс Тейлор покачала головой.

— В каком же все запустении, — прошептала она. — Как могли они довести все до такого состояния?

Я остановилась на бегу, не сразу поняв, что она разговаривает сама с собой, и ответила:

— Ну, понимаете, мисс, здесь за всем присматривает только Джон, а ему приходится выполнять всю работу по дому. Он ведь и с лошадьми занимается, кормит их, чистит, выезжает, а еще вся работа в парке. Слишком много для одного человека, особенно если он с каждым днем не молодеет.

Мисс Тейлор пристально взглянула на меня.

— Я имею в виду, мисс, так сам Джон говорит, что не молодеет.

Холодно улыбнувшись, гувернантка продолжала разглядывать кусты, устало покачивая головой. Затем она пошла прочь; мы, как два хвостика, потянулись за ней. Вскоре наша процессия добралась до озера.

— Ах, озеро, — изрекла она.

— Да, мисс, — *провежливо* я в ответ.

Мисс Тейлор шла вокруг озера, и мы следовали за ней мимо старого дощатого причала и навеса для лодок. Пройдя примерно половину пути, она вдруг остановилась и стала смотреть на воду. Я даже вздрогнула оттого, что она выбрала именно это место. Как раз в эту минуту я случайно взглянула в воду и увидела цветущие водяные лилии. Мгновенно я припомнила их аромат — так же пахло от невидимой дамы, что проследовала ночью мимо меня, — вспомнила их мертвенную белизну и как они лежали на крышке гроба мисс Уитекер. А еще, как и в день похорон, я вспомнила строку из Шекспира о том, что «зловонней плевел лилии гниенье»,^[7] и почувствовала мороз по коже.

Не успела я собраться и взять себя в руки, как поняла, что ко мне обращаются. Это была мисс Тейлор:

— Скажите, умоляю, где это случилось?

Я сразу поняла, о чем она. В конце концов, это ведь было то самое место, но я смогла выдать только:

— Что вы имеете в виду?

— Несчастный случай, разумеется. Ведь вы же были вместе с ней в лодке? Я слышала, вы там были. — Гувернантка уставилась на Джайлса, который затеребил воротничок, словно он внезапно стал ему тесен.

— Я... я... — забормотал он.

— Не Джайлс, — вступилась я. — Только я. Джайлс в это время был в классе.

Джайлс кивнул:

— Да, я был в классе.

— Мисс Уитекер заставила его переписывать какие-то латинские изречения. А в лодке с ней была только я.

— И как же это произошло?

Я повернулась к ней спиной:

— Мне бы не хотелось об этом говорить, если вы не против. Я не люблю вспоминать тот день.

Гувернантка не ответила, а когда я решила, что уже можно повернуться, она не смотрела на меня (хотя я могла бы поклясться, что чувствовала на спине ее тяжелый взгляд). Она пристально вглядывалась в озеро, точнехонько в то место, где находилась лодка, когда случилось *трагипадение* несчастной мисс Уитекер.

Наконец мисс Тейлор отвернулась от воды и будто выстрелила в меня хитрой усмешкой, потом, обогнув меня, пошла назад той же дорогой, которой мы пришли. В этот миг налетел ветерок, он покрыл рябью воду на озере и тонкую ткань блузки мисс Тейлор, и я снова ощутила *мертвоаромат* лилий, но не могла понять, откуда он исходит: то ли от настоящих лилий на озере, то ли это духи новой гувернантки.

Потом мы долго гуляли по парку и рощице, и мисс Тейлор расспрашивала меня про местность, но не слушала ответов, как будто уже и так все знала. А может, все это ее не очень-то интересовало. Только когда мы углубились в рощу и я рассказала, что тропа, по которой мы шли, ведет к имению Ванхузеров и что обычно, но только не зимой, по ней к нам приходит мой друг Тео, гувернантка заинтересовалась и задала о нем несколько вопросов. Лето уже кончается, пояснила я, и скоро Тео увезут в Нью-Йорк, в школу. На это она ответила: «Ах, вот как», как будто ее удовлетворил мой ответ, хотя я тут же добавила: «Но, если повезет, он очень скоро вернется». Она

подняла брови и с озадаченным видом посмотрела на меня, так что я даже рассмеялась и объяснила, что Тео приезжает сюда на поправку из-за своей астмы и что я даже надеюсь на то, что в скором времени у него будет новый приступ.

— Скоро начнутся дожди, станет сыро, — восторженно разглагольствовала я, — а такая погода вредна для него.

Было уже за полдень, когда мы вернулись домой, но мисс Тейлор сказала, чтобы мы оставались на воздухе, а она сходит на кухню и распорядится, чтобы Мег устроила для нас пикник. Скоро вышла Мег и расстелила большой ковер на газоне за домом. Мисс Тейлор помогла ей принести еду, а потом села, прислонившись спиной к стволу дерева, и как будто дремала, пока мы с Джайлсом играли в пятнашки. Но когда бы я к ней ни повернулась, мне постоянно казалось, что она не отводит с нас взгляда. Глаза у гувернантки были прикрыты как-то странно — наполовину, как у рептилии, — и у меня возникло странное чувство, будто она проглотила змею или ящерицу, а та, оказавшись в ней, захватила власть и теперь жадно смотрит на все ее глазами.

12

В ту ночь я хотела было снова притвориться ходящей во сне, но вспомнила фигуру, шелестевшую навстречу мне по коридору, *носораздражающий* аромат мертвых лилий, а главное — мисс Тейлор, наблюдавшую за нами сквозь *змеевеками* глаза. Припомнив все это, я решила, что лучше не выходить из комнаты второй раз подряд: риск слишком велик. Но, оставшись в постели, я ничего не выиграла: мне все равно было страшно и не спалось. В какой-то момент — уверена, что уже далеко за полночь, — я, кажется, все же задремала, потому что мне стал сниться сон, тот же сон, с которого всегда начинались мои ночные прогулки. Но потом сон оборвался, и я проснулась в своей постели. Сон встревожил меня, я забеспокоилась о Джайлсе. Кто, в конце-то концов, эта женщина? Как получилось, что наняли именно ее? Известно ли о ней хоть что-то кому-нибудь в доме? Она совсем ничего о себе не рассказала.

Наши комнаты были расположены таким образом (это мисс Уитекер так нас разместила), что Джайлс и я занимали по отдельной спальне, между которыми находилась классная комната, но мы могли попасть в класс только из коридора, а не из своих комнаток. С другой стороны к комнате Джайлса примыкала спальня мисс Уитекер, а

теперь, разумеется, там поселилась мисс Тейлор. Но из ее спальни дверь вела не только в коридор, была и другая, к Джайлсу.

Сосредоточившись, я поняла, что из коридора, со стороны их спальни, доносятся какие-то странные звуки, почти пение, но не совсем, как будто бы женщина — потому что это был несомненно женский голос — сама не могла решить, поет она или, может быть, причитает по покойнику. Если бы раньше вы спросили меня, какие звуки, по моему, должны издавать призраки, я бы не сумела ответить. Мне вообще-то казалось, что они вряд ли способны издавать звуки, разве что *цепезвяканье* или завывания. Но в этот миг я вдруг осознала, что если уж призраки могут передвигаться по коридору и шуршать юбками, то должны же они давать выход своим страданиям, а звучать это должно именно так.

От страха я натянула одеяло на голову, чтобы спрятаться от того страшного, кто ходит ночью по дому, и не слышать этих странных *песнезавываний*. Но разве могла я думать только о себе, когда маленький Джайлс лежит там совсем один и — даже если эта шутка безвредна — может до смерти напугаться, если услышит эти жуткие звуки? Я спустила ноги, встала с кровати, нащупала платье и оделась, больше для уверенности, потому что стояла жаркая летняя ночь, и ни одна душа — по крайней мере, ни одна *живая* душа — все равно не могла бы увидеть меня в ночной сорочке. Я прошлепала босиком к двери и долго прислушивалась, но услышала сейчас лишь свист ветра и успокоилась, решив, что мне просто *прислышалось* спросонья. Но и в этом случае нужно было все-таки проведать Джайлса, ведь теперь я ни за что бы не уснула, не убедившись, что моему драгоценному братцу ничего не угрожает. Медленно приотворив дверь, я, замерев, переждала миг, когда она скрипнула, и, убедившись, что никого не разбудила, выскользнула в коридор.

Не успела я сделать и шага, как тот же звук раздался снова — то же тихое причитание. Оно не так уж походило на завывание ветра, скорее на то, как если бы кто-то учился петь и неуверенно мычал мелодию без слов. Звук почти околдовал меня, и прошло несколько секунд, прежде чем я очнулась и поняла, откуда он исходит. Дело обстояло хуже, чем я ожидала, потому что, какое бы существо ни производило этот звук, находилось оно сейчас в спальне Джайлса. Я зашлепала и затопала по голым половицам, не стараясь приглушить

шаги, наоборот, я даже хотела наделать побольше шума, чтобы спугнуть странную тварь. Но, добравшись до двери Джайлса, я поняла, что осталась незамеченной — пение продолжалось, монотонное и заунывное, как погребальная песнь плакальщицы. С опаской я коснулась дверной ручки и медленно повернула ее. Тихонько приоткрыла дверь, и от того, что я там увидела, у меня перехватило дыхание. Не веря своим глазам, я потрясла головой, пытаюсь прогнать видение. Мне даже хватило присутствия духа ущипнуть себя за руку в надежде, что телесная боль заставит меня проснуться. Но я не проснулась, а картина, представшая передо мной, не рассеялась.

Она была почти как в моих снах все эти годы — та же женщина склонилась над кроватью Джайлса. Только одета она была не в черное, как в моих снах; кружевная сорочка и домашнее платье — все было белым. Она протянула руку к моему братцу, откинула прядь с его лица, а потом произнесла:

— Ах, мой милый, какой же ты сладкий, так бы и съела тебя!

Женщина была мисс Тейлор. У меня закружилась голова, я схватилась за ручку двери, чтобы не упасть, но слишком поздно. Последнее, что я услышала, хотя и не почувствовала боли, был стук от падения моего тела на пол.

Я проснулась в своей кровати от того, что яркие солнечные лучи пробивались сквозь щелки в занавесках. Значит, мне опять все привиделось. Но как это было — я просто видела сон или опять ходила по дому? Все это было как-то странно, а голова у меня была тяжелая и мутная со сна, и минуту-другую я не могла понять что к чему. Я чувствовала, что-то было не так, как раньше, — но что именно? А потом внезапно я все поняла. Я всегда сначала видела сон — женщину, склонившуюся над колыбелькой Джайлса, — а потом уже ходила. Этой ночью все было иначе: я сначала ходила, а потом увидела ее. Да, сначала я видела сон, верно, но потом проснулась, встала с постели и вышла из комнаты — все это время я бодрствовала. По крайней мере, мне помнилось, что именно так все и происходило. А обычно наутро я совсем ничего не помнила о своих ночных прогулках. Постепенно я вспоминала все больше... странное заунывное пение, которое выманило меня из постели... и это совсем не напоминало мои прежние сны.

В дверь постучали, вошла Мэри с подносом:

— Доброе утро, мисс Флоренс, как вы себя чувствуете? Как же я рада видеть, что вы проснулись. Ох, и напугали же вы нас прошлой ночью, да только что ж поделаешь, вы ведь частенько по ночам гуляете. А теперь садитесь-ка, вот и умница, мисс. А я устрою поднос с вашим завтраком, вот так, чтобы вам было поудобнее.

Я покорно сделала все, как она мне велела.

— З-значит, я снова гуляла во сне?

Она поставила поднос мне на колени, раздвинула шторы, так что солнечный свет залил комнату, а потом захлопотала вокруг меня, наливая чаю и снимая грелочку с вареного яйца:

— Ох да, барышня, только в этот раз вы не ушли далеко. Только до спальни мастера Джайлса, а там упали в обморок, прямо на пол. Представляете, мастер Джайлс все проспал, даже не проснулся! По счастью, мисс Тейлор услышала, как вы стукнулись об пол, а то бы вы так и пролежали всю ночь, к утру небось все тело бы затекло, как деревяшка.

— Говоришь, мисс Тейлор услышала из своей комнаты? Но разве она уже не была там?

Мэри уставилась на меня и захихикала:

— Господь с вами, барышня, что вы! Это ж в час ночи было. Что бы ей делать там в такое время? Нет, она услышала вас из своей комнаты и ужас как испугалась, ей ведь никто не успел рассказать про ваше ночное хождение. Она всех перебудила, всех подняла на ноги, и в конце концов мы добудились Джона, и он отнес вас в постель. Ну, будет вам, барышня, хватит разговоров. (Хотя это не я, а она сама болтала без умолку.) Поешьте-ка, а потом прилягте и поспите еще. Вы же знаете, вам нужно отдохнуть, вы всегда такая бледненькая да усталая после ночных приключений. Мисс Тейлор сказала, что вы можете не спускаться вниз до полудня.

Когда Мэри ушла, я съела весь завтрак, потому что страшно проголодалась, и попыталась заснуть, но не смогла — в голове пчелиным роем кружились мысли. С одной стороны, все казалось довольно простым. Мне приснился сон, и я снова ходила ночью, как обычно. В прошлом часто бывало, что я падала где-нибудь в обморок и меня, бесчувственную, приносили в комнату и укладывали в постель. Но на сей раз все было как-то иначе — меня смущал порядок событий. Раньше сон всегда начинался одинаково: мы с Джайлсом спали не в

отдельных комнатах, как сейчас, а в одной, как прежде, когда мы были совсем маленькими. И еще — я помнила, что всегда отправлялась ходить после того, как видела сон, а не наоборот.

Вообще все происшедшее не казалось сном. Взять хотя бы это пение. Никогда еще в моих снах не было таких странных звуков. Они, мои сны, были по большей части беззвучны до тех пор, пока женщина, склонившаяся над кроватью Джайлса, не произносила это свое: «Так бы тебя и съела!» Кроме того, я заметила, что на мне до сих пор надето домашнее платье. Видно, меня подняли с пола и уложили в постель, как была. Скорее всего, боялись разбудить, пытаюсь раздеть. Но вчера, перед тем как лечь спать, я переоделась в ночную сорочку! Я была совершенно твердо уверена, что не ложилась спать в платье. Прежде когда я ходила ночью, то отправлялась всегда в том, в чем застал меня этот сон: ни разу я не взяла свечу и ни разу не надевала платья. Все это было ужасно запутанно, в этом не было никакого смысла, но всеми деталями подтверждались мои первые воспоминания этого утра. Сначала мне снился сон, но завывания разбудили меня. Испугавшись за Джайлса, я встала, оделась, дошла до спальни брата, а там была настолько потрясена, увидев, как сон на глазах становится явью, что потеряла сознание.

Если все это было правдой, а теперь я нисколько в этом не сомневалась, всплывало еще кое-что, возникал еще один вопрос, а именно: зачем мисс Тейлор солгала, сказав, что услышала мое падение из своей комнаты и, встав с постели, отправилась разведать, что там стряслось? Конечно же она солгала, еще бы — ей не нужно, чтобы кто-то узнал, что глубокой ночью она находилась в комнате Джайлса. А когда ей рассказали про мои ночные прогулки, она мигом догадалась, что можно меня запутать, внушив, что мне все привиделось во сне.

Хотя я сидела в кровати, но от ужаса боялась пошевелиться — да я и не могла шевельнуться, как герой «Заживо погребенных» Эдгара Аллана По, — сердце мое колотилось так, словно я только что бегала. Что все это значит? Только одно: новая гувернантка замышляет что-то недоброе. Она хочет нам зла, а уж если не нам обоим, то наверняка Джайлсу.

В то жуткое утро я о многом успела передумать. Мысли вертелись вокруг моего сна, который оказался явью! Все, что я видела, произошло наяву. Наконец-то я поняла, почему мисс Тейлор сразу

показалась мне странно знакомой: с раннего детства я множество раз видела ее во сне. Сначала мне показалось, что она напоминает мне мисс Уитекер, но дело не в этом — они были совсем не похожи. Хотя странно, не успела я так подумать, как поняла, что это не совсем так. Что-то неуловимое роднило мисс Тейлор с нашей первой гувернанткой — взгляд, выражение лица, что-то в ее фальшивой, натянутой улыбке.

Но как могло случиться, что я столько раз видела ее во сне, еще ни разу не встретив в жизни? В чем тут секрет? Я мысленно кружила, кружила вокруг, но не могла найти никакого разумного объяснения. Наконец отчаяние и безысходность взяли над страхом верх, я встала и вышла из комнаты. Чем больше я ходила и думала, тем яснее осознавала, что это можно объяснить только сверхъестественными причинами. Я поняла, что все это время предчувствовала, предвидела то, что должно было случиться. В своих снах я предвосхитила встречу с этой женщиной, которой суждено было однажды войти в нашу жизнь, и мой сон был не случаен. У него имелась цель: спасти моего любимого брата, уберечь от зла, которое ему грозило. Я точно знала, что от новой гувернантки исходит именно зло. По тому, как хищно она выговаривала эти слова: «Ах, мой милый, так бы и съела тебя», по тому, как смотрела на Джайлса, можно было догадаться, что именно он привлек ее сюда, из-за него-то она здесь. Она хотела причинить ему вред.

В полдень я спустилась вниз, в комнату, где мы обычно завтракали, но мисс Тейлор и Джайлса еще не было, так что я заглянула к миссис Граус и нашла ее в одиночестве.

— Ах, это вы, мисс Флоренс, — расплылась в улыбке экономка, — ну, как вы себя чувствуете, получше, надеюсь?

— Да, спасибо. Все хорошо. — Я собиралась все ей рассказать о своем *ложносонном* хождении, о том, что все было не так, как обычно, о том, что я видела ночью. Но сейчас, глядя ей в лицо, я отбросила эту мысль. Она мне никогда не поверит. О нет, она не заподозрит, что я ей лгу, просто решит, что я ошибаюсь. Ведь любой человек, которого застали спящим в местах, совсем не подходящих для сна, например в карете или в театре, непременно станет отрицать, что спал. Я решила зайти с другой стороны.

— Миссис Граус... — заговорила я, с безразличным видом перебирая бумажки на ее столе, как будто совершенно не придавала

значения разговору, — миссис Граус, а что вам известно о мисс Тейлор?

— Откуда мне что-то знать? Мне известно не больше вашего, барышня, только то, что она рассказала нам всем. — Экономка с шумом втянула воздух и фыркнула: — Никаких рекомендаций она мне не предоставила, уж поверьте. Да и на что они мне? Она же гувернантка, а я жалкая экономка, всего лишь управляю всем этим хозяйством... — С этими словами миссис Граус всплеснула руками, как бы обнимая все, что нас окружало: Блайт-хаус и усадьбу. — И до сих пор неплохо справлялась, между прочим.

— Что же, разве дядя не написал вам о ней, ничего про нее не рассказал? Разве у него нет рекомендательных писем, ну, знаете, от ее семьи или тех людей, у которых она служила прежде?

— Ваш дядя этим не поинтересовался. — Миссис Граус снова громко фыркнула, таким способом она всегда выражала неодобрение. Впервые она так явно выразила недовольство дядюшкой, хоть и полагала, что он пренебрегает своими обязанностями опекуна, игнорирует нас, детей, и совершенно ни во что не вникает, желая только, чтобы его оставили в покое. — Он заявил, что с него хватит беседы с мисс Уитекер, и потребовал, чтобы его больше не беспокоили ради разговоров с гувернантками. К тому же он в это время находился за границей, вот и обратился в агентство, где подбирают гувернанток и учителей. Там-то в агентстве эту мисс Тейлор проверили и все выяснили о ней, не сомневайтесь. Будьте уверены, барышня, ей дали лучшие рекомендации.

Я продолжала теревить бумаги, не зная, что сказать. Похоже, это тупик. Другие вопросы просто не приходили в голову, я не могла придумать решительно ничего. Я подняла глаза. Миссис Граус внимательно смотрела на меня:

— Но почему вы спрашиваете, мисс? Вас что-то беспокоит? Что-то в мисс Тейлор?

Я промолчала.

— А может, она вам не нравится?

Ее голос стал вкрадчивым, даже льстивым, и мне стало ясно: высокомерная гувернантка не нравится самой миссис Граус, и она хочет заполучить меня в союзники. Я насторожилась, заподозрив опасность. Поддайся я сейчас искушению разоткровенничаться с

миссис Граус, это может обратиться против меня, если впоследствии отношения у экономки с мисс Тейлор наладятся. Я еще не забыла, как она *союзничала* с мисс Уитекер. Поэтому я замотала головой:

— Нет, она мне нравится. Просто интересно, вот и все.

Мы обе настороженно замолчали, и тут в коридоре раздались голоса Джайлса и мисс Тейлор. Я извинилась и пошла к столу.

Мисс Тейлор разулыбалась мне:

— Надеюсь, ты оправилась после ночного *приключения*?

Я обратила внимание на последнее слово и на то, как она его выделила. Она словно давала мне понять: мы обе знаем, что все это было на самом деле, я не спала, а видела наяву все, что она делала. Но в то же время ее беспечная улыбка и шуточный тон снижали значимость произошедшего, словно и не случилось ничего страшного — просто пустяк, мелочь. Казалось, она предлагает заключить перемирие, вступить в своего рода заговор и забыть об истинных событиях прошлой ночи.

— Да, мисс. Благодарю вас, мисс. — И я целиком сосредоточилась на разрезании отбивной.

— А я вообще все проспал, — радостно поведал Джайлс.

— О да, дорогой, ты все проспал, — проворковала мисс Тейлор и ласково потрепала его по волосам.

Я хотела было запротестовать, ведь до сих пор никому не позволялось с нами так фамильярничать, но не смогла, видя, как преданно и умильно смотрит на нее Джайлс. Я бы, пожалуй, почти не удивилась, лизни он ей сейчас руку, как щенок. Он что же, уже забыл, как она обращалась с ним вчера за завтраком? Что поделать, таков уж наш Джайлс. Я живо представляла, как он вел себя с забияками в школе — не злился, а только благодарил, если его оставляли в покое или вдруг выказывали доброе отношение к нему, пусть даже случайно.

Мисс Тейлор обернулась ко мне:

— Я немного в этом разбираюсь и знаю, отчего люди ходят во сне. Я полагаю, причиной тому разыгравшееся воображение, пытливый ум, который, если ему нечем себя занять, устремляется к вещам несуществующим.

Это прозвучало как неясное предостережение, даже угроза. Она помолчала немного, отпила кофе из чашки и долго держала его во рту, прежде чем проглотить и продолжить разговор.

— Ты целыми днями бегала, предоставленная сама себе. Тебе нечем было заняться. Это отнюдь не пошло тебе на пользу, но я постараюсь это исправить.

— Мисс Уитекер заставляла меня заниматься рукоделием, но, честно говоря, у меня плохо получается.

— Фи! Рукоделие! — Мисс Тейлор почему-то рассердилась, но потом немного смягчилась и продолжила: — Что ж, конечно, есть какие-то вещи, которым должны учиться молодые леди, но не забывайте, сейчас тысяча восемьсот девяносто первый год. Времена, когда леди умели только бренчать на пианино, немного — и скверно — рисовать да вышивать бесполезные безделушки, уходят в прошлое. На мой взгляд, все женщины — и ты, разумеется, — заслуживают куда большего.

Промокнув салфеткой губы, мисс Тейлор поднялась. Она выжидательно посмотрела на нас с Джайлсом, давая понять, что трапеза закончена. Мы тоже повскакали с мест, и гувернантка решительно куда-то направилась, кивком показав, чтобы мы следовали за ней.

— Куда мы идем? — окликнула ее я, спеша следом.

Не замедляя шага, мисс Тейлор обернулась и небрежно, через плечо, обронила слова, которых я совершенно не ожидала услышать:

— Как это куда? В библиотеку, конечно, куда же еще!

13

В эту ночь было тихо, ветер не завывал, и все же я ворочалась в постели без сна. Не от беспокойства, хотя и от этого тоже — разве могла я не опасаться, увидев, как мисс Тейлор так хищно склоняется над спящим Джайлсом? — а больше из-за того, что вновь и вновь вспоминала события прошедшего дня и никак не могла остановиться. Столько всего случилось — во всяком случае, для девочки, которая всю жизнь провела заточенной в Блайт-хаусе, точнее, в Блайт-гробнице. Здесь произошли разные вещи, хорошие и плохие, и хотя плохое (черный грач на снежном поле) тревожило, зато хорошее было очень-очень хорошим! Я говорю о нашем походе в библиотеку. Мы с Джайлсом едва поспевали за мисс Тейлор, так быстро она шагала. Мы запыхались и не могли даже переброситься словом, только переглядывались у нее за спиной и недоуменно пожимали плечами на ходу, стараясь не отставать. Я не знала, что и подумать. Что может

означать упоминание о библиотеке? Почему она решила повести нас туда? Знает ли об этом миссис Граус? Известно ли это дядюшке? Я была уверена, что ему ничего не известно, и сомневалась, чтобы он вдруг разрешил это после стольких лет недвусмысленных и строгих запретов.

Наша новая гувернантка остановилась у входа в библиотеку и подождала нас. Потом, широко распахнув дверь, отошла в сторонку и дружески подтолкнула меня и Джайлса, приглашая войти. Мы раскрыв рты стояли в дверях, глядя на открывшуюся нам картину и не веря собственным глазам. Тяжелые шторы были отдернуты, и внутрь устремился солнечный свет, заполняя собой пустоту, которая столько лет не признавала его существования. Залежи пыли, покрывавшие пол, исчезли, а Мэри и сейчас продолжала трудиться у окна, протирая тряпкой стекло. Два окна были раскрыты, что, признаться, меня немного опечалило, потому что хотя в комнату и ворвалась свежесть летнего вечера, но мне тут же *затосковалось* по привычному и такому утешительному затхлому воздуху, по запаху старинных книг.

— Хорошо, Мэри, вы можете закончить это позже, а сейчас вы свободны, — обронила мисс Тейлор.

Мэри мгновенно распрямила спину, подхватила ведро с водой и, пропев «Да, мэм» (да так любезно, что казалось, она вот-вот преклонит колени перед мисс Тейлор), покинула библиотеку.

Как только дверь за ней закрылась, мисс Тейлор повернулась к нам. Джайлс переводил беспокойный взгляд с нее на меня, и я понимала, что он думает о том же, о чем и я. Как нам повести себя? Стоять на своем, что бы там ни было, и вести себя так, будто мы сюда никогда в жизни не заглядывали? Или во всем ей открыться, признав то, что она и так уже поняла?

Джайлс, как обычно, так нервничал и беспокоился, что выдал нас с головой.

— Ух ты, — воскликнул он ужасно ненатурально, — сколько книг. Кто бы мог подумать?

Гувернантка внимательно посмотрела на него и чуть скривила губы в улыбке, но на сей раз улыбалась она не очень ласково. Мне казалось, она не может взглянуть на Джайлса, чтобы не облизнуться, и теперь, увидев эту улыбку, я поняла, что ей все известно про нас и библиотеку. И все же я не собиралась сдаваться без боя. Я отвернулась

от брата и мисс Тейлор и медленно пошла по библиотеке — здесь потрогаю корешок книги, тут проведу рукой по полке. Таким *зевакобеспечным* манером я окольными путями добралась до дальнего конца комнаты, до шезлонга, за которым находилось мое *свечеодеяльное* укрытие. Обходя кресло с самым безразличным видом (по крайней мере, я надеялась, что все выглядит именно так), я услышала голос мисс Тейлор. Он плыл ко мне через весь огромный зал, вместе с пылинками, которые, после того как их побеспокоила Мэри, носились в лучах солнца, бьющего из высоких окон.

— Их там нет, ни свечей, ни одеял. Все убрано.

Я обернулась и посмотрела ей прямо в глаза, готовая отрицать все, даже очевидное:

— Совершенно не понимаю, о чем это вы говорите.

Гувернантка пересекла комнату стремительно, будто удар хлыста; рука ее, метнувшись проворней кобры, схватила меня за запястье. Она приблизила свое лицо вплотную к моему, и меня обдало запахом мертвых лилий.

— Не умничайте со мной, юная леди, не пытайтесь меня перехитрить. И думать не смейте!

Она выпустила меня, подняла руку к голове и пригладила волосы, словно жалела о том, что сделала. Я прошептала:

— П-простите.

Слово вырвалось неожиданно для меня самой, и я мгновенно раскаялась. Ох, если бы можно было вернуть сказанное. Не собираюсь раболепствовать перед ней. Но, как показало дальнейшее, я поступила верно, во всяком случае, мисс Тейлор как будто смягчилась. Не потому, что я ей нравилась — ей понравилось, что я поступила наперекор своему желанию, а значит, признала за ней главенство.

Повернувшись к Джайлсу, она приступила к допросу:

— И ты, полагаю, тоже никогда здесь не бывал?

Джайлс заюлил:

— Ну... я... знаете, мисс Уит... я хотел сказать, мисс Тейлор, я... — Он сбился и беспомощно посмотрел на меня.

Подойдя, я встала рядом с братцем и обняла его. Лицо мисс Тейлор внезапно разгладилось, она улыбнулась, и довольно благосклонно:

— Мне сказали, ты не умеешь читать.

Я не отвела глаз и выдержала ее взгляд.

— Но мы-то знаем, что это полная чепуха, ведь так? — Понаблюдав за тем, как я лихорадочно ищу ответ, она продолжала: — Я знаю, ваш дядюшка запретил тебя учить, но это доказывает лишь, что он безнадежно отстал от жизни. С тем же успехом можно приказать солнцу не светить или велеть морским волнам повернуться вспять.

— Как король Канут!^[8] — угодливо воскликнул Джайлс, желая подольститься к гувернантке.

Мисс Тейлор снизошла до улыбки:

— Да, как король Канут.

Круто развернувшись, она немного походила по комнате взад-вперед, вернулась, наконец, к тому месту, откуда начала, и остановилась напротив нас. Затем она снова обратилась ко мне:

— А теперь слушай внимательно, вот что я предлагаю. Я, разумеется, не могу открыто преступать запреты вашего дядюшки, какими бы нелепыми они ни были, но нет никакого смысла в том, чтобы ты тайком бегала сюда за книгами, как, несомненно, делаешь уже не первый год. Не собираюсь тратить время на то, чтобы выслеживать и останавливать тебя. Когда я буду приводить сюда Джайлса на занятия, ты можешь приходить с нами, взяв с собой какое-нибудь рукоделие, шитье или вышивку. Что-то обширное, больше, чем, скажем, книга средних размеров...

Мне стоило большого труда сохранить бесстрастное выражение лица. Я не верила своим ушам.

— Чтобы, в случае, если кто-то нас застанет, скажем заглянет прислуга, под рукоделием можно было спрятать... нечто, некий предмет — ты и сама понимаешь. Я не называю предмет, который... вдруг может оказаться у тебя на коленях. Ты можешь также... — она сделала паузу, — выбирать книги, которые, по-твоему, понадобятся Джайлсу в классе, и я отнесу их туда. Пожалуй, важно отметить, что ни миссис Граус, ни слуги не способны понять, какие книги подходят для мальчика этого возраста, а какие ему пока рано читать. Таким образом, у них не может возникнуть вопрос о том, почему те или иные книги очутились в классе. Ну, что скажешь?

— О да, мисс. Спасибо, мисс, благодарю вас, мисс.

Мисс Тейлор отвернулась к окну и долго смотрела на залитую солнцем лужайку, погружившись в свои мысли. Я тем временем окинула взглядом библиотеку. Ни разу еще я не видела книги вот так — разом, во всем их великолепии. Зрелище потрясло меня настолько, что я едва не лишилась сознания. Внезапно мисс Тейлор повернулась к нам:

— Да, и вот еще что... — Она посмотрела на Джайлса: — Ты, насколько я знаю, все эти годы хранил тайну своей сводной сестры, и хранил хорошо. Так и поступай впредь, а если проговоришься, нас всех ожидают большие неприятности. А вы, юная леди, должны научиться поменьше интересоваться чужими делами. Не стоит совать в них свой нос и шпионить за другим людьми, будь то днем *или ночью*, а не то и я могу поинтересоваться, что это у вас там, под шитьем. Понятно?

— Конечно, мисс. Все понятно, мисс.

Мы пробыли в библиотеке до ужина, я в одном ее конце, а мисс Тейлор с Джайлсом — в другом, где она обучала его французским глаголам. Я их все, конечно, уже знала, но безмолвствовала и на этом языке, и на родном своем английском, не желая спугнуть удивительные перемены к лучшему. На коленях у меня лежал раскрытый том «Женщины в белом» Уилки Коллинза, а на столике у моего правого локтя — вышивка, наволочка для подушки. Ей предстояло разделить участь рукоделия Пенелопы:^[9] я тоже не собиралась заканчивать работу. Пусть вышивка просто всегда будет наготове и помогает мне исполнить мою мечту: прочитать все книги в библиотеке. Как падок наш ум на выгоду! Как корыстен! Как легко мы забываем о грозящих опасностях ради сиюминутных радостей! Я, как *пескоголовый* страус, предпочла ничего не замечать ради книг. Я подвергла риску жизнь любимого своего братца, чтобы только заполучить запретный плод, и сейчас это открыто признаю.

Я успела уже добраться до середины второй главы, когда раздался стук в дверь. Быстро захлопнув книгу, я схватила пяльцы с вышивкой. Как раз вовремя: дверь отворилась, и вошла миссис Граус. Первым делом она посмотрела в мою сторону, и на лице ее вспыхнула улыбка — как от спички разгорается костер.

— Что я вижу, мисс Флоренс, как же приятно, что вы увлеклись своей вышивкой. Вот порадуетесь ваш дядюшка.

Внезапно, будто вспомнив, за чем пришла, экономка повернулась в другую сторону и переключила внимание на мисс Тейлор. Правда, улыбка ее при этом немного поблекла. Она так посмотрела на гувернантку, будто хотела похвалить и ее, а не только меня, более того, восхититься ее педагогическими талантами.

— Прошу прощения, мисс Тейлор, — церемонно обратилась она к гувернантке с едва различимым оттенком издевки и насмешки, настолько тонким, что придаться было не к чему, — но у нас посетители.

— О, в самом деле? — Мисс Тейлор вздернула подбородок, на лице отразилось непонятное смущение.

Тогда я решила, что гувернантке не понравилось, что ее прервали во время урока, но потом поняла, что это не могло быть истинной причиной.

— Это миссис Ванхузер и молодой мастер Тео. Желают засвидетельствовать свое почтение перед отбытием в Нью-Йорк.

Наша новая гувернантка, казалось, на миг растерялась. Резко закрыв книгу, которую держала, она выронила ее, тут же поспешно нагнулась и подняла книгу с пола. Когда она выпрямилась, это уже была привычная нам, уверенная в себе мисс Тейлор.

— Ну что ж, хорошо. Дети, нельзя заставлять гостей ждать, нужно сейчас же пойти и пожелать им доброго пути, проститься, а в моем случае — сначала познакомиться, а затем уже проститься.

Мисс Тейлор подошла к двери, Джайлс обрадованно захлопнул свою книгу и встал рядом с гувернанткой, поджидая меня. Я выждала, когда миссис Граус повернется спиной, мигом переложила «Женщину в белом» на боковой столик, а потом последовала за экономкой. Мисс Тейлор замыкала шествие. Мы сделали только несколько шагов, когда за нами вдруг раздался стон. Обернувшись, мы увидели, что мисс Тейлор прислонилась к дверному косяку, приложив руку ко лбу. Вид у нее был такой, будто она вот-вот упадет в обморок.

— О, — простонала она снова, — о господи!

Миссис Граус подскочила к ней, потом, обернувшись к нам, прошипела:

— Ступайте, дети. Мигом бегите в гостиную, займите Тео и его матушку, пока я позабочусь о мисс Тейлор.

Мы повиновались, то и дело озираясь на миссис Граус, которая одной рукой обняла гувернантку за талию и медленно *коридорила* ее в сторону комнаты. Мы с Джайлсом переглянулись, разом пожали плечами, но потом, вспомнив, что внизу нас ждет Тео — пусть даже только для грустного прощания неизвестно на сколько недель (по крайней мере, до ближайшего *астмоприступа*), — радостно затопали вниз по ступенькам.

Сначала рассмотреть Тео было трудновато, потому что основную часть гостиной занимала миссис Ванхузер. Мы просочились в комнату и вежливо *здрасьтемэмнули* ей. Джайлс, который видел мать Тео в первый раз, не мог отвести глаз от ее бюста. Он заворуженно рассматривал его, как некую достопримечательность, вроде египетской пирамиды или, точнее будет сказать, пары пирамид.

Миссис Ванхузер поднесла к глазам лорнет, который висел у нее на шее на шнурке, и внимательно осмотрела моего брата.

— В чем дело, мальчик? — осведомилась она. — Ты никогда прежде не встречал леди?

— Скажите, пожалуйста, мэм, — воскликнул Джайлс, совершенно сраженный сочетанием пышного бюста и напыщенного тона, — скажите, пожалуйста, что бы вы предпочли: чтобы вас протащили по земле голышом, обмазали медом и бросили на съедение муравьям-убийцам или чтобы посадили в бочку и сбросили с Ниагарского водопада, прямо на острые камни, на которых бочка разобьется вдребезги? Что вы выбираете?

Миссис Ванхузер откинула голову назад на целый фут, никак не меньше, демонстрируя изумление, в которое привело ее подобное приветствие, но затем снисходительно улыбнулась. Повернувшись ко мне, она пробасила:

— Ох уж эти мальчики, вечно их занимают подобные вещи. Хорошо помню, когда Тео был в таком возрасте... — На этих словах она запнулась и начала озиаться по сторонам: — Тео, где ты, мой мальчик?

Тео со смеющимися глазами вынырнул откуда-то из-под нее.

— Привет, Флоренс, — сказал он, — привет, Джайлс.

Миссис Ванхузер погрузилась в кресло:

— Я объяснила этой вашей экономке, что мы не можем задерживаться. Нам необходимо успеть на нью-йоркский поезд,

который отправляется в шесть пятнадцать. Мы заехали только попрощаться и взглянуть на вашу новую гувернантку.

— Б-боюсь, сейчас не получится, мэм, — пояснила я. — Мы уже собрались идти сюда, когда ей вдруг сделалось дурно. Миссис Граус сейчас с ней наверху.

— Какой неудачный момент она выбрала, чтобы расхвораться. Надеюсь, ее болезнь не заразна? — Она пренебрежительно махнула рукой в нашу сторону. — А впрочем, молодые люди, если хотите вместе погулять, я не возражаю. Но не больше чем полчаса! Тео, не дольше получаса, и не вздумай бегать, я не хочу, чтобы у тебя случился новый приступ астмы перед самым отъездом. О, и вот еще что: Флоренс, будьте добры, распорядитесь, чтобы мне подали чаю. Придется выпить его в одиночестве, раз уж несчастной женщине вдруг стало плохо.

Выйдя из дома, Джайлс стал уговаривать нас поиграть с ним в прятки. Он убежал прятаться, но нам с Тео не очень хотелось играть. Мы отошли и сели на камень за домом. Там можно было поговорить, хотя примерно каждые пять минут Тео приходилось вставать и находить Джайлса, чтобы тот не заскучал и не начал нам мешать.

— Итак, Тео, — начала я, как только мы уселись, — ты возвращаешься в школу.

Он смотрел вниз, на свои руки, на длинные костлявые пальцы, состоявшие, казалось, только из костей и кожи. Он покраснел, вернее, стал свекольного цвета.

— Да, я и приехал, чтобы сказать об этом. — Мой друг поднял голову и с тоской посмотрел на меня. — Следовало бы сказать тебе раньше, а я все откладывал, потому что это было невыносимо. Я еду не в школу, по крайней мере, не прямо сейчас. Мы уезжаем.

Мое сердце екнуло и забилось, как птичка в клетке.

— Уезжаете? Что ты хочешь сказать?

Тео все рассматривал свои пальцы, которые то сплетались, то разъединялись сами по себе, будто он не имел над ними власти. Они были похожи на двух странных дерущихся зверьков.

— Мы едем в Европу путешествовать, будем осматривать достопримечательности — мама, папа и я. Отплываем в пятницу.

— В Европу... — пробормотала я. — Надолго?

Подняв голову, Тео жалобно посмотрел на меня:

— На полгода.

Я не ответила. В этот момент Джайлс как раз подал голос, и я сказала:

— Лучше пойдешь поищи его. Он там, за рододендронами.

— Да я знаю! — ответил Тео и *задолговязил* к нему.

Я пыталась вникнуть в то, что он только что сообщил. Скверная новость, и к тому же в такое неподходящее время. У меня не было ни одного союзника, кроме Тео, никого, кто помог бы разобраться с мисс Тейлор. Кто же поможет мне защитить брата, если она вдруг попытается похитить его или сделать что-нибудь пострашнее? К кому же еще, кроме Тео, я смогу обратиться, если потребуется помощь?

Джайлс был благополучно обнаружен и побежал снова прятаться, а Тео вернулся и с унылым видом плюхнулся рядом со мной. Он хмуро глядел перед собой, не замечая, какой чудесный стоит день. Наконец он нарушил молчание:

— Флоренс, я хотел спросить...

— О чем?

— Я... э... хотел спросить... учитывая, что я уезжаю надолго и все такое прочее... и мы не увидимся целых шесть месяцев... вот... знаешь... я хотел спросить: нельзя ли мне тебя поцеловать? — Он устремил на меня тревожный взгляд.

Я тоже смотрела на него. Такой странный, с этими круглыми глазами навывкате, он определенно не мог понравиться девушке. Такой тощий и нескладный, с впалыми щеками, длинный, угловатый... Его даже невозможно было бы обнять, чтобы не уколоться о выступающие кости. И все же мне не хотелось на прощание огорчить его отказом.

— Стихи тоже будут? — поинтересовалась я.

— О, боюсь, что нет. Проклятие, надо же, именно сегодня я ничего не сочинил! Я очень, очень сожалею, поверь.

— Ну что ж, в таком случае, я согласна...

И я немного отстранилась, подставив ему щеку для поцелуя, но Тео резко опустил голову, изловчился и клюнул меня прямо в губы.

— О, Тео, — возмутилась я, — так нечестно, даже подло поступить так с девушкой.

— Да, я знаю, — ответил Тео виновато и в то же время вызывающе.

Мы снова сели на камень и еще немного мрачно полюбовались природой. Это было неправильно — чувствовать себя так ужасно в такой прекрасный денек. У меня поползла слезинка по щеке.

Протянув одну из своих лап-переростков, Тео смахнул ее:

— Не плачь, Флоренс. Все не так ужасно. Это же всего-навсего шесть месяцев. Они быстро пролетят.

— Нет, Тео, ты просто не понимаешь.

И я вывалила на него все, что произошло. Я рассказала о мисс Тейлор, о том, как застала ее гуляющей ночью по дому в полной темноте, о том, что это не могло быть живое существо, только призрак или что-то в том духе. Я поведала, как она стояла у кровати моего бедного спящего братца, как облизывалась, глядя на него, как я боюсь, что она украдет его, похитит и увезет от меня.

— Обещай, Тео, обещай, если ты вернешься из Европы и узнаешь, что с Джайлсом или со мной что-то случилось, ты не успокоишься, пока не добьешься, чтобы эта женщина за все заплатила. Обещай мне, что сделаешь это.

— Что ты, Флоренс, не говори так, не может быть, чтобы все и впрямь оказалось так ужасно. В смысле, призраки! Да полно, может, ты все-таки немного преувеличиваешь, ну, самую капельку?

— Обещай мне, Тео.

Видя, что мне не до шуток, Тео, пожав плечами, взял мои руки в свои, уютно *угнездил* их там и, глядя мне прямо в глаза, серьезно произнес:

— Обещаю, Флоренс, разумеется, я обещаю.

14

Экипаж Ванхузеров еще не успел скрыться из виду, когда мисс Тейлор подошла к парадному входу, откуда мы с Джайлсом смотрели вслед Тео и его матери, которые исчезали из нашей жизни на целых полгода — а возможно, и навсегда, с горечью подумала я.

— О! Я не успела? — спросила гувернантка, и мне показалось, что это прозвучало не совсем естественно. Ее интонации чем-то напоминали Джайлса, когда он так неубедительно пытался показать, что ни разу в жизни не заходил в библиотеку. — Ну, ничего, надеюсь, мы еще познакомимся во время их следующего визита.

Джайлс перестал махать и опустил руку, как только экипаж свернул с аллеи на дорогу и исчез за поворотом.

— О нет, мисс, теперь они долго не появятся. Они уехали на несколько месяцев.

— Вот как?

Мисс Тейлор произнесла это с деланным безразличием, но я заметила торжествующую улыбку на ее губах — или призрак улыбки?

Джайлс посмотрел на нее, а она тем временем втянула нас в дом и закрыла дверь.

— Тео отправляется в Италию и Францию... и в другие такие же места. Это далеко, по другую сторону Атлантики, знаете?

— В самом деле?

— О да, мисс, видите ли, все эти страны находятся в Европе, с одной стороны Атлантического океана, а мы-то в Америке, по другую сторону, и между нами целых три тысячи миль.

Наша новая гувернантка не стала объяснять Джайлсу, что он неверно истолковал ее вопрос.

— Какая жалость, — протянула она, бросив на меня многозначительный взгляд, — что ж, а нам придется остаться, вот и все.

Мисс Тейлор отвернулась и направилась к лестнице, мы потянулись за ней.

— Вам уже лучше, мисс? — полюбопытствовал Джайлс, догоняя гувернантку.

— О да, спасибо, Джайлс, мне гораздо лучше сейчас.

И по тому, как она повысила голос на последнем слове, как бросила его через плечо, обернувшись на ходу, я поняла абсолютно точно: оно было предназначено для меня.

Вечером, лежа в постели, я думала о Тео, о том, как я буду по нему скучать и как с его неожиданным отъездом я осталась совершенно одна против этого чудовища, этого демона. Ибо я была твердо убеждена, что наша новая гувернантка именно такова, особенно теперь, когда вспоминала утренний визит Ванхузеров и неожиданный обморок мисс Тейлор. Ее стремительное выздоровление говорило само за себя: вовсе ей не сделалось дурно, все это она разыграла, и цель могла быть только одна — ей хотелось избежать встречи с миссис Ванхузер и Тео.

Я долго ломала над этим голову. С чего бы это гувернантке избегать гостей? Что это может значить? Я ворочалась с боку на бок и

не могла уснуть — в последнее время, с тех самых пор, как приехала мисс Тейлор, не спать по ночам стало для меня привычным.

В конце концов у меня возникли следующие соображения. Что же такого в миссис Ванхузер, что мисс Тейлор не захотела с нею встретиться? И я догадалась: миссис Ванхузер не прислуга, не простая женщина, а значит, не такая ограниченная, как миссис Граус, и Мег, и Мэри, и им подобные. Она без стеснения могла начать расспрашивать мисс Тейлор, задавать ей вопросы о том, где та родилась, откуда она родом, из какой семьи, где служила прежде. Такой даме, как миссис Ванхузер, подумала я ошеломленно, под силу выбить признание из камня, хотя, конечно, мисс Тейлор знать этого не могла. Но неважно, каким характером наделена мать Тео, важно другое: нашей гувернантке явно не хотелось, чтобы кто-то копался в ее прошлом.

Мне пришло в голову и еще кое-что. Миссис Граус, а уж тем более Мег, и Джон, и Мэри были людьми простыми, им в голову не пришло бы усомниться в очевидном. Но тому, кто относится к высшему классу, полагается быть более наблюдательным. Что, если впоследствии придется обратиться за помощью в полицию — например, к моему старому другу капитану? Что, если мисс Тейлор похитит моего брата и исчезнет с ним или — мне делалось страшно от одной этой мысли — убьет его и скроется? Такая образованная дама, как миссис Ванхузер, сумеет, конечно, дать точное описание преступницы, охарактеризовать ее произношение, одежду и припомнить другие важные детали, которые помогут выследить и схватить злодейку. Вот этого-то и стремилась избежать мисс Тейлор.

Если я не ошибалась в этом (а что еще могло заставить мисс Тейлор избегать встречи с Ванхузерами?), значит, правдой было и кое-что еще. Что бы ни замышляла мисс Тейлор, она попытается исполнить это до возвращения Ванхузеров, потому и пришла в такой восторг, узнав об их долгом отсутствии. Все должно произойти в ближайшие полгода, совсем, совсем скоро.

Только одно смущало меня, никак не укладываясь в картину: если ее целью было причинить вред Джайлсу, почему не сделать это прямо сейчас? Не исключено, конечно, что она собирается подстроить какой-то «несчастный» случай, чтобы не нести ответственность, а сейчас дожидается, пока представится такая возможность, да уточняет свои планы. Если это и в самом деле так, значит, самое страшное может

произойти в любой момент. Шанс может подвернуться ей внезапно, и она не упустит своего, воспользуется им для достижения своих черных целей. Я должна следить за ней зорко, как ястреб.

Но если она просто хочет похитить Джайлса (то, что она относилась к нему с видимой нежностью, казалось, говорило в пользу такого предположения), то почему же тогда медлит? Чего она ждет, почему до сих пор не увезла его? Это беспокоило меня, казалось бессмысленным, пока я не задумалась о том, что должно произойти после того, как мисс Тейлор похитит Джайлса. Предположим, она собирается потребовать выкуп. Тогда нужно будет выкрасть его, а потом где-то прятать, пока выкуп не будет выплачен, и, возможно, довольно долго. Даже просто для того, чтобы увезти Джайлса, ей нужно приучить его к себе, заслужить его доверие, а этого в один миг добиться невозможно. Ну а если ей нужен не выкуп, если она собралась украсть его для себя, чтобы он навсегда остался с ней, то ей и подавно нужно сначала заручиться его доверием и больше того — любовью.

Вот в чем дело! Разумеется, так оно и есть! Она просто выжидает, чтобы Джайлс как следует привязался к ней. Тогда он примет на веру любую историю, которую она ему расскажет. Она уж придумает, как объяснить ему, почему он должен во всем ее слушаться и сбежать из дома вместе с ней, а потом устроит и побег. Это было так ясно, так очевидно, как же я не догадалась сразу! Я просто локти себе кусала. А она еще коварно *прибиблиотечила* меня, чтобы я была занята и не мешала ей наводить чары на Джайлса, с каждым днем понемногу, дюйм за дюймом отдаляя и отучая его от меня! И у нее получается: бедное дитя уже не помнит о том, как *злогневно* она в первый же день набросилась на него за завтраком, он смотрит ей в рот и, кажется, считает самой чудесной на свете. Я решила обязательно поговорить о ней с Джайлсом и предостеречь об опасности.

Но на другой день мне никак не удавалось улучшить минутку, чтобы остаться с братом наедине. Утром мисс Тейлор сама привела Джайлса к завтраку и потом не отходила, так что они все время были вместе. Только теперь, когда мне никак не удавалось даже поговорить с братцем, я поняла, как хитроумна злодейка: она уже сумела отстранить меня от Джайлса, ловко позаботившись о том, чтобы у нас не было возможности остаться вдвоем хоть ненадолго. Наконец мы

отправились на прогулку в парк — нам нужно было дышать свежим воздухом, а Джайлсу к тому же требовалась передышка от уроков. Но даже здесь мисс Тейлор нас не оставляла. Усевшись на террасе в большое кресло, она не спускала с нас бдительного взгляда. В какой-то момент я подошла к Джайлсу совсем близко и шепнула, что мне срочно нужно с ним поговорить. Скопив глаза, я увидела, что гувернантка вскочила и поспешно направляется к нам. Я мигом отскочила, крикнула: «Не догонишь, не догонишь!» — и пустилась бежать к кустам. Джайлс бросился вдогонку.

Вы помните, разумеется, что за растениями в нашем парке никто не ухаживал, так что колючие кусты сильно разрослись. Протиснувшись между ветвями, я выскочила на узкую тропку, отлично знакомую нам с Джайлсом, но незаметную для того, кто не знал парка. Братец трусил за мной, не отставая. Я слышала, как мисс Тейлор ломится где-то рядом сквозь *разгуственные* джунгли, пытаясь нас настигнуть. Я притаилась в громадном кусте рододендрона и прислушивалась к шагам Джайлса. Когда он пробежал мимо, я, схватив его за руку, втянула в куст, а другой рукой зажала ему рот, прежде чем он успел вскрикнуть. Прижав палец к губам, я показала, что он должен молчать, и мы тихо улеглись на землю, и так лежали, тяжело дыша, пока мисс Тейлор выбиралась из зарослей. Убедившись, что она ушла, я шепнула братцу на ухо:

— Джайлс, мне нужно с тобой поговорить.

Он вырывался из моих рук:

— Не хочу я говорить. Мы можем поговорить и потом, когда захочется. А сейчас время не для разговоров, я играть хочу.

— Ты не понимаешь, — прошипела я. — Мы больше не можем разговаривать с тобой так, как раньше. Нас ни на минуту не оставляют одних. Я не могу поговорить с тобой, потому что мисс Тейлор все время следит и все наши разговоры слушает. Разве ты не заметил?

— Ну да, пожалуй, ты права. Ну и что такого, да пусть слушает. Нам-то что за дело?

— Да я просто уверена, что она не та, за кого себя выдает. Она явилась сюда неспроста, у нее что-то недоброе на уме. Я почти уверена, что она и не человек вовсе, а какой-то дух или что-то вроде призрака.

Джайлса мои слова рассмешили, хотя, как мне показалось, он немного испугался:

— Призрак? Тогда почему она явилась сюда, если не связана с Блайт-хаусом? Разве призраки могут вот так разгуливать? А чей же, интересно, она призрак?

Я прикусила губу.

— Не знаю. Я пока не до конца во всем разобралась.

Джайлс тоже задумался, наморщив лоб, но он никогда не умел задумываться надолго. Через миг лицо его просветлело.

— А я знаю! Это же совсем просто, Флоренс, правда-правда. Она, наверное, дух мисс Уитекер и вернулась к тому месту, где встретила свою безвременную кончину.

— Ох, Джайлс, — *обезнадежилась* я, — ну не будь дурачком. Она совершенно не похожа на мисс Уитекер, ничего общего. У них даже волосы разного цвета.

— Откуда тебе знать, Фло! Кто сказал, что призраки должны выглядеть в точности так же, как тогда, когда они были живы? Может быть, они нарочно маскируются, чтобы обманывать живых людей.

Джайлс воспринял это как веселую игру, он притворился, что верит мне, но на самом деле не отнесся к моим словам всерьез. Это совсем не соответствовало моим целям.

— Джайлс, послушай меня внимательно. Будь осторожен. Не позволяй ей втереться к тебе в доверие, не привыкай к ней. Она хочет, чтобы ты к ней привязался, чтобы потом украсть тебя и тайком увезти отсюда.

Джайлс изумленно уставился на меня, а потом хихикнул:

— А зачем ей такое делать, а, Фло? — Брат смотрел на меня как на чужую. — Фло, ты говоришь какие-то странные вещи. — Он снова наморщил лоб. — Ну, правда, если мисс Тейлор — это мисс Уитекер, то зачем ей нужно причинять зло мне или тебе? Ты сама подумай! Наверное, она просто захотела побывать в том месте, где окончилась ее жизнь. Ведь это последнее место, где она побывала при жизни. Может, ей так понравилось быть нашей гувернанткой, что она снова захотела стать ею. А может...

В это время кусты поодаль снова затрещали, и не успела я добавить ни слова, как листья рододендрона раздвинулись и в просвете появилось лицо мисс Тейлор.

— Вот вы где, — произнесла она, натянуто улыбаясь, — мои заблудшие цыплятки. Идемте, дети, поиграли — и довольно. Пора снова братья за книжки.

15

На следующий день мы устроили пикник на берегу озера. И снова мисс Тейлор прогуливалась вокруг, пока не приблизилась к тому самому участку берега, откуда было рукой подать до места *трагибели* мисс Уитекер. На ходу она не разговаривала с нами и почти бежала вперед. Казалось, ей не терпится поскорее туда попасть, будто какая-то невидимая сила тянула ее туда. Мы разложили еду и стали завтракать. Мы с Джайлсом ели с удовольствием, нагуляв волчий аппетит на свежем воздухе, но вот мисс Тейлор неохотно ковырялась в еде и едва прикоснулась к своей тарелке. Это заставило меня присмотреться к ней внимательнее — прежде я никогда не разглядывала ее во время еды — и сделать открытие: наша вторая гувернантка вообще не ела, даже не пыталась проглотить хоть что-нибудь. Денек был жаркий, и, когда мы закончили, Джайлс уселся на берегу с удочкой, которую прихватил с собой. Мисс Тейлор извлекла из своего ридикюля книгу и погрузилась в чтение.

Я вдруг почувствовала страшную усталость. Палило солнце, воздух был душным и накаленным, как перед грозой, стало трудно дышать. Я вдруг ослабела, голова стала тяжелой, руки и ноги обмякли как ватные, так что я легла на расстеленный ковер. Как я ни старалась бороться со сном, глаза сами собой стали слипаться. И я сдалась, подумала: если закрою глаза всего на минуту, на одну-единственную ничтожную *короткоминутку*, это поможет мне взбодриться и восстановить силы.

Не знаю, долго ли я спала. Сквозь сон я различала низкое жужжание пчелы, комариный звон, тихий плеск воды в озере, где играла рыба, но спустя некоторое время все вдруг стихло, даже воздух замер. Воцарилась такая мертвая тишина, что у меня похолодела спина, будто кто-то провел по ней ледяным пальцем. Мгновенно ощутив, что тут что-то не так, я резко села, широко раскрыв глаза.

Боялась я, разумеется, за Джайлса, о нем была моя первая мысль. Но он как ни в чем не бывало сидел на берегу со своей удочкой, точно так же, как раньше. Он даже позу не изменил с тех пор, как я уснула, и я не могла определить, проспала я минуту или целый час... или даже

больше. Я оглянулась на мисс Тейлор, но не увидела ее. Книга была раскрыта и лежала на ковре обложкой кверху, но самой гувернантки нигде не было видно. Наступившая неестественная тишина или эти прикосновения ледяных пальцев, пробежавших по моей спине и шее, — словом, что-то подсказало мне, что искать ее надо у воды, но не там, где Джайлс удил рыбу, а ниже, у того места, которого уж лучше я никогда бы не видела, того самого, где так ужасно окончилась жизнь мисс Уитекер. И правда, там она и была. Мисс Тейлор стояла у воды — нет, на воде! Поразительное это было зрелище, я даже подумала, что брежу или сплю, но только все это было наяву. Мисс Тейлор находилась на поверхности воды, но при этом без всякой лодки. Она стояла там, в самой середине озера, вода лизала носки ее туфель. А ведь я совершенно точно знала (у меня были для того самые серьезные основания), что стоять ей не на чем, что нет там ни островка, ни песчаной отмели, ни деревянного настила. Гувернантка смотрела себе под ноги, на воду, и на лице ее была тоска — вернее, не на лице, а скорее во всей фигуре, потому что с такого расстояния я не могла различить отдельных черт. Почувствовав на себе мой взгляд, мисс Тейлор подняла голову и посмотрела прямо на меня... или, как мне показалось, сквозь меня. Мне представилось, что глаза у нее в тот миг были пустыми и отсутствующими, как у статуи, так что я не могла понять, видит она меня сейчас или нет. Вдруг она задвигалась и пошла прямо по воде, поднимая при каждом шаге небольшие волны. Она шла быстро и целеустремленно, надвигаясь на меня, и мне захотелось броситься наутек, чтобы только очутиться подальше от ужасного видения.

— Джайлс! — закричала я, потому что всегда больше всего боялась за него, за своего младшего братца. — Джайлс! Посмотри!

Я вскочила и бросилась вниз по склону, к нему. Джайлс, казалось, не слышит меня и не замечает этой... этого существа на воде.

— Ну же, Джайлс! — крикнула я снова.

Я уже почти добежала до него, а фигура все еще двигалась к нам по воде.

На сей раз братец меня услышал. Он поднял голову и удивленно взглянул на меня:

— Что, Фло? Что-то случилось? Не кричи так — рыбу распугаешь.

— Скорее посмотри на озеро, — выдохнула я, подбегая к нему, и, обняв за плечи, показала, куда нужно смотреть: — Гляди!

Вместо этого Джайлс во все глаза смотрел на меня. Он был встревожен, даже испуган моим возбуждением, но потом все же повернулся и послушно уставился на озеро. Я пристально смотрела на него, ожидая, что он скажет. Джайлс, прищурившись, вглядывался в воду, а потом с озадаченным видом повернулся ко мне:

— А что там такое? На что нужно смотреть, Фло?

Я встряхнула его за плечи:

— Ты что, не видишь? Ты не видишь ее?

— Да кого ее, Фло? Кто там?

— Да как же, там мисс Тейлор, она идет по воде через озеро!

Брат посмотрел на меня обиженно:

— Ну и глупо, Фло. Как это она может ходить по озеру?

Я еще раз как следует встряхнула его:

— Ты не можешь не видеть! Ты должен, должен увидеть ее! — И я еще раз развернула его лицом к озеру. — Ну что, неужели ты не видишь, как эта ведьма шагает прямо по воде?!

Джайлс протер глаза кулаком:

— Я... я, кажется вижу. Я... я вижу, Фло, вижу ее! Да-да, вижу, правда-правда.

Я перевела взгляд на озеро, куда смотрел Джайлс. Там никого не было. Она исчезла.

Ослабив хватку, я выпустила плечо брата. Очевидно, он просто испугался и солгал, чтобы успокоить меня, а на самом деле ничего не увидел. Джайлс смотрел на меня умоляюще:

— Правда, кажется, я ее видел, Фло.

Отвернувшись от него, я еще раз взглянула на озеро, сейчас тихое и *безведьменное*. Ничего не ответив, я молча смотрела на пустынную воду, на то, как она рябит под ветром, и спрашивала себя: а было ли все это на самом деле? Позади раздался *шуршелест*, звук листьев на ветру, и, хотя не было сказано ни слова, я уже знала — она здесь.

— Что ж, дети, — обратилась она к нам, — я полагаю, мы хорошо отдохнули, но на сегодня достаточно, не так ли? Нужно возвращаться и приниматься за дело.

Обернувшись, я посмотрела ей прямо в глаза. Мне ответил змеиный взор, уверенный, твердый, — и я в тот же миг поняла: она действительно была на озере и знает, что я все видела. Но хуже всего, гораздо хуже было то, что ее это несколько не смущало.

16

Вечером за ужином я набралась храбрости понаблюдать за мисс Тейлор. Мне хотелось поделиться с миссис Граус, рассказать ей о происшествии на озере, но я решила не делать этого, потому что понимала, она мне ни за что не поверит. «У вас просто разыгралось воображение, милая», — скажет она. Ведь кем я была в ее глазах? Ребенком со странностями, девочкой, которая ходила во сне, а до появления гувернанток дни напролет (так она считала, разумеется, не зная моих библиотечно-башенных секретов) в одиночестве слонялась по дому, предаваясь фантазиям и витая в облаках. Хуже того, если я расскажу, а она не поверит, то наверняка доложит о моих словах мисс Тейлор и выдаст меня с головой. Новая гувернантка сразу поймет, что я обо всем догадалась и пыталась искать помощи — словом, что я ее враг. Хотя, по всей вероятности, она и сейчас уже это заподозрила. Придется мне все решать и со всем справляться самой. За едой я буду говорить только, когда ко мне обратятся, предоставив ей полную свободу болтать и смеяться с Джайлсом, а сама стану наблюдать за ней исподтишка, чтобы она ни о чем не догадывалась.

За ужином мои *пикниконаблюдения* подтвердились. Мисс Тейлор нарезала мясо в своей тарелке, отложила нож, взяла в правую руку вилку, наколола на нее кусочек мяса, поднесла к губам, но затем будто

бы отвлеклась на что-то, заговорила с Джайлсом и как бы по рассеянности отложила вилку в сторону. Это происходило снова и снова. Потом она вдруг обратила внимание на то, что Джайлс взял себе слишком мало овощей. На блюде уже ничего не осталось, и гувернантка моментально переложила ему порцию брокколи со своей тарелки. Все это она проделала очень быстро и проворно, как настоящий фокусник, так что, не следя за ней во все глаза, ничего бы, пожалуй, и не заметила.

После еды я незаметно шмыгнула на кухню, где Мег скидывала с тарелок остатки пищи в бак, который Джон потом относил свиньям. Немного покрутившись вокруг Мег, я дождалась, пока она соизволит меня заметить и оторвется от своего занятия.

— Ну, барышня, и чего это вам здесь надобно?

— Да нет, мне ничего не нужно.

Она нахмурила брови, глядя на меня:

— Ой, да ладно вам, барышня, знаю я ваши хитрости. Все детки одинаковы, особенно те, что так быстро растут. Небось хотите чего-нибудь вкусенького, ну что, угадала?

Я сделала вид, как будто пыталась сдержать улыбку, и застенчиво кивнула. Пусть верит, что я явилась за этим, подумала я, тем проще мне будет скрыть истинную причину своего появления.

Посмотрев на дверь, чтобы убедиться, что поблизости нет ни мисс Тейлор, ни миссис Граус, служанка открыла один из шкафов, достала большую жестяную банку, извлекла из нее печенье и протянула мне. Она хотела было поставить банку на место, но передумала. Снова сняв крышку, Мег вынула еще одно печенье, зажала его зубами, чтобы освободить руки, и уже после этого завинтила крышку. Поставив жестянку на полку, Мег взяла печенье в руку и откусила кусочек. Она была не из тех, кого называют худышками.

— Господи, сколько же еды пропадает, — заметила я, когда служанка вернулась к чистке тарелок, и тут же пожалела, потому что получилось ужасно ненатурально — прямо Джайлсова школа театрального искусства. Но Мег так сосредоточилась на своем занятии, что ничего не заметила.

— Ну да, — поддержала она, — и ведь с каждым разом все хуже... — Она взглянула на меня: — Если бы вы ели как следует,

доедали до конца все, что вам положили, мисс Флоренс, тогда не пришлось бы бегать на кухню за печеньем.

— Но я съела весь свой ужин, — возразила я, — и Джайлс ел много. Ты разве не заметила, что у нас стало больше объедков с тех самых пор, как приехала мисс Тейлор?

Мег поразмыслила над моими словами.

— А ведь и верно, теперь, когда вы сказали, барышня, я вижу, что, пожалуй, так оно и есть.

Она еще немного подумала, пожала плечами и с шумом опростала в бак последнюю тарелку, так скрипя ножом по фарфору, что я из всех стиснула зубы, чтобы не заткнуть уши пальцами.

— Да, эта леди, должно быть, ест, как птичка, мисс Флоренс, потому что, если это ее тарелка, стало быть, она оставила всю свиную отбивную целиком, даром что накрошила на куски. Ей, видать, больше нравится резать, чем кушать.

У меня при этих словах по спине пробежал холодок. «О, мой милый, так бы и съела тебя!» — зазвучало у меня в ушах, и я припомнила, с какой голодной жадностью гувернантка ночью смотрела на Джайлса, будто с трудом боролась с искушением впиться зубами в его нежную плоть.

— Вот они, — добавила Мег, — эти надутые дамочки, все они таковы. Важничают, жеманятся, только и думают, что о своей фигуре. А что до меня, так я даже рада, что не такая. У меня есть дела поважнее, чем день-деньской беспокоиться о талии.

Словно в подтверждение своих слов Мег, закончив чистить тарелки, подошла к шкафу, опять вынула жестянку с печеньем и выудила по штучке себе и мне.

17

Что же мне теперь делать? Ведь я — просто маленькая девочка двенадцати лет от роду, сирота, я одна-одинешенька на всем белом свете, и положиться мне не на кого, если не считать нескольких глуповатых слуг и, разумеется, брата, который не мог поддержать меня, а, наоборот, сам *отчаянуждался* в моей защите. Я хотела было написать дядюшке, но, поразмыслив, поняла, что и с этой стороны помощи ждать не приходится. Во-первых, он считал, что я не знаю грамоты, а из того, что я о нем знала, было очевидно: узнав о подобном неповиновении, он не только не захочет помочь, но скорее

как-нибудь накажет меня. Кроме того, дядя всегда страшно досадовал, когда у нас в Блайт-хаусе что-то шло не так, отвлекая его от дел и заставляя тратить время на решение наших проблем. Я вспомнила дядюшкины письма после трагического происшествия с мисс Уитекер — злобные и раздраженные, особенно когда выяснилось, что огласки избежать не удалось. Тогда у дядюшки внезапно возникли срочные, не терпящие отлагательства дела, которые не позволили ему даже ненадолго отвлечься, чтобы присутствовать здесь во время следствия и участвовать в судебном разбирательстве.

Меня всегда поражало, каким хитрым и изворотливым может быть ум человека, по крайней мере мой ум. Я совсем было отчаялась, поняв, что нечего ждать помощи от единственной родни, от дяди. Однако мой разум, продолжая без устали трудиться (он, поверьте, работал сам по себе, без всякого вмешательства с моей стороны), перескочил к воспоминаниям о следствии, а от них — кое к чему, что дало мне проблеск надежды. Капитан Хедли — человек весьма умный, хорошо образованный, но при этом лишенный высокомерия, столь распространенного у взрослых по отношению к детям. Человек, умеющий и готовый внимательно выслушать то, что ему рассказывают.

Теперь я была твердо уверена, что могу считать капитана Хедли своим настоящим другом. Я вспомнила наш с ним первый разговор, когда он сидел за своим письменным столом, переплетя длинные и тонкие *гвоздепальцы*, а концы больших пальцев уперев себе в нос. Внимательно, не перебивая, капитан выслушал то, что он называл «моей версией событий».

Я повторяла то, что уже поведала полицейскому, допросившему меня сразу после «событий». Время от времени я умолкала, чтобы вытереть глаза носовым платком, потому что не могла сдержать слез, они так и лились, или сделать глубокий вздох, прежде чем продолжить рассказ. Капитан, не перебивая, внимательно выслушал до конца, потом помолчал немного, сверля меня глазами из-под скрещенных пальцев, словно я была мертвым зверьком или птицей, которую ему предстояло препарировать.

— Мисс Уитекер упала прямо в воду? — спросил он наконец.

— Ну да, по крайней мере, так мне помнится... — Я замолчала, пытаясь припомнить точнее. — Да, я уверена, что так и было. Я уже говорила, она встала, чтобы забрать у меня весла, и тут лодка

закачалась, а она оступилась и, по-моему, наступила на подол своего платья, а потом упала за борт.

Он выпрямился и еще немного подумал.

— И больше ничего не произошло?

— Ничего, сэр. Во всяком случае, я больше ничего не помню. Все случилось так быстро.

— И вы говорите, она упала прямо в воду?

— Да, сэр, прямо в воду.

— Не ударилась ли она головой о борт лодки, когда падала?

Снова наступила моя очередь думать. Я прикрыла глаза, пытаюсь восстановить в памяти всю сцену, но ничего не получилось. Однако хотя я ничего не увидела, зато услышала звук.

— О да, сэр, теперь, когда вы об этом упомянули, я вспомнила, там был странный звук, вроде громкого треска, перед тем как она упала с громким плеском. Такой звук, как будто человек сильно ударился головой о дерево, понимаете, что я имею в виду?

— Нет, юная леди, я не знаю, что вы имеете в виду. Я никогда не слышал, как о дерево ударяет кость.

Мы сидели и молчали еще вечность или даже две. Я вертела в руках мокрый от слез платок. Капитан сверлил меня глазами. Это было неприятно, но я не собиралась поддаваться какому-то полицейскому вроде него и потому сумела выдержать и не отвела взгляда.

— Возможно, она ударилась головой о борт, отсюда и звук. Я точно не помню. Я ведь уже говорила, все случилось так быстро.

— Очень хорошо, — протянул капитан. Он продолжал поедать меня глазами поверх паучьих пальцев, как будто целился из ружья в беззащитную добычу. — А когда ваша гувернантка упала в воду, вы не попытались ей помочь?

— О, конечно, сэр. Вернее, я, конечно, хотела, но, падая, мисс Уитекер, видимо, толкнула лодку, так что она быстро поплыла прочь. Я оказалась слишком далеко, чтобы помочь ей.

— Полно, юная леди, человек ведь не в один миг идет ко дну. У вас было время направить лодку и доплыть до нее.

— О нет, сэр, ведь весел-то у меня не было. Я же вам говорила, мисс Уитекер как раз забрала их у меня, и тут потеряла равновесие и упала в воду. Весла упали вслед за ней, сэр, и оказались так же далеко, как и она...

Капитан Хедли ничего не ответил.

— Весла потом подобрали, они так и плавали в озере, если помните, сэра. Я пробовала подгрести к мисс Уитекер, пыталась грести руками, но я ведь была от нее футов в двадцати, так далеко отнесло лодку. И еще, лодка такая широкая, что я никак не могла опустить сразу две руки одновременно, сэра. А когда я стала грести одной рукой, лодка закружилась на месте, сэра.

В ответ капитан кивнул, признавая, что так точно описать все детали может лишь тот, кто и вправду пытался это проделать.

— Ну что ж, прекрасно, пока это все, — сказал он наконец. — Вы можете идти.

Я была уже у двери, когда его голос остановил меня:

— О, еще одно.

— Что? — обернулась я.

— Этот звук, звук от удара головы о дерево... или лучше сказать — дерева о голову? Не могло ли оказаться, случайно, что этим деревом было весло?

Я снова смотрела прямо на него, чувствуя, как кровь отливает от лица.

— Даже не знаю, сэра, — ответила я, — ведь это звук, которого я никогда не слышала.

После этого мы с капитаном Хедли встречались еще два или три раза, и *каждоразно* повторялось одно и то же, мы опять и опять возвращались к тому звуку, он снова и снова допытывался у меня про весла, но мне нечего было добавить. Я чувствовала, что такое положение дел его почему-то не удовлетворяет, но объясняла это особенностями его характера и тем, что ему приходится исполнять такую службу. На коронерском суде я то и дело ловила на себе его странный взгляд — он глядел так, будто я была задачей, оказавшейся ему не по зубам, и это его восхищало. Коронер, приятный старичок, задал мне множество подобных вопросов, а потом, когда я закончила давать показания, велел занять свое место и распорядился, чтобы мне принесли воды. Отвечая ему, я поднимала глаза и, видя, что Хедли не сводит с меня взгляда, не могла отогнать мысль о том, что во время всех наших встреч его главной целью было отрепетировать мою роль, чтобы я смогла правильно отвечать в суде. Я подумала, что могла бы понравиться Хедли, познакомься мы при других обстоятельствах,

скажем на балу — хотя я в жизни ни на одном и не бывала — или на катке. Однако, будучи свидетелем по делу мисс Уитекер, я только сбивала его с толку и приводила в замешательство.

Так почему же я решила, что Хедли захочет помочь мне теперь? С чего бы ему поверить в мою историю, даже если я найду возможность ее рассказать? Трудно было ожидать, что взрослый мужчина, скептик, полицейский, проглотит такую историю, больше похожую на сказку, чем на реальность, — про злую гувернантку, которая замышляет похитить моего брата. И паче того — про то, что она, возможно, не человек, а некое явление потустороннего мира, может, это дух ее предшественницы, нашей умершей гувернантки, которая не пожелала остаться в мире мертвых, предпочтя ему наш.

Но с другой стороны, хоть Хедли и не проявил ко мне дружелюбия, хоть и сверлил синими глазами, он все же оказался моим спасителем во всей этой истории с братом мисс Уитекер. Особенно во время кошмарной сцены в зале суда, когда этот человек встал и раскричался. Он выкрикивал такие ужасные вещи, что мне пришлось заткнуть руками уши. Все это обман, кричал он, смерть его сестры не была расследована должным образом, ее нанимателя следует судить, потому что нельзя было отпускать ее на озеро вдвоем с ребенком, так что некому было ее спасти, да и «вообще, все это крайне подозрительно».

Я чуть не умерла от стыда, когда взоры всех присутствующих обратились на меня, слетелись, как вороны на мертвого кролика. Но Хедли и его люди тут же подскочили к Уитекеру и, *рукозаложенного*, вывели его из зала суда, где он больше ни разу не появился до конца разбирательства. То же повторилось, когда я выходила из здания суда, а потом и на следующий день. Уитекер подстерегал меня, но как раз, когда мы резко развернули двуколку, вновь подоспел Хедли, отогнал его, и больше никто мне не угрожал. Я подозреваю, что капитан здорово припугнул этого человека, потому что больше я никогда его не видела.

Таким образом, ситуация с Хедли напоминала тонко настроенные, сбалансированные весы, и требовалось лишь чуточку их подтолкнуть, чтобы качнуть чашу в ту или другую сторону. С одной стороны, капитан защищал меня, как рыцарь без страха и упрека, оберегал от боли и унижения и не дал пострадать от руки, а точнее, от языка брата

мисс Уитекер. С другой — он, кажется, воспринимал меня как какую-то трудную задачу или загадку, крепкий орешек, расколоть который было под силу только ему. В этом случае то, что он защищал меня от Уитекера, выглядело иначе — почти как забота о своей собственности. И все же мне ничего не оставалось, как обратиться к нему. Других возможностей просто не было — Хедли или никто.

Я решила, что ничего не потеряю, если обращусь к капитану за помощью, но одно дело — решить, а вот осуществить намерение было куда труднее. Полицейский участок находился в нашем городке, в одиннадцати милях от нас. Я никак не могла туда добраться сама, пришлось бы попросить Джона отвезти меня на двуколке. Но не могла же я сказать ему, что «собралась съездить в город». Мне никогда не разрешила бы этого мисс Тейлор, да, признаться, и до ее появления меня ни разу не отпускали одну, даже миссис Граус не пускала. Мы с Джайлсом очень редко бывали в городке, потому что все необходимое для нас имелось в Блайт-хаусе. Здесь нас кормили-поили, снимали мерки, чтобы заказать новую одежду, и лечили, когда мы заболели.

На последней мысли я задержалась. Здесь, в Блайт-хаусе, нас лечили, но не *зубоврачевали*. Как-то раз, когда я была маленькой, у меня разболелся молочный зуб, и меня повезли в город на прием к зубному врачу мистеру Филду. Этот мерзкий, раздражительный человек, по-моему, ненавидел свое ремесло, особенно если приходилось лечить детей. Сейчас мне *очевиделось*, что дантиста невозможно пригласить в Блайт-хаус из-за его громоздкого оборудования, кресла из кожи и меди (сиденье которого поднималось с помощью педали, так что вас возносило на высоту роста врача) и злобно-унылого фламинго — зубного сверла, которое я ни разу не видела в действии, зато достаточно слышала из приемного покоя, чтобы сейчас вздрогнуть при одном воспоминании.

Сначала я хотела пожаловаться на зубную боль, чтобы меня отвезли к мистеру Филду, но ведь мисс Тейлор поехала бы со мной, и пришлось бы сидеть у врача, и мне никак не удалось бы ускользнуть в полицейский участок и повидать капитана Хедли. Чем дольше я думала, тем яснее представляла одно-единственное решение: к зубному врачу должен отправиться Джайлс. Я поеду его сопровождать и, улучив минутку, сбегаю в участок.

Прошло два дня, прежде чем мне удалось *уединить* Джайлса на время достаточно долгое, чтобы успеть посвятить его в мой план. Братец отнесся к этому так, как я и ожидала:

— Зубной врач? *Попроситься* к зубодеру? Даже не надейся! Я не дам сверлить зубы и ставить в них пломбы, не дам выдергивать мне зубы один за другим. Испанские инквизиторы, знаешь ли, так пытали еретиков.

— Джайлс, милый, никто не станет сверлить тебе зубы, а тем более рвать их один за другим. У тебя же все зубки хорошие.

Джайлс сунул палец в рот и ощупал каждый зуб, проверяя.

— Разве можно знать наверняка? Что, если я приду, а старик Филд что-то заметит, да и вытащит свое ужасное сверло?

— Нет, Джайлс, не станет он этого делать, у тебя ведь здоровые зубы.

— Ну да, это ты у нас зубной врач, да? Ты знаешь лучше, чем он? И вообще, что, если он заявит, что видит дупло в каком-нибудь зубе, даже если там ничего и нет, — просто чтобы выдрать его с корнем? Просто чтобы ему заплатили побольше?

— Он так не сделает. Не имеет права. Это... это... это — нарушение клятвы Гиппократата!

Я не была уверена, что это и впрямь так, но у Джайлса, когда я объяснила ему, что это за клятва, вопросов не возникло. Наверное, он решил, что если даже в ней и не говорится о том, что нельзя выдирать у пациентов здоровые зубы, то уж наверняка подразумевается.

Джайлс с подозрением поглядывал на меня, взвешивая все «за» и «против».

— Он точно ничего мне не сделает, уверена?

— Ей-богу, провалиться мне на этом месте!

— Ну, тогда ладно, я согласен. Когда нужно будет отправляться в город с зубной болью?

— Хорошо бы завтра утром. Надо выехать не слишком поздно, чтобы застать мистера Филда на месте.

Тут мы увидели, что к нам приближается мисс Тейлор, и Джайлс попятился назад, к своим *мучебникам*.

— Ой, Джайлс, — прошипела я вдогонку.

— Что? — прошептал он, оглянувшись.

— Не переигрывай.

Впрочем, этого я могла бы и не говорить, потому что слова мои, кажется, только воодушевили Джайлса, и он так вошел в роль мальчика, мучимого зубной болью, что весь наш план чуть не провалился. Мы почти заканчивали завтрак, и я уже забеспокоилась, не забыл ли он о нашем уговоре, не передумал ли. Поэтому, выбрав удобный момент, я сильно лягнула его под столом.

— Ой! — взвыл Джайлс.

Мисс Тейлор с подозрением уставилась на него, но ничего не сказала и продолжала сосредоточенно намазывать масло на кусочек хлеба. Я заметила, что она намазывала это масло с той минуты, как мы сели за стол.

— Зубы! — одними губами сказала я, глядя на брата. — Начинай.

— Нет, — прогримасничал он в ответ, кивая на ломтик хлеба и мармелад, лежащие на тарелке. — Сперва доем.

Я тяжело вздохнула, взглянула на него со значением, а когда в ответ он соорудил умильную рожицу, решила взять дело в свои руки — точнее, ноги — и опять лягнула его побольнее.

— Ай! — На этот раз у него получилось громче. Такое нарушение нельзя было оставить без внимания.

— В чем дело, Джайлс? — С этими словами мисс Тейлор отложила, наконец нож для масла, оставив хлеб на тарелке. — Мне показалось, ты и раньше уже вскрикивал. Что случилось?

Джайлс покосился на меня, но я грозно нахмурилась, и он, к счастью, понял, что сейчас — прекрасное время, чтобы начать действовать.

— Это все зубы, мисс Тейлор, у меня зуб болит, очень сильно, правда. Ой! Ай! Ой!

Вскочив со стула, гувернантка направилась к Джайлсу. Обвила его рукой, будто змеей, обняла и прижала к себе:

— Ну, будет, будет, мой милый... Сейчас все пройдет.

— Ай! Нет, мисс Тейлор, боль просто ужасная, — возразил Джайлс, рывком высвобождаясь из ее объятия. Он подпрыгнул в воздух. — О боже, я этого не вынесу, кажется, я сейчас умру!

Он повалился на пол и начал извиваться, словно мышь, попавшая в мышеловку. Но, в отличие от мыши, Джайлс прижимал руку ко лбу, как артисты на фотографиях, изображающих их на сцене.

Мисс Тейлор опустилась рядом с ним на колени и стала гладить, пытаясь успокоить:

— Тише, Джайлс, тише, покажи мне, который зуб болит.

Джайлс позволил усадить себя, а мисс Тейлор нежно поддерживала его за спину. Он засунул палец за щеку:

— Ок экок кааза.

Новая гувернантка вглядывалась в открытый *браторот*.

— Но с ним, мне кажется, все в порядке.

Джайлс переместил палец:

— Как згахих, экок, я гэ хгаю. Кху-угно понять.

Мисс Тейлор помогла ему подняться на ноги и, поддерживая, вывела из комнаты. В гостиной она уложила его на кушетку. К этому времени уже всем стало ясно, что Джайлс испытывает просто непереносимые муки. На крики братца сбегались все, кто был в доме. Миссис Граус хлопотала над ним с обезболивающим снадобьем, и я с замиранием сердца следила, как она дала ему выпить несколько капель настойки опия. Я боялась, что, задремав под их воздействием, Джайлс все забудет и провалит нашу затею, а ведь пока все складывалось как надо: Джон уже отправился на конюшню запрягать лошадь и закладывать двуколку.

И надо же было случиться, что именно в это время все оказалось под угрозой срыва.

— Я буду готова через минуту, Джайлс, — заявила мисс Тейлор, — только наброшу пальто и надену шляпку... и захвачу твое пальто, конечно.

— Но я... — начала я.

Отчего-то я была уверена, что Джайлса повезем в город мы с миссис Граус, ведь прежде всегда бывало именно так. Если с нами поедет мисс Тейлор, поняла я, улизнуть от нее будет не в пример труднее. А теперь, кажется, она предлагала совсем уж безнадежный вариант, ибо собиралась ехать в городок с Джайлсом вдвоем, а мне предстояло остаться дома. Паника охватила меня: а вдруг я, сама того не желая, предоставила ей удобнейший случай скрыться из Блайтхауса и навсегда увезти с собою Джайлса?

— Но что? — Мисс Тейлор *озмеила* меня своими круглыми глазами.

— Я думала, что тоже еду с Джайлсом.

— В этом нет необходимости, — прошипела она, затем развернулась на каблуках, чтобы выйти из комнаты.

Я сникла и опустила голову. Но опийная настойка ничуть не облегчила страдания бедняжки Джайлса, да, собственно говоря, и не должна была — с чего бы, если все это был чистой воды театр? Сейчас братец сполз с кушетки, лежал на спине посреди гостиной, брыкаясь и размахивая руками, и оглушительно орал во всю глотку. Миссис Граус беспомощно пожимала плечами. Я села рядом с братцем и начала вытирать его вспотевший лоб.

— Шш... Джайлс, — громко повторяла я, а потом прошептала еле слышно: — Джайлс, потребуй, чтобы меня тоже взяли в город.

— О Господи Иисусе, дайте мне умереть! Дайте же мне умереть! — завопил он, а потом вполголоса: — Зачем это, Фло, если мисс Тейлор едет, ты мне не нужна.

Исподтишка я дернула его за волосы, так что он закричал уже от настоящей боли.

— Маленький тупица, — прошипела я, — ты что, не помнишь, все же для того и задумано, чтобы я смогла выбраться в город.

— А... да, — шепнул он в ответ, а мисс Тейлор уже входила в гостиную, в пальто и шляпке. Ее сопровождала Мэри, неся на руке пальтишко Джайлса.

— ФЛО! — надрывался теперь Джайлс. — ХОЧУ ФЛО!

Мисс Тейлор оттолкнула меня и заняла мое место:

— Все будет хорошо, Джайлс, с тобой буду я. Не стоит беспокоить Флоренс.

— Никакого беспокойства, — быстренько вставила я.

Джайлс снова забрыкался и замахал руками:

— Я ХОЧУ ФЛО! НИКУДА БЕЗ НЕЕ НЕ ПОЕДУ! Я БЕЗ НЕЕ НЕ МОГУ!

— Ну, хорошо, хорошо, — уступила мисс Тейлор.

— Я сейчас, только возьму пальто и капор. — И я бросилась бегом из комнаты, все еще опасаясь, что, если не потороплюсь, они могут уехать без меня.

18

Странной компанией отправились мы в город. Джон, обычно невозмутимый, покрикивал на лошадь и даже подстегивал ее кнутом, чего за ним никогда прежде не водилось. Мисс Тейлор хранила

ледяное молчание, раздраженная до крайности то ли моим присутствием, то ли тем, что для нее стало очевидно: нужды Джайлса для меня важнее всего, а это, понятно, вовсе не вписывалось в ее планы. Ну, а сам Джайлс хныкал и визжал, как резанный поросенок. Он так неумоимо изображал страдание, что у меня даже закралась мысль: не могло ли статься, что бедный малыш уже не притворяется и не изображает *зуболь*, что по странному совпадению у него и впрямь не на шутку разболелись зубы? У братца, надо отдать ему должное, проснулся мелодраматический дар. Задыхаясь, он шептал, чтобы после его смерти мы не скорбели, а вспоминали его только таким, каким он был в саду в солнечный денек пару лет назад, в какой-то очень важный для него день. Что это был за день, я, признаюсь, так и не вспомнила, но это не особенно меня удручало. Джайлс так вошел в свою трагическую роль, что наверняка и сам забыл, что все это просто спектакль, а вот мне приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не прыснуть от смеха.

Крики и стоны Джайлса подстегивали Дрозда не хуже шпор, так что в город мы влетели на полном скаку. Мне показалось очень странным, что, как только мы въехали на центральную улицу, мисс Тейлор тут же опустила на лицо вуаль. С чего бы, недоумевала я, ей прятать лицо, кто может ее увидеть? Конечно, мисс Уитекер частенько наведывалась в городок, и теперь меня неотступно преследовала мысль, что, возможно, в городе живет кто-то, кто хорошо ее знает и может опознать. Ведь и мне с самого начала чудилось в ней что-то неуловимо знакомое, а для других сходство могло оказаться более очевидным. Но раздумывать было некогда — мы уже подкатили к дому, где находился кабинет мистера Филда. Привязав лошадь, Джон на руках понес Джайлса в дом, решив, видимо, что воспаление пошло от головы вниз и поразило ноги, лишив возможности ходить.

Робкая, невзрачная жена мистера Филда, исполнявшая обязанности его секретаря и медсестры, проводила нас в приемную, где нам были предложены обшарпанные стулья, обитые потертым красным бархатом (чтобы не было видно крови, как уверял меня Джайлс во время предыдущего визита). В воздухе стоял крепкий запах табака и химикалий, от которого меня сейчас же начало мутить.

— Он бы не заставил вас долго ждать, — уверила нас миссис Филд, — но у него сложный случай, нужно как следует поработать

бормашиной, и он еще не закончил.

В подтверждение этих слов из кабинета раздался жуткий звук сверлильной машины. Услыхав его, Джайлс мгновенно стих, а потом захныкал снова, но на сей раз уже не от воображаемой боли, а от страха.

— Знаете что, мисс Тейлор, а у меня уже почти все прошло, — произнес он с бледной улыбкой. — Да, мне гораздо лучше.

— Нет, Джайлс, — она погладила его по спине, — это начала действовать настойка опия. Но как только ее действие пройдет, боль вернется. Поверь мне, зубы обязательно нужно лечить.

— Нет, мисс, обещаю, зубы больше не разболятся. Честное слово. Я просто пошутил, разыграл вас, правда. Ведь правда же, Фло? Скажи ей, Фло, скажи.

Он умоляюще посмотрел на меня, но в этот миг из кабинета раздался *ныткостон*, а это предоставляло отличную возможность для воплощения следующего этапа моего плана. Я прижала ладонь ко лбу и задрожала. Вздохнув, я притворилась, что падаю на пол со своего стула.

— О, мисс, — воскликнула миссис Филд, подхватывая меня, как она думала, как раз вовремя, чтобы я не рухнула на пол.

— Что такое? — обернулась к нам мисс Тейлор. Она ничего не увидела, так как все ее внимание было сосредоточено на Джайлсе.

— Барышня, мисс, — отвечала миссис Филд, — мне показалось, она чуть не упала в обморок.

— Здесь душно, как же здесь душно, — забормотала я. Мне было проще разыграть свою роль, чем братцу, потому что, говоря по правде, в приемной действительно было душно и жарко, а от тошнотворного запаха мне и вправду было не по себе.

— Мне кажется, она испугалась, когда пациент моего мужа подал голос, — предположила миссис Филд, — на некоторых людей это действует, особенно на молоденьких барышень.

— Мне нужно на воздух, — прошептала я.

— Нет, Фло, — завопил Джайлс, — ты не можешь уйти, не сейчас... — Глупый мальчишка совсем забыл, для чего затевалась вся эта история.

— Пусть выйдет, я за ней пригляжу, мэм, — уверила миссис Филд, на что гувернантка, целиком и полностью занятая Джайлсом,

просто кивнула.

Супруга дантиста помогла мне встать и вывела на улицу. С облегчением я увидела, что Джон покуривает трубку, сидя на облучке, и глядит в противоположную сторону. Через несколько минут я уверила миссис Филд, что мне стало настолько лучше, что я могу стоять самостоятельно и она может смело оставить меня без присмотра.

— Ну, хорошо, если вы уверены, мисс... — нерешительно сказала она. — Мне есть чем заняться. — И жена мистера Филда без промедления вернулась в дом.

Не успела дверь закрыться, я, подобрав юбку, бросилась бежать. На мое счастье, полицейский участок находился не в той стороне, куда задумчиво смотрел Джон. Городок у нас захолустный, маленький, все дома, магазины и питейные заведения выстроились вдоль одной центральной улицы. Я неслась по дороге и совсем запыхалась, добежав наконец до участка. Немного отдышавшись, я постучала в дверь и вошла. Молодой полицейский, который сидел за столом, привстал мне навстречу. Не дав ему опомниться, я заговорила:

— Мне необходимо видеть капитана Хедли, он на месте?

— Ну да, конечно, мисс, но сначала я должен о вас доложить, потому что он очень занят, и я не уверен, что он сможет вас принять, если только вы заранее не договаривались.

Поняв, что пререкаться означало бы попусту тратить драгоценное время, я назвала ему свое имя. Я пропустила мимо ушей предложение присесть — я была слишком возбуждена, чтобы садиться, и в ожидании ходила по комнате из угла в угол. На стене висели большие часы, мне казалось, что их стрелки бешено несутся по циферблату, а маятник стучит, как выживший из ума дятел, минута за минутой унося отпущенное мне время.

Наконец служащий вернулся.

— Капитан сейчас же примет вас, мисс. — Он жестом указал мне на дверь кабинета, который я отлично помнила.

Капитан Хедли поднялся мне навстречу, обошел стол, за которым сидел, и поздоровался со мной за руку.

— Вот так сюрприз, — произнес он, предложил сесть на стул для посетителей, стоявший рядом с его столом, и тоже уселся.

Хедли сцепил длинные пальцы, как делал это всегда.

— Ну-с, так что же привело вас сюда? Надумали мне о чем-то рассказать? Может, забыли что-то, а теперь вспомнили?

Последовало долгое молчание. Я слышала даже, как тикают часы в приемной. Сейчас их тиканье замедлилось и показалось мне похожим на ритмичные удары тревожного сердца.

Я глотнула.

— Это касается гувернантки.

— Мисс Уитекер, ну да, разумеется, так что нового?

— Нет, нет, сэр, вы не поняли. Не мисс Уитекер. Нашей новой гувернантки. Мисс Тейлор.

Капитан поднял брови:

— С ней-то, надеюсь, ничего не случилось? Если это так, боюсь, вам никогда не получить образования.

Я пропустила это циничное замечание мимо ушей.

— Нет, сэр. Ничего подобного. Но, видите ли... — Мой голос совсем упал, затих, словно жалобный крик козодоя на зимнем ветру.

— Что же?

Но что мне ему сказать? Внезапно вся эта затея показалась мне просто безумием. Я поняла, что он наверняка сочтет меня сумасшедшей. Что именно рассказать? Что у нее внутри живет змея? Что она может ходить по воде, а ночью передвигается уверенно, как слепец? По сути дела, мне нечего было ему поведать.

— Видите ли, сэр, это трудно объяснить. Но что-то в этой даме меня настораживает и даже пугает. Я уверена, что она хочет причинить нам зло, точнее, она замышляет что-то против моего младшего брата. Возможно, она намерена его похитить и увезти.

Хедли смотрел на меня пристально и внимательно, как смотрел всегда, как будто пытался понять меня, рассмотреть, что творится у меня в голове.

— Она причинила вам какой-то вред? Плохо относится к Джайлсу?

— Да нет, сэр, не то чтобы...

— Может, она угрожала вам? Говорила, что хочет его увезти?

— Нет, сэр, но есть в ней что-то... как бы вам сказать... необычное. У нее такой странный взгляд, знаете, сэр, будто она проглотила змею и та сидит в ней и выглядывает оттуда через ее глаза. И еще... хотя внешне между двумя гувернантками нет никакого

сходства, я иногда ловлю на ее лице что-то такое, какое-то выражение или что-то, напоминающее мне мисс Уитекер, сэр. Поэтому мне иногда кажется, что это — она.

— Но мисс Уитекер мертва, и вам это хорошо известно.

Я шмыгнула носом. Ничего не могла с собой поделаться, слезы сами собой так и полились из глаз.

— Я... я хочу сказать... — голос у меня упал до шепота, — я хочу сказать, ее дух.

Я решила, что пока не стану рассказывать о происшествии на озере, когда я видела, как мисс Тейлор ходила по воде. Я понимала, что этим можно только все испортить, *о неправдоподобив* все остальное. Капитан смотрел на меня бесконечно долго. Часы за стеной *дятлили* теперь медленно и мерно, будто кто-то забивал гвозди в крышку гроба.

— Вы не показывались в последнее время доктору?

Я еще раз шмыгнула носом и смахнула слезу:

— Нет, сэр, я... — Больше я ничего не смогла прибавить, так сдавило горло.

Капитан поднялся, вышел из-за стола, а потом сел на его край. Протянув руку, положил ее мне на плечо:

— Вы когда-нибудь читали «Макбет»?

Я озадаченно подняла на него глаза.

— Помните ту сцену, когда во время пира Макбету является призрак Банко?

— Да, — пискнула я.

— Это был не призрак, а лишь вина Макбета.

Я прикусила губу, но затем выпрямилась:

— Мне не за что испытывать вину, сэр. Может, только за то, что не смогла помочь мисс Уитекер, что думала недостаточно четко и действовала слишком медленно.

— Ну, конечно, это я и имел в виду.

Часы в приемной начали отбивать часы. Был полдень. Я вернулась к действительности:

— Сэр, мне нужно идти. Если меня долго не будет, это ее *всподозрит*.

— Что? — удивился Хедли.

Я поняла, что забылась и заговорила вслух на своем сокровенном языке.

— Я хочу сказать, это ее насторожит, сэр, и она может что-то заподозрить.

Встав со стула, я пошла к двери. Капитан опередил меня и положил руку на дверную ручку раньше, чем это успела сделать я.

— Послушайте, я вижу, что вы огорчены, — сказал он и вплотную приблизил ко мне лицо. Его дыхание пахло молоком и корицей, и это меня почему-то немного успокоило. — Я как-нибудь выберу время и заеду к вам, взгляну на эту даму. Если замечу что-то подозрительное, я ею займусь, в этом вы можете на меня рассчитывать.

Смахнув со щеки еще одну слезу, я благодарно улыбнулась:

— Спасибо, сэр, большое вам спасибо.

С одиннадцатым ударом часов я поспешно выскочила за дверь — словно двенадцатый удар сулил мне какой-то ужасный конец — и через приемную, мимо ошарашенного полицейского, понеслась обратно.

У кабинета зубного врача я оказалась как раз вовремя. Только я, задыхаясь, подбежала к дверям, как они открылись и показался мой братец. С одной стороны его поддерживала миссис Филд, с другой — мисс Тейлор. Джайлс рыдал, голова моталась из стороны в сторону, а к лицу был прижат платок, весь *окровавопятненный*. Мисс Тейлор посмотрела в мою сторону, ее лицо скрывала густая вуаль, так что я не сумела разглядеть ее выражения и понять, заметила она мое отсутствие или все прошло гладко.

Увидев меня, миссис Филд со свойственным ей почтительным видом высвободила руку, и Джайлс, отпустив ее, схватился за меня.

— В чем дело, Джайлс? — шепнула я. — Что случилось?

Он с мученическим видом посмотрел на меня.

— Дантист вырвал мне все задние зубы, — прошепелявил он, а на губах появились красные пузырьки слюны, — он не смог найти, который из них гнилой, вот и выдрал их все... так, на всякий случай.

19

Вы когда-нибудь задумывались, каково оно, быть мертвым? Иногда мне кажется, я так хорошо это знаю, будто я тоже призрак, будто уже умерла и перешла границу миров, чтобы составить компанию мисс Тейлор, «урожденной» мисс Уитекер. Частенько по ночам я потуже заправляю постель, а потом с трудом протискиваюсь под одеяло и тихо лежу, вытянув руки по швам, словно в уютном

гробике. Я задерживаю дыхание и воображаю, что темнота в комнате — это могильный мрак. Я представляю, что надо мной крышка гроба. Я думаю о своих похоронах, о том, как все, кого знаю: миссис Граус, Джайлс, может, даже дядюшка, хоть и не могу сказать, что по-настоящему знаю его, Мег и Мэри, и Джон, — все они стоят вокруг темной ямы и смотрят, как гроб со мной опускают в *глубокомрак* могилы. Потом раздается стук — это земля с первой лопаты ударяет о крышку, но скоро звук становится все глуше, глуше, моя могила наполняется, и скоро земля уже падает на землю. Я думаю и о том, как скорбящие возвращаются домой уже почти в сумерках — зимние дни коротки, — уютно устраиваются у камина и заводят разговор обо мне. Но постепенно они переходят к другим темам, и на них незаметно нисходит благодать забвения. Я воображаю, как время от времени кто-нибудь из них вспоминает, что днем они оставили меня лежать в холодной и сырой земле, как понемногу темнеет, а я начинаю свое новое существование здесь, в новом доме, в своей подземной яме.

Когда я возвращаюсь мыслями к мертвому телу, на память приходят «Заживо погребенные» Эдгара По. Тогда я представляю, что еще жива, что кричу и прошу выпустить меня наружу, царапаю ногтями крышку гроба, но надо мной шесть футов земли, меня никто не слышит, лишь я сама слышу свои вопли. Я кричу, кричу, пока голос не отказывает, тогда я могу только хрипеть. И вот, ослабев, я лежу и слушаю собственное дыхание, пока воздух не заканчивается, и нечем дышать и нечего слушать, потому что больше вообще ничего нет.

Мне было *жуткодиноко*, потому что Джайлс все никак не мог простить вырванных зубов, хотя все они были молочными и скоро все равно бы выпали. Братец злился потому, что почти ничего не мог есть, кроме супа, который он, конечно, тут же возненавидел. Даже перестав обвинять, бедняжка долго еще меня сторонился. Я была благодарна ему за то, что он принес в жертву зубы, позволив мне увидаться с Хедли, хоть наш разговор и не удался, за то, что не выдал меня и не рассказал мисс Тейлор о нашем плане. Правда, я слышала пару словечек, оброненных гувернанткой в разговоре с миссис Граус. Из них я поняла, что, садясь в кресло, братишка кричал «какую-то чепуху» о том, что зубы у него совсем здоровы, а он просто притворялся.

— Если это он притворялся, — рассуждала миссис Граус, — то этот мальчуган — великий актер.

Эти слова заставили меня заподозрить, что бедная женщина, как и я, ни разу в жизни не переступала порога театра.

Итак, я сумела сообщить Хедли о своих опасениях, но за это пришлось заплатить дорогую цену, ведь теперь Джайлс избегал меня и, разумеется, сблизился с новой гувернанткой, а та изо всех сил изображала заботу и сочувствие. Как я ни пыталась объяснить братцу, что ведь это именно она, мисс Тейлор, разрешила дантисту удалить зубы, он меня не слушал. Я то и дело натыкалась на мисс Тейлор и Джайлса, сидящих рядышком, в обнимку, — по-моему, гувернантки не должны вести себя подобным образом. Мисс Уитекер определенно никогда не позволяла себе ничего похожего, да и мне казалось, что это как-то неправильно. Все это означало только одно: хоть мне и удалось привлечь внимание капитана Хедли, зато я своими руками бросила Джайлса прямо в объятия мисс Тейлор, в буквальном смысле. Так я, сама того не желая, невольно поспособствовала злодейке в осуществлении ее плана: помогла сблизиться с Джайлсом и привлечь на свою сторону, облегчив побег и его же собственное похищение.

В день нашей поездки к дантисту случилось еще одно происшествие, изрядно меня напугавшее. После обеда я вышла из столовой. В вестибюле я задержалась у большого зеркала, висевшего там, и стала рассматривать свое отражение. Я увидела высокую, нескладную девчонку, голенастую, как журавль, с длинными руками и ногами и тонкой шеей, с таким бледным лицом, каких не бывает у здоровых людей. Глаза с красными веками были окружены темными кругами размером с блюдце. Белое платье и кружевной фартук висели как на вешалке, как будто в последнее время я не росла, а съеживалась, *урастала*. Словом, я так скверно выглядела, что с трудом узнала себя. У меня был вид тяжелобольной. Внезапно за мной что-то задвигалось, и в зеркале появилась мисс Тейлор. Она смотрела из-за моего плеча.

— Ты не красавица, Флоренс, — сообщила гувернантка, и белая голубка в моей душе затрепетала и упала наземь, сраженная ее словами. — Но в тебе есть какая-то притягательная сила, а это куда важнее, чем просто милая мордашка.

Мы обе постояли, рассматривая мое отражение.

Раздался шелест шелка, я обернулась и увидела, что гувернантка, не добавив больше ни слова, удаляется. Тогда я снова повернулась к зеркалу, и от того, что я там увидела, кровь застыла у меня в жилах. Потому что у меня за спиной, с торжествующей, издевательской улыбкой на губах, все еще стояла мисс Тейлор. Я закрутила головой, но та, *заспинная*, уже ушла. Я снова взглянула в зеркало — в нем оставалось ее отражение! Беззвучно смеясь, оно продолжало заглядывать через плечо моего собственного отражения. Мне стало нехорошо. Я поморгала, открыла глаза — она была на месте. Помотав головой, чтобы избавиться от нее, я бросилась бегом по коридору за настоящей мисс Тейлор, но не удержалась, чтобы не притормозить и не взглянуть в зеркало еще один — самый последний! — раз. Она была там — ее отражение, запертое в стекле: голова откинута, рот раскрыт в жутком беззвучном хохоте.

В тот день в библиотеке я рассеянно сидела над «Сердцем-обличителем»,^[10] не в силах сосредоточиться — даже такая прекрасная история не могла меня увлечь. Я ни о чем не могла думать, кроме этого чудовищного удвоения моей неприятельницы, заключенной в зеркало, словно жаворонок в тесто. Мне было до смерти страшно при мысли, что я могу опять ее увидеть, но в то же время я не могла дождаться, когда можно будет сорваться с места и побежать проверить, там ли она еще.

Случилось так, что, когда наступило время ужина и мы уже подходили к маленькой столовой, мисс Тейлор вдруг вспомнила, что оставила что-то в комнате. Она велела нам с Джайлсом садиться за стол и приступать к еде, не дожидаясь ее, иначе все остынет. Так уже бывало и раньше, и я подумала, что это, возможно, предлог, чтобы поменьше бросалось в глаза, что она ничего не ест. В самом деле, хотя наша новая гувернантка провела с нами всего несколько недель, было заметно, что она делается все более тощей буквально с каждым часом. Сейчас она выглядела так, словно кожа лица натянута прямо на череп, а кожа шеи, под которой совсем не было плоти, свисала под подбородком пустым мешочком, как у ошипанной курицы.

Мы с Джайлсом послушно направились к столовой, но стоило мисс Тейлор скрыться за поворотом лестницы, я схватила Джайлса за руку и потащила его в холл, к зеркалу.

— Фло, что ты делаешь? Столовая в другой стороне! Пусти меня, я есть хочу!

— Шшш... Джайлс, она тебя услышит. Идем, это всего на минутку. Я хочу показать тебе кое-что.

Подходя к зеркалу, я чуть не лишилась чувств. Я не могла посмотреть в зеркало, так было страшно увидеть ее. Но когда Джайлс нетерпеливо потянул меня за руку, я медленно подняла глаза и увидела свое второе «я», напуганного одинокого журавлика. Впереди стоял братец, с безразличным видом изучая своего двойника, а за моей спиной — вот ужас! но я знала, что так и будет! — высился близнец моей мучительницы, таращился мне прямо в глаза и вызывающе улыбался.

Джайлс отвернулся и стал тащить меня от зеркала, он стремился в столовую.

— Ну же, Фло, голубушка, я умираю от голода!

— Обожди, Джайлс, одну секунду, пожалуйста! — Я потянула его обратно и, обхватив сзади за плечи, заставила посмотреть в зеркало: — Смотри! Скажи мне, что ты видишь?

Братец постоял, глядя в отражающее стекло. На этот раз он не смотрел на себя, а перевел взгляд выше, на меня и, по всей видимости, на женщину, стоящую за мной. Сердце стукнуло раз, другой. Я затаила дыхание.

— Что ты видишь? — спросила я наконец.

— Ведьму, — ответил наконец Джайлс. — Ужасную, страшную ведьму.

Развернув братца к себе, я порывисто обняла его, не в силах сдержать облегчения:

— Так ты тоже ее видишь! Ты в самом деле ее увидел!

Джайлс оттолкнул меня и поднял голову.

— Я тебя увидел, Фло, вот кого. Но только ты, конечно, не ужасная и не страшная... и не ведьма. Я просто пошутил, когда так сказал.

Я потрясла его за плечи:

— Ну уж нет, Джайлс, не отказывайся от своих слов. Не бойся и не делай вид, что ничего не было. Ты же видел ее, разве нет? Разве нет?

Джайлс посмотрел на меня с подозрением и испугом:

— Кого, Фло, о ком ты говоришь?

— Да полно, Джайлс, ты знаешь о ком. Ты прекрасно это знаешь. Мисс Тейлор, разумеется.

Он снова подошел к зеркалу, всмотрелся, потом поглядел на меня:

— Не будь глупышкой, Фло. Как я могу ее тут видеть, когда она пошла наверх? Ты сама видела, как она поднималась.

Я ткнула пальцем в зеркало, прямо в заколдованный образ, который даже сейчас продолжал ухмыляться.

— Она наверху, это так. Но ее двойник здесь, запертый в стекло, как же ты не видишь? Ты должен видеть ее!

Джайлс еще с минуту вглядывался в зеркало, а потом отвернулся, и выражение лица у его отражения было растерянным. Я ослабила хватку, и он пожал плечами.

— Не хочу я играть в эту игру, Фло, — жалобно сказал он. — Мне это не нравится. И вообще, мы можем опоздать на ужин.

Братец направился к столовой, оставив меня смотреть ему вслед и мучительно размышлять, увидел ли он то, что видела я, и если так, почему предпочел притвориться, будто не видит.

Я промаялась в сомнениях весь ужин. Поначалу я была уверена, что Джайлс видел чудовищное отражение, заключенное в зеркальное стекло, ведь оно было там, такое же четкое, как отражение его собственной мордашки. Почему же, спрашивала я себя, почему он настаивал на своем? И единственно возможным ответом было — он просто испугался. Он не хочет признать очевидного. Не исключено даже, что он внушил себе, заставил себя поверить, что ничего особенного не увидел, ведь все это чересчур жутко, чтобы сознание смирилось и согласилось это принять. Но если дело и впрямь в этом, тогда почему Джайлс сейчас так спокоен, за столом он смеялся и шутил с мисс Тейлор? Только изредка тень тревоги падала на его лицо — когда он посматривал через стол на меня. Сама мисс Тейлор не обращала на меня внимания, если не считать одного взгляда, брошенного, когда она вошла в комнату и села за стол. Но в этом взгляде я прочла, что ей известно все о причине нашего опоздания к ужину, что она все видела глазами своего зеркального *отобраза*, оставленного ею в зеркале в качестве шпиона. Я чувствовала себя так отвратительно, будто в желудке веселились целая стая неугомных

скворцов. Не в силах проглотить ни кусочка, я отодвинула от себя тарелку.

— Что с тобой, Флоренс? — ласково, как ни в чем не бывало, обратилась ко мне мисс Тейлор, когда Мэри стала собирать со стола тарелки после основного блюда. — Ты совсем ничего не ела. Может, все-таки одолеешь хоть часть своей порции? Ну, хотя бы чуть-чуть?

— Простите, мисс, боюсь, я не смогу.

— Как же так? Даже ради того, чтобы порадовать меня?

В ответ я усмехнулась, ведь после того, что случилось, эти слова звучали как насмешка. Но если она сумела не подать виду, сумею и я.

— Нет, мисс, даже ради этого.

— Ну, хорошо. Мэри, ты можешь убирать тарелки.

После ухода Мэри я осмелела. Я не из тех, кто молча глотают обиду, нет, я дам этой дьяволице бой и не побоюсь, какие бы потусторонние силы ни стояли за ее спиной.

— Знаете, мисс, а я заметила, что вы тоже едите, как птичка. Нет, вашей порции не хватит и воробью!

На ее исхудалом лице вспыхнул румянец.

— Я уже не девочка-подросток, которой нужно расти и хорошо питаться.

— Да, мисс, но ведь любому существу, любому *живому* существу все же требуется как-то поддерживать себя.

Резко схватив салфетку, гувернантка вытерла губы. Это жест мне понравился: было видно, что моя прямота захватила ее врасплох и ей требуется время, чтобы подумать.

— Есть много причин, по которым люди воздерживаются от еды. Например, скорбь и горе — это тебе наверняка понятно — могут лишить человека аппетита.

В это время Мэри вернулась с десертом, рисовым пудингом, и принялась раскладывать его по тарелкам. Когда очередь дошла до мисс Тейлор, наша новая гувернантка отрицательно покачала головой в знак отказа. Тем самым она открыто бросала мне вызов, как бы говоря: она — то, что она есть, и будет делать то, что делает, и никакие мои расспросы ничего не изменят.

20

Ночью я снова *бессонничала*, потом предприняла еще одну фальшивую *сновылазку*, и с тем же результатом, что и прежде. Толкнув

дверь в спальню Джайлса, я увидела братца, сладко спящего в своей кровати, и мисс Тейлор, которая склонилась над ним и чуть не облизывалась. Она была так увлечена своей добычей, что не подняла головы и вообще ничем не выдала, что обнаружила мое присутствие. Так что я, постояв немного, оставила их и тихонько вернулась к себе. Я легла, но никак не могла успокоиться, меня била дрожь. Только под утро я провалилась в то, что лишь напоминало сон.

Все утро в классной комнате я не находила себе места от волнения. Вечером, вспоминая, что произошло днем, я пришла к выводу, что это было предвидение. От волнения я не могла сидеть спокойно и попросила у мисс Тейлор разрешения пойти в библиотеку и взять другую книгу. Эдгар Аллан По, которого я всегда любила, пожалуй, больше всех писателей, кроме, конечно, Шекспира, сейчас действовал на меня подавляюще. В моей жизни было теперь столько ужасного, что не хотелось еще и читать о подобном. Сбежав вниз по лестнице, я шла по коридору западного крыла, но вдруг оробела, боясь того, что могу увидеть впереди. Там, в тусклом свете (в этой части коридора не было окон, только лампа в конце), я рассмотрела зеркало. Прежде я бегала мимо, не обращая на него внимания, — к чему бы мне себя разглядывать почти в полной темноте? Но сейчас сердце мое бешено заколотилось, отчаянно затрепыхалось в груди, потому что я знала, что там увижу. Я замерла и постояла, раздумывая, не повернуть ли назад. Но любопытство, которое никогда меня не покидает, взяло верх над страхом, и я медленно, как во сне, стала подбираться к зачарованному стеклу. В первый раз я заметила, что на стенах висят картины: на тусклых полотнах изображены давно умершие предки моего дядюшки — пышные матроны и серьезные джентльмены в тугих воротничках и галстуках. Вот, наконец, и зеркало, совсем не маленькое, в тяжелой позолоченной раме вокруг квадратного запыленного стекла. И конечно, стоило мне, набравшись храбрости, поднять голову и посмотреть в глаза своему отражению, как я увидела ее. Она выглядывала из-за моего плеча и не улыбалась, но все равно торжествовала. Горящими глазами она уставилась прямо на меня. Она сделала глубокий вдох, будто вдыхая мой запах, потом высунула язык и быстро, как ящерица, облизнула губы — так быстро, что вы могли бы и не заметить, как она это сделала.

Признаюсь, я развернулась и бросилась наутек. Я бежала, бежала, стуча подошвами по натертому паркету, понимая, что это глупо, она не может за мной погнаться, ведь она заперта в том тусклом стекле, в своем крохотном мирке. Наконец я заставила себя остановиться. Прислонившись к дверному косяку, я немного отдышалась и серьезно поговорила сама с собой. Та женщина была в зеркале. Она не могла выбраться, сбежать оттуда и не могла причинить мне зла напрямую. Непонятно как и почему, но я это знала наверное, это было так.

Энергично развернувшись, я отправилась по коридору в обратный путь. Подходя к зеркалу, я низко опустила голову, чтобы не встретиться с ней взглядом, но, поравнявшись, не смогла устоять. Подняв глаза, я посмотрела на нее. На ее губах я увидела все ту же улыбку. Постаравшись поскорее миновать зеркало, я наконец очутилась в библиотеке и рухнула в свое любимое кресло в полном изнеможении от этого кошмара. Я скорее лежала, чем сидела, пытаюсь прийти в себя, но тут мой бесцельно блуждающий взгляд наткнулся на это — на стене над камином. Конечно, я провела в библиотеке полжизни и тысячу раз его видела. Я даже поняла, что по-своему любила его, это зеркало, самое большое в доме, самое великолепное. Любила за то, что в нем видела вторую такую же прекрасную комнату, потому что при взгляде в него число книг вокруг меня удваивалось.

На этот раз все оказалось в точности, как я предполагала, так что я даже и не отшатнулась в ужасе. Я просто поднялась и, как зачарованная, как будто во время одной из своих ночных прогулок, прошла через всю комнату и встала перед ней.

— Ты грязная, мерзкая ведьма, чудовище, — процедила я сквозь стиснутые зубы, но почему-то мне казалось, что я не выговариваю слова вслух, что они остаются заключенными во мне, как она была заключена в зеркале.

Вслух я говорила или нет, она меня явно услышала или прочтала мои мысли, и губы ее искривила все та же хорошо знакомая жестокая усмешка, а потом мне показалось, что она силится выговорить что-то, отвечая мне. «Джайлс, — прочла я по ее неммым губам. — Джайлс».

Я повернулась к ней спиной, чтобы она не злорадствовала, видя мое смятение, ужас, пробиравший меня до мозга костей и готовый разорвать мне сердце! Укрывшись за книжной полкой, я немного успокоилась и начала перебирать книги, притворившись, будто

выбираю, что бы почитать. Правда, на самом деле тусклая позолота на корешках плясала у меня перед глазами, а слова казались лишенными смысла, как если бы были написаны на санскрите. Я наугад схватила три или четыре книги и вышла из комнаты, потому что сидеть и читать у нее на виду было бы слишком *смутительно*.

Я уже проделала весь путь до лестницы, мимо ее сторожевого поста в коридоре, и только тогда мне открылся истинный смысл происходящего. Только сейчас я осознала ужасную вещь: зеркала висели и стояли по всему Блайт-хаусу. В каждой из комнат имелось хотя бы по одному зеркалу, а кроме того, во всех коридорах и на лестницах. И мне не нужно было обходить весь дом и заглядывать в каждое из них, чтобы сказать наверняка: она заселила их все, все до последнего, и отныне, куда бы я ни пошла, она будет шпионить за мной по всему дому и нет теперь в Блайт-хаусе ни единого места, где бы я могла *безнадзорничать*, оставшись наедине.

Никто из тех, кому не довелось пережить подобное (а скажите на милость, разве хоть кому-то из обитателей мира сего, кроме меня, выпала такая доля?), не может представить себе, каково это, постоянно находиться под наблюдением чужих глаз. Проходя по коридорам, я ежилась, ощущая на себе ее пристальный взгляд. Я ела и при этом помнила, что за спиной у меня зеркало, так что мисс Тейлор, сидевшая напротив, могла видеть меня сразу с двух сторон — у нее в буквальном смысле были глаза на затылке. Она появилась даже в маленьком зеркальце, которое стояло на туалетном столике в моей спальне. Из чувства протеста я развернула его к стене, чтобы не доставлять ей удовольствия видеть меня раздетой, но и не переодеваться в полной темноте.

Я недоумевала, почему Джайлс не может видеть шпионов, расставленных ею повсюду. Объяснение могло быть только одно: злодейка просто не желала, чтобы он их видел. Меньше всего на свете ей нужно было пугать этого ребенка, ведь в ее планы входило приучить его к себе и завоевать доверие, а потом обманом увезти из Блайт-хауса. Хуже того, разговоры с Джайлсом на эту тему (я заговаривала с ним об отражениях еще раз или два, прежде чем окончательно сдаться) только укрепляли его уверенность в том, что я становлюсь странной, и он отдалялся от меня, попадая прямиком в ее алчные лапы. В то же время коварная ведьма сделала свои зеркальные

воплощения, своих стеклянных шпионов видимыми для меня, потому что хотела не только следить за мной, лишив возможности что-то предпринять против нее, но и желала, чтобы я знала об этом и испугалась, опустила бы руки.

Я поймала себя на том, что походка моя стала скованной, плечи постоянно были напряжены, руки и ноги двигались механически. Лицо превратилось в застывшую маску. Все мое тело приспособилось к жизни в новых условиях, я изо всех сил старалась не выдавать своих мыслей и чувств и казаться беззаботной. Мое общение с Джайлсом теперь еще больше осложнилось, ведь, даже когда гувернантки не было рядом, ее зеркальные шпионы повсюду подстерегали нас, подглядывали и подслушивали.

Дня через два, впрочем, я с облегчением вспомнила, что есть в доме одно место, укрытое от глаз вездесущей новой гувернантки. Если, выйдя из библиотеки, я поворачивала налево, то попадала в тот самый коридор с зеркалом на середине пути, а оттуда к середине дома, холлу, гостиной и кухне. Но, свернув направо, я попадала прямо к подножию западной башни, моей башни. Там в коридоре не было зеркал! Более того, и на лестнице, ведущей к моей *высокомнате*, тоже не было ни картин, ни зеркал. По-видимому, когда башней перестали пользоваться, их снимали — об этом говорили светлые прямоугольники на стенах там. Моя комната в башне также радовала отсутствием зеркал, там для этого даже не было места из-за окон со всех сторон. Это оказалось так просто: нужно было пройти по западной части коридора, проникнуть в башню — и я свободна от ее хватки.

Как только это пришло мне в голову, я тут же снова отпросилась в библиотеку за *книгосменой*, а сама отправилась в башню. Держась за перила, я вскарабкалась по наружной стороне лестницы, потом перебралась на шаткие ступеньки. Я уселась в капитанское кресло и несколько минут грустно смотрела на аллею, вспоминая беззаботные деньки, *предмисстейлоровские*, *доуитекеровские* и *межгувернантские*, когда я сживала здесь с книгой, вспоминала свои *трехполовинойстраничные* выглядывания на аллею, не идет ли Тео. Как давно это было, теперь мне казалось, что все это происходило в другой жизни!

Однако, предаваясь воспоминаниям, я поняла и еще кое-что. Хотя я и пропала с глаз мисс Тейлор, в доме было не так уж много мест, где я могла бы от нее укрыться. Несколько комнат между библиотекой и башней все наверняка были *озеркалены*. В этом случае мой след обрывался у подножия башни. Конечно, лестница выглядела непреодолимой, и мое исчезновение могло озадачить мисс Тейлор. Наша новая гувернантка, однако, была кем угодно, но только не тупицей, а значит, ей понадобилось бы совсем немного времени, чтобы догадаться, куда я пропадаю. Следовательно, моему последнему оплоту грозило быть раскрытым.

Для меня было совершенно очевидно: могут настать совсем тяжелые времена, если я дрогну в борьбе со свирепой дьяволицей, явившейся заколдовать Блайт-хаус. Вот тогда мне и понадобится место, где я сумею от нее спрятаться. А пока важно не выдать себя раньше времени, стало быть, нечего бегать в башню попусту, просто ради того, чтобы *попринцессить* немного. Нет, мое гнездо следовало беречь как зеницу ока на случай, если такая потребность и в самом деле возникнет.

С этой мыслью я уже собралась покинуть башню, но тут уловила движение на аллее, в самом дальнем конце показался кто-то. Приглядевшись, я рассмотрела человека верхом на лошади. Конечно, расстояние было слишком велико, чтобы различить черты, но его прямая, несгибаемая посадка в седле показалась мне очень знакомой. Вспомнился конец лета... Хедли! Капитан сдержал обещание, и раньше, чем я могла надеяться. Он приехал! И как же вовремя! Именно когда я *принцессствовала* в замке, он явился, подобно рыцарю в сверкающих доспехах.

Я бросилась вниз по лестнице, пронеслась по коридору. Нежданный дар судьбы так меня *расхрабрил*, что по пути я, не удержавшись, показала язык одному из зеркал — шалость, на которую до сих пор я ни разу не отважилась. В вестибюле я оказалась как раз, тогда когда капитан здоровался с миссис Граус.

— А... Флоренс, — обратился ко мне Хедли, снимая шинель и шляпу и отдавая их миссис Граус (они с экономкой, разумеется, хорошо знали друг друга по делу Уитекер). Он по-мальчишески озорно пошевелил бровью, глядя на меня. — Вот, случилось, что я проезжал мимо и решил вас проведать, посмотреть, как вы тут проживаете.

Актерские способности капитана были не в пример лучше, чем у моего брата.

— Мы живем хорошо, сэр, спасибо, — промолвила я. — У нас теперь новая гувернантка.

— В самом деле? Тогда я сочту за честь засвидетельствовать ей свое почтение, если, разумеется, я не помешал.

Миссис Граус отрядила Мэри наверх, в классную комнату, велев ей привести Джайлса и мисс Тейлор. Прошло несколько минут, и я уже заподозрила, что гувернантка, углядев капитана через зеркало, как только тот вошел в дом, теперь не хочет с ним встречаться.

— Вы работаете сейчас над какими-нибудь интересными случаями, сэр? — вежливо спросила я, поддерживая с Хедли разговор.

— О, все, как обычно, знаете ли. Убийства, поджоги, вооруженные ограбления... и все в том же роде. Подобное вечно случается в таких шумных и оживленных местах, как наш город.

Миссис Граус, бедная простая душа, глухая к иронии, запричитала взволнованно:

— Да неужели, сэр? Скажите на милость, кто бы мог подумать? А мне-то всегда казалось, что тут у нас, в этой части страны, жизнь спокойная, даже немного скучноватая — никаких новых впечатлений.

Хедли *многозначительно* на меня:

— Что вы, мэм, это поверхностный взгляд, видимость одна. Но копните-ка поглубже, и увидите, что на самом деле все иначе.

Прибыли мисс Тейлор и Джайлс. Мой братишка прятался за ее юбками и выглядывал оттуда на капитана Хедли, беседы с которым несколько месяцев назад не доставили ему никакого удовольствия. Наша новая гувернантка обменялась рукопожатием с капитаном и при этом смотрела ему прямо в глаза. Это меня порадовало — я подумала, что Хедли непременно увидит ту змею или какую-то другую гадину, что свернулась у мисс Тейлор внутри.

Поскольку подошло время полдника, гувернантка предложила пить чай на лужайке, так что все мы охотно покинули дом и уселись вокруг столика, а Мег вынесла хлеб, масло и кексы.

Я поняла, что Хедли очень умен и способен хитроумно построить разговор, чтобы выудить нужные ему сведения, — прежде я как-то этого за ним не замечала. Под видом любезной беседы с гувернанткой он вкраплял проверочные вопросы.

— Давно ли вы служите? — начал капитан, любуясь окрестностями, словно задал вопрос просто из вежливости, а самому и дела нет до того, какой последует ответ.

— Пять недель, — ответила мисс Тейлор.

Хедли рассмеялся:

— Вы меня не так поняли, мэм. — И он протянул руку за кексом, сосредоточив, казалось, все внимание на том, чтобы выбрать подходящий. — Я хотел сказать, давно ли вы вообще служите в качестве воспитательницы?

— Так давно, что и вспоминать не хочу. — Гувернантка одарила его любезным смешком.

Но он так просто не сдавался:

— Ну полно, что вы, быть не может, чтобы вам было неприятно думать о своей работе, особенно если подопечные такие же чудесные, как Флоренс и Джайлс. Где же вы трудились раньше, кто же внушил вам такую неприязнь к собственной профессии?

— Я вовсе не имела в виду, что не люблю свою работу, капитан. Просто хотела сказать, что мне не очень нравится вспоминать, сколько лет прошло с тех пор, как я начала. Да и какой женщине приятно, если ей напоминают о возрасте.

— Но дядю этих детей вы, вероятно, хорошо знаете?

Она взяла чашку и сделала глоток:

— Нет, к сожалению, не имела удовольствия. Он нанимал меня не лично.

— Понимаю. Значит, через агентство, вероятно?

Улыбнувшись, она слегка наклонила голову, будто признаваясь в чем-то постыдном, а именно, что особа достаточно высокого положения вынуждена была наниматься на службу таким неподобающим образом, как какой-нибудь чернорабочий.

Хедли хлопнул себя ладонью по колену:

— Вот это удача так удача... Значит, вы-то и сумеете мне помочь!

Гувернантка с сомнением уставилась на него.

— Дело вот в чем, мэм. У меня есть друзья, положение они занимают примерно то же, что и дядя этих детей. Им как раз требуется гувернантка, вот я и подумал, что смогу подсказать им хорошее агентство.

— Ну, не знаю, можно ли считать это агентство действительно хорошим, — был ответ.

Эта беседа напоминала поединок фехтовальщиков, хотя Хедли, пожалуй, недоставало тонкости, когда дело подошло к решающей фазе. Он был больше похож на пса, который схватил крысу и треплет ее.

— Ну что вы, ведь они отыскиали вас, не так ли, мэм?

Новый смешок:

— Вот и я говорю о том же.

— О, мэм, отбросьте эту ложную скромность. — И капитан заглянул ей в глаза. — Просто скажите, как называется агентство. Друг мой человек деловой, он-то быстро сумеет разобраться, чего оно стоит.

Мисс Тейлор уставилась на Хедли долгим, задумчивым взглядом, после чего сообщила, как называется агентство и дала его адрес в Нью-Йорке. Полицейский поблагодарил ее как-то вскользь, как если бы она просто-напросто передала ему кусочек торта. Но губы его искривились в довольной усмешке — думаю, он был рад, что все-таки перехитрил гувернантку и добился своего.

Вскоре капитан поднялся и откланялся, объяснив, что ему пора идти. Он попросил меня проводить его и его лошадь до конца аллеи. Как только мы остались одни, я спросила:

— Ну что?

— Если вы о том, что она похожа на ту первую, мисс Уитекер, то мне сказать нечего. Я ведь видел ту, первую, женщину только на фотографиях, и почти все они были сделаны, когда ее вытащили из озера.

Я не могла ответить. Глаза наполнились слезами, едва я представила, как это выглядело, хотя мне, тогда и не позволили посмотреть. Молчание нарушил Хедли:

— Я уже говорил раньше, что горе творит с людьми странные вещи...

— Дело совсем не в том, сэр. Все куда хуже.

Хедли остановился, и мы посмотрели друг на друга. Я старалась вложить в свой взгляд мольбу, понимая: если он решил, что я все выдумываю, словами мне его не переубедить. Капитан поставил ногу в стремя и, перекинув вторую через коня, вскочил в седло:

— Послушайте, у меня есть имена людей, к услугам которых прибежал ваш дядя, когда нанимал ее. Я отправлю нарочного в Нью-Йорк и проведу расследование. Посмотрим, что удастся выяснить, хорошо?

— Хорошо, — ответила я.

Он прищипорил коня и поскакал, а я осталась на аллее и подумала вдруг, что раз уж меня здесь никто не выслеживает и не *зеркалит*, то никто не увидит, что я плачу, и можно дать волю слезам.

21

Хедли, конечно, пока еще ничего для меня не сделал, я хочу сказать, ничего определенного и полезного. Однако уже самого сознания, что мне, по крайней мере, удалось в этом деле привлечь капитана на свою сторону и что я больше не одинока в попытке спасти Джайлса, было достаточно, чтобы я воспрянула духом. До его визита меня грызла, изводила тревога. Я невероятно устала, ведь приходилось постоянно следить за ведьмой; от одиночества и мыслей о том, что положиться не на кого, опускались руки. Я уже сомневалась, что сумею ли вообще хоть как-то противостоять злу, положение казалось безвыходным: я могу так мало, а противостоит мне не человек, а демон. Сейчас, глядя вслед Хедли, скачущему верхом по аллее, я поплакала, потому что снова осталась одна, но зато преисполнилась твердой решимости. Я сделаю все, что смогу, в неравной борьбе с этой мертвой тварью — теперь я уже не сомневалась, что наша новая гувернантка была именно такой. А как бы иначе она могла ходить по воде или заселять своими отражениями зеркала? Я была почти убеждена и в том, что новая гувернантка — это не кто иной, как вернувшаяся мисс Уитекер. Иначе зачем же привидению преследовать именно меня, подглядывая за мной повсюду? Я ведь не знала больше ни одного человека, который бы умер, тем более в моем присутствии. Может, она так же винила меня в своей гибели и в том, что я не

помогла, как я винила себя и сама? Достаточно ли было этого, чтобы наказать меня, причинить мне зло, забрать у меня то единственное, что я действительно любила, лучшую часть меня самой, моего беспомощного маленького братца? Все это выглядело, по крайней мере, логично.

Но что же делать? Ох, какой же это был трудный вопрос. Я размышляла над ним часы и дни напролет, а результат не радовал. Как сражаться с призраком? Просто утопить ее невозможно, ведь мисс Уитекер уже наглядно показала, что вода не в силах удержать в себе дух мертвеца. А пока я *быть-или-не-бытьничала*, как Гамлет, страх буквально сковывал меня, потому что я видела, как она зачаровывает и прибирает к рукам маленького Джайлса. После злополучной поездки к зубному врачу и происшествия с зеркалами братишка начал меня сторониться, а любое мое проявление неприязни к гувернантке оборачивалось ответной вспышкой его неприязни ко мне. Мальчик вел себя так, как будто не хотел, чтобы его спасали.

Но кое-что я должна была предпринять. Я думала о расследованиях Хедли в Нью-Йорке. Он непременно проверит мои слова, ведь полицейские никогда не принимают что-то просто на веру, для них существует лишь один ключ к разгадке любого дела: информация. Вот и я начала понимать, что для того, чтобы нанести поражение своей неприятельнице, сначала необходимо узнать о ней как можно больше. Если мне предстоит остановить мисс Тейлор, нужно разузнать поточнее, что именно она замышляет.

Что ж, в таком случае существовало одно-единственное место, где я могла собрать какие-то сведения о нашей новой гувернантке, — ее комната. Но как туда проникнуть? Я не могла попросту притвориться, будто *библиотеку*, и забежать к ней в комнату, пока она и Джайлс занимаются в классе. Дело в том, что еще в дни мисс Уитекер я время от времени заглядывала к ней через щелку в приоткрытой двери из комнаты Джайлса и поэтому отлично знала: над туалетным столиком у гувернантки висит большое зеркало, значит, войдя, я в тот же миг буду разоблачена. Пока не устраню зеркало, обследовать комнату невозможно.

Несколько дней я ломала голову над этой задачей, пытаюсь придумать, как бы обезвредить зеркало. Раньше я бы попросила Джайлса разбить его как бы случайно — однажды братик уже

проделывал это без лишних вопросов, просто озорства ради, но теперь он нипочем не согласился бы, и я это понимала. Кроме того, с разбитым зеркалом мисс Тейлор не сможет одеваться и причесываться, а следовательно, логично предположить, что зеркало незамедлительно заменят. Нет, бить стекло не нужно, это не поможет.

Наконец, мне пришло в голову, что можно закрыть его чем-то, например накинув какую-нибудь ткань. Тогда я смогу заниматься в комнате своими делами, не опасаясь быть обнаруженной. Только вот, даже если ведьма не успеет углядеть в зеркале, как я его закрываю — а шансы на это невероятно малы, — если в комнате внезапно наступит темнота, она сразу это заметит и сразу поймет, что зеркало занавесили. И подозреваемых у нее будет совсем немного, а точнее, только один, я.

Разве что... разве что проделать все ночью?! Если я сумею войти к ней в комнату, когда стемнеет, и набросить на зеркало какое-нибудь темное полотно, потом можно будет зажечь свечу, чтобы осмотреть ее пожитки. Потом, сделав свое дело, я задую свечу и сниму покрывало. Образина в зеркале ничего не поймет, для нее комната останется одинаково темной, она не заметит разницы между покрывом ночи и моим *закрывалом*.

Стоило этой счастливой мысли прийти мне в голову, как тут же явилось и соображение о том, как претворить ее в жизнь. Чтобы мне все успеть, необходимо, чтобы мисс Тейлор ночью вышла из своей комнаты и отсутствовала достаточно долго. С большинством людей такое было бы просто невозможно, ведь обычно, устроившись на ночь, никто не выходит из спальни надолго. Но мисс Тейлор-то как раз покидала свою комнату с наступлением темноты! И, насколько я могла судить, это случалось каждую ночь. Когда бы я ни подошла к комнате Джайлса, она всякий раз оказывалась там, *вождедегля* на него и напевая свою отвратительную, чудовищную колыбельную.

Меня до тошноты пугали ее еженощные визиты к спящему брату, поэтому я решила, что не стану медлить. Я боялась попасться, мне делалось жутко от мысли, что ее жестокие змеиные глаза заметят меня или она учует мой запах. Все это сводило меня с ума, но особенно мучительно страшно делалось оттого, что я не имела никакого понятия, долго ли длились эти ее ночные визиты к Джайлсу. Я подозревала, что она бывает у него подолгу. Каждый раз, как я заставала ее у кровати брата, она вела себя как погруженная в транс

— глядела на свою добычу как зачарованная, не обращая внимания больше ни на что. В таком состоянии она вряд ли заметит небольшой шум в смежной комнате. Конечно, если мои выводы неверны и по ночам наша жуткая гувернантка забегает к Джайлсу лишь ненадолго, то у меня не будет времени на то, чтобы как следует обыскать ее комнату. В этом случае меня могут схватить с поличным.

Разумно было бы, думала я, понаблюдать за ней ночь-другую и проследить, сколько времени длятся эти визиты в спальню братишки. Но тут же передумала: во-первых, каждый раз, входя к брату и глядя на мисс Тейлор, я рисковала быть пойманной, а застигнув меня, ведьма насторожится, заподозрит, что это не случайность, и тогда мой план обыскать ее комнату будет сорван. Во-вторых, я никаким образом не могла предугадать, много ли еще ночей коварная планирует провести в спальне моего братика и когда собирается привести в исполнение свой план. Что, если нынешней ночью я просто полюбуюсь на нее, а назавтра она умыкнет Джайлса и убежит с ним?

Делать было нечего. Действовать предстояло сегодня же. *Тщательничая*, я занялась приготовлениями. Часть наружного коридора между нашими комнатами была *беззеркальна*, и после того, как мисс Тейлор велела мне идти готовиться ко сну, а сама отправилась рассказывать Джайлсу разные истории перед сном, я потренировалась в хождении из своей спальни в ее комнату. Сначала я прошла со свечой и открытыми глазами, вымеряя шагами путь, который мне предстояло проделать ночью. Вдруг я наступила на половицу, и та громко застонала под моей ногой. Я как следует запомнила это место, чтобы в темноте себя не выдать. Запомнила я и расположение нескольких картин на стенах, чтобы ночью не задеть их и не наделать шуму. Наконец, когда путь прочно запечатлелся в памяти, я задула свечу и прошла его еще раз с закрытыми глазами, а потом еще два раза, пока не поняла, что могу пройти от своей спальни до комнаты гувернантки бесшумно, как... ну, скажем, бесшумно, как призрак.

Потом я вернулась к себе и вынула из шкафа свой старый черный плащ-накидку. Мой план состоял в том, чтобы завернуться в него и, скрыв таким образом белую ночную сорочку, *оневидимиться* в темном коридоре, на случай, если в нем вдруг кто-то окажется, хотя неясно, кто бы это мог быть, кроме самой мисс Тейлор. Очутившись в ее комнате, я сниму плащ, занавешу им зеркало, зажгу свечу и начну свой

обыск. Закончив, я задую свечу, сниму накидку, снова надену ее и выберусь из комнаты. Таким образом, плащу были уготованы целых две роли. Я решила, что план хорош, и утешала себя этой мыслью, пытаюсь отвлечься и заглушить тяготившие душу сомнения.

Набросив плащ, я как есть легла в постель и на всякий случай укрылась с головой одеяло, чтобы, если мисс Тейлор вдруг вздумает открыть мою дверь и пожелать мне спокойной ночи (а на самом деле чтобы пошпионить за мной), ей не бросился в глаза мой странный наряд. Я позаботилась и о том, чтобы задуть ночник — если вдруг я засну и сброшу во сне одеяло, мисс Тейлор не увидит, что я в плаще. Теперь, заглянув, гувернантка сможет видеть меня лишь в свете собственной свечи. Такого освещения ей будет достаточно только для того, чтобы увидеть от дверей, что я сплю. Плаща ей не рассмотреть.

Через полчаса я услышала, как повернулась ручка двери, и почувствовала, что гувернантка стоит в дверном проеме, глядя на меня. Я нарочно шумно задышала носом, полуприсвистывая-полувсхрапывая, и через пару секунд дверь мягко затворилась.

Теперь я не боялась, что усну и буду застигнута врасплох, потому что сонливости как не бывало! Натянув одеяло почти до самых глаз, я дрожала в ожидании того, как буду выполнять задуманное. Я понимала, что предстоит долго ждать, пока моя *врагесса* не пройдет в спальню брата. Где-то в доме громко тикали часы, отмечая звоном каждую четверть часа. Снаружи заухала сова, и мне невольно подумалось, что этот заунывный звук обязательно присутствует во всех историях про привидения, а я и сама стала персонажем такой истории.

Наконец до меня донесся тихий звук с другого конца классной комнаты, и я догадалась, что мисс Тейлор входит в спальню Джайлса. Теперь дело было за мной. Решительно сбросив одеяло, я спустила ноги и встала, нащупала в темноте свечу и спички и сунула в карман накидки. В комнате была кромешная тьма, но я назубок знала, как пройти к двери. Оказавшись там, я затаила дыхание и наострила уши, стараясь уловить любой, даже самый тихий шум от движения. Снова заухала сова, но наконец все успокоилось, затихло, кроме старого дома, который скрипел и стонал, как всегда делал, устраиваясь на ночь. Я повернула дверную ручку, мысленно проклиная ее за произведенный шум, обычно незаметный, а сейчас прозвучавший громко, будто

пожарная сирена. Приотворив со скрипом дверь, я пролезла через щель, при этом босые ноги заскользили по полу и чуть не разъехались, заставив меня вспомнить о Тео, что был теперь так далеко, за океаном, и о том, как славно и весело мы проводили время на катке. Катясь босиком по деревянным половицам, как по льду, я рисковала занозить ногу, но все же решила, что так наделаю меньше шума, чем шагая. При этом я все же умудрялась тщательно считать шаги. Сердце колотилось так, что норовило выскочить из груди, по лбу стекал холодный пот. Мне казалось, я так громко дышу, что удивительно было, почему это все в доме до сих пор не проснулись. По спине бегали ледяные мурашки. Я так тряслась от страха, что забыла считать и вспомнила о скрипучей половице, только уже ступив на нее. Раздался оглушительный шум, будто половица наказывала меня за забывчивость. Я замерла на месте, перестав дышать, и так стояла, выжидая, — мне ясно показалось, что я услышала какой-то звук вдалеке. Звук действительно раздавался, но только не в ответ на мою неловкость. Он казался тихим шепотом дальнего ветра, а потом превратился в уже знакомый мне стон-колыбельную — то ли мурлыканье, то ли завыванье. Именно эти звуки я слышала, когда в первый раз застала нашу гувернантку за ее ночными проделками. Ну, вот и славно: значит, она у Джайлса. Я прошла по коридору, миновала дверь в спальню братишки и добралась до *мисстейлоровой* комнаты. Должна признаться, полной уверенности насчет того, где она сейчас, у меня не было. Я боялась, что дверь, соединяющая ее комнату и спальню брата, может быть широко открыта, хотя и помнила, что раньше, когда я заглядывала и наблюдала за ней, такого ни разу не было.

Нащупав дверную ручку и ощутив под пальцами холодный металл, я взмолилась мысленно, чтобы, поворачиваясь, она не заскрипела слишком громко. Медленно, осторожно я нажала, и ручка подалась совершенно бесшумно. Я перевела дух и толкнула дверь.

В комнате было темно, если не считать слабого мерцания под дверью, ведущей в спальню братишки. В мгновение ока я вскочила внутрь и закрыла за собой дверь — если по какой-то причине (хотя я не могла придумать ни одной, но это неважно) ведьма выглянет в коридор, она не должна была увидеть, что дверь в ее комнату открыта. И тут же обнаружилось слабое место в моем плане: темнота в комнате

была хоть глаз выколи, и я вообще ничего не видела. Конечно, именно на это я и рассчитывала в первую очередь, не желая, чтобы меня увидело зеркало. Но и я сама оказалась в трудном положении, поскольку почти не помнила, как и что расположено в комнате гувернантки. Я не бывала здесь со времени мисс Уитекер. Правда, я была почти уверена, что мисс Тейлор не меняла мебель — кровать, туалетный столик, шкаф, большое кресло и пару стульев, а также прикроватную тумбочку и низенький журнальный столик. Наверняка все они стояли на тех же местах, что и при ее предшественнице, да вот я-то, признаться, довольно смутно помнила, как была расположена вся эта обстановка. Шанса пройти здесь при свете, вымеряя расстояния, у меня не было, и я понятия не имела, не оставила ли мисс Тейлор на полу, под ногами, еще чего-нибудь, например свои чемоданы и саквояжи, на которые я могла наткнуться.

Нужно было срочно на что-то решаться. Я помнила, что туалетный столик стоял у стены напротив двери в спальню Джайлса, и медленно двинулась в ту сторону. Почти сразу я чуть не упала, зацепившись ногой о завернувшийся край ковра. От неожиданности я едва не вскрикнула. Этим я тут же выдала бы себя, но, зажав себе рот, каким-то чудом сумела сдержаться. Сердце, как тамтам, отбивало у меня в груди воинственный марш, так что я удивлялась, как это женщина в соседней комнате не слышит. Я потрясла ногой, высвободила ее из складок ковра и осторожно ступила на него сверху. Потом я подтянула к ней вторую ногу и так стала продвигаться вперед, мелкими шажками, чтобы не оступиться и не потерять равновесия, если вдруг снова обо что-нибудь споткнусь. Всякий раз, поднимая ногу, я шарила ею перед собой, нащупывая, нет ли препятствий, потом становилась на пальцы и только после этого медленно опускала ступню на пол целиком. Таким манером, медленно и невероятно осторожно, я пересекла комнату. Мне показалось, что прошло несколько часов, однако сова ухнула за это время всего однажды, а она, насколько я знала, подавала голос примерно один раз в минуту. Наконец, я ткнулась коленом во что-то твердое и решила, что это должна быть кровать, стоявшая, насколько я помнила, как раз перед туалетным столиком. Обогнув ее, я добралась до стены и, пошарив вокруг себя руками, нащупала... пустоту! Кроме стены, здесь

ничего не было. Туалетного столика не оказалось на том месте, где я рассчитывала!

Неожиданно мурлыканье за дверью замолкло, наступила мертвая тишина. Я замерла, ожидая, что дверь вот-вот широко распахнется и меня поймут с поличным. От страха я похолодела, даже кровь в жилах превратилась в лед. Потом раздался голос гувернантки, тихий и мягкий: «Ах, мой милый, прямо так и съела бы тебя!» Я представила себе, как эта демоница, всего в нескольких футах от меня, алчно склоняется над моим братишкой, а с губ у нее капает слюна. Впрочем, у меня не было времени содрогаться от омерзения. Что делать? Если снова пробираться к двери в коридор, я, возможно, успею выскочить прежде, чем она вернется через смежную дверь. Но надежда, что меня не заметят, все равно была призрачной. Нет, решила я, об этом нечего и думать. Что бы ни случилось сейчас, меня все равно поймут, а тогда лучше уж продолжить дело, ради которого я здесь. В то же мгновение, словно в награду за мое мужество — или безрассудство, назовите, как хотите, — мурлыканье раздалось вновь, и меня чуть не стошнило, когда я представила, как эта тварь гладит лоб моего беззащитного братишки.

Пришлось снова напомнить себе, что сейчас не время для таких мыслей и надо сосредоточиться на решении насущной задачи. По всей вероятности она куда-то передвинула туалетный столик. Нужно было постараться понять, куда и почему? Я представила себе, где стол стоял прежде, и попробовала понять, что ей могло помешать. Что важно для расположения туалетного столика? — спросила я себя. И сразу сама себе ответила — свет. Стол находился раньше у стены в углу, далеко от окна, а стало быть, и от света. Имело смысл передвинуть его к той стене, что отделяла комнату от спальни Джайлса, поближе к окну, тогда удобнее смотреться в зеркало. Я медленно *прочерепашила* всю комнату и добралась до противоположной стены, там повернула в сторону окна, и — вот он! Я *отишерлокхолмсила* его совершенно правильно! Но гордиться и задаваться было некогда. Вытащив из кармана плаща свечу и спички, я положила их на столик и сняла плащ. От радости я чуть не забыла об осторожности и задела что-то, стоящее на столике — безделушку или что-то, — но рука сама взлетела быстрее молнии и подхватила вещицу на лету, не дав упасть. Это

оказался стеклянный флакон — не иначе, как ее духи с *мертвороматом* лилий.

Поставив духи на место, я затаила дыхание и прислушалась, боясь, что ведьма что-то почуяла, но нет, тихое завыванье не прекратилось. Осторожно, чтобы не потревожить больше никаких безделушек, я растянула плащ и набросила его на зеркало. После этого я нащупала спички, чиркнула одной — этот звук показался мне оглушительным, как звук громадной жестяной лопаты, которой Джон скребет дорожки, расчищая их от снега. Я зажгла свечу и выждала несколько мгновений, убеждаясь, что все идет хорошо. Колыбельная все звучала, так что я начала обыск. На самом столике ничего интересного не было — обычные женские штучки, кисточки, флакончики лосьонов и духов, кусочек мыла с приторно-сладким запахом. У стола имелось два ящичка, расположенных по две стороны от отверстия, куда вы помещали ноги, садясь за него. Сначала я потянула на себя правый ящик. В нем оказались долларовые банкноты — я не стала их пересчитывать, но мне показалось, что денег очень уж много, целое состояние для простой гувернантки. Кроме денег в ящике обнаружилась вырезка из газеты. Заметку я узнала сразу же: это был отчет о деле Уитекер, я и сама его тогда читала.

Тут в соседней комнате раздался кашель — кашлял Джайлс, а потом я услышала голос мисс Тейлор:

— Шшш... шшш... спи, любовь моя, тебе нечего бояться.

Я задвинула ящик и открыла его близнеца с другой стороны столика. Там не оказалось ничего, кроме ароматических солей да склянки с какой-то жидкостью. На этикетке значилось название лекарства и адрес нью-йоркской аптеки. Изучать лекарство было некогда, я положила его обратно и прикрыла ящик.

Подойдя к кровати, я сунула руку под подушки. Потом пошарила под матрасом, насколько смогла дотянуться, — ничего. Заглянув под кровать, я увидела два чемодана мисс Тейлор. Щелкнув замками, я заглянула в каждый, но они оказались совершенно пусты.

Я открыла шкаф и обследовала содержимое карманов ее пальто и платьев. Пусто! Тихонько прикрыв дверцу шкафа, я постояла немного, соображая, как мне быть. Больше искать было негде. На тумбочке ничего не лежало, внутри валялись только свечка и пустой стакан. Потом краем глаза я заметила у двери в коридор журнальный столик,

который помнила еще со времен мисс Уитекер. Взяв со стола горящую свечу, я на цыпочках подошла к нему. Выдвинув ящик, я была разочарована, не найдя внутри ничего, кроме Библии. Я уже собиралась задвинуть ящик, как вдруг заметила, что из-за обложки высовывается краешек какой-то бумаги. Пристроив свечу, я схватила книгу и раскрыла ее. На пол выпали два кусочка плотного картона. Подняв прямоугольники, я принялась рассматривать их при свете свечи. Билеты! Сердце у меня чуть не остановилось, пока я разбирала надпись на одном из них. *Пароход «Европа». Нью-Йорк — Гавр. 14 ноября. Первый класс. Каюта Д14. Отправление в полночь.* На втором было написано в точности то же самое.

Мозг у меня кипел. Голова закружилась так, что я едва не упала, пришлось даже опереться рукой о столик, чтобы удержаться на ногах. Четырнадцатое ноября. До этого дня оставалось две недели. Две недели! Два билета! Вот, значит, когда она собирается умыкнуть Джайлса. И не только из Блайт-хауса, но и из страны, в Европу, ни много ни мало во Францию, где у меня не было бы никаких шансов выследить ее и вернуть братишку.

Внезапно я поняла, что в комнате что-то изменилось. Хватило доли секунды, чтобы понять что именно. Тишина! Плач-песня в соседней комнате прекратилась. Нельзя было терять ни минуты. Зажав в одной руке билеты, я другой поспешно водворила Библию на место и задвинула ящик. Послышались шаги из спальни Джайлса, они приближались к двери, соединяющей комнаты. Какая удача, что я была у самой двери в коридор! Вмиг я подскочила к ней, схватилась за ручку, задула свечу, приоткрыла дверь, юркнула в щель и успела закрыть за собой дверь в тот самый момент, когда отворилась *джайлсовокомнатная* дверь, так что хлопок замаскировал шум, произведенный мной. Я стояла в коридоре, опершись спиной о стену, чуть не теряя сознания и от того, что узнала, и от того, что едва унесла ноги. Так я стояла неподвижно с минуту, если не больше, пока уханье совы не вывело меня из оцепенения. Только тогда я осознала, что оставила в комнате свой плащ.

22

На следующее утро я проспала. Это было немудрено, ведь я почти не спала — сначала долго дожидалась подходящего момента, чтобы приступить к выполнению плана, а потом ворочалась и не находила

себе места. Я тревожилась из-за билетов на пароход, которые я забрала с собой, и из-за своего плаща, который оставила там. Не было никаких сомнений в том, что мисс Тейлор уже обнаружила плащ, как только подошла утром к зеркалу, чтобы причесать волосы. Однако я была почти уверена, что пропажу билетов гувернантка еще не заметила, потому что в противном случае она уже ворвалась бы ко мне. И все же, думала я, теперь, узнав, что я побывала в ее комнате, она довольно скоро решит проверить, на месте ли билеты.

Я поскорее оделась, вытащила билеты из-под подушки, куда для пущей сохранности положила их на ночь. Я сунула билеты в кармашек платья и побежала, но не на завтрак, а в западное крыло. У зеркала перед входом в библиотеку я остановилась и посмотрелась в него, стараясь не обращать внимания на пакостную *злобнобразину* — отражение мисс Тейлор, которое гримасничало, глядя на меня. Я специально пригладила волосы обеими руками, показывая, что в них ничего нет. Затем, миновав библиотеку, я исчезла с гувернанткиной *зеркалокарты* и поднялась в свою башню. Перочинным ножом, который специально прихватила с собой, разрежала кожу на сиденье круглого капитанского стула. Засунув в прорезь билеты, я подвинула их поглубже в набивку, убедившись, что они не выпадут.

После этого я спустилась вниз, в библиотеку, взяла книгу, которую читала накануне, «Повести тайн и воображения», потому что... да, я вернулась к своему обожаемому Эдгару По, ибо, хотя он пугал меня и навевал уныние, именно в эти дни его новеллы как нельзя лучше соответствовали моему *душесостоянию*. Выйдя из библиотеки, я прошла мимо зеркала, старательно замедляя шаг, и держала книгу перед собой, притворяясь, будто читаю на ходу. Я надеялась, что, увидев книгу и припомнив, что сначала руки у меня были пусты, наблюдающий за мной демон поверит, что я побывала в библиотеке и никуда больше не заходила. Мне не хотелось давать ей повод для беспокойства и навести на след моего *башнеприюта*.

Выйдя за пределы видимости зеркала, я поспешила в *завтракальню*. Конечно, когда я вошла, мисс Тейлор и Джайлс уже сидели за столом, хотя сначала мне показалось, что их нет: в комнате было совсем тихо, не было слышно ни обычной болтовни Джайлса, ни глуповато-самодовольных ответов мисс Тейлор. От зрелища, встретившего меня в столовой, у меня подкосились колени. На спинке

стула, стоящего напротив мисс Тейлор — это место обычно занимала я, — так вот, на спинке моего стула я увидела свой плащ. Он висел, словно огромная черная ворона, раскинув свои *крылополы* на соседние стулья. Я была настолько потрясена, что чуть не задохнулась, перестав дышать.

Джайлс смотрел на меня во все глаза и открыл было рот, желая что-то сказать, но мисс Тейлор предостерегающе положила ему на плечо руку, не дав заговорить. Братишка плотно сжал губы и промолчал. А гувернантка глядела на меня с вызовом, так и буравила меня своими змеиными глазками. Потупив глаза, я направилась к своему месту; сердце изо всех сил колотилось, пытаюсь вылететь из своей клетки. Добравшись до стула, я сняла мерзопакостную птицу, этого вестника зла и горя — собственный плащ, — со спинок стульев, сложила и аккуратно положила на соседний стул, а сама тихо села на место.

Потом я быстро подняла глаза и дерзко взглянула прямо на мисс Тейлор, но застать ее врасплох не удалось. Гадина быстро оправлялась от ударов.

— Ты забыла это у меня в комнате, — торжествующе произнесла гувернантка — таким тоном говорят, когда удается изобличить кого-то во лжи или другом неприглядном поступке.

Я слегка кивнула и, сказав «спасибо», взялась за вилку и нож.

Гувернантка не сводила с меня взгляда на протяжении всей трапезы, не обращая внимания на еду. Да пища и впрямь ничего не значила для этого существа, оно в ней явно не нуждалось. Сама я совсем не чувствовала голода, кусок не лез в горло, желудок сжимался от мысли о том, что может последовать за разоблачением. Но, твердо вознамерившись не доставлять радости врагу, я все же потихоньку одолевала свою порцию, хотя каждый кусок и вызывал у меня дурноту.

Скоро Джайлс начал, разумеется, проявлять нетерпение, ведь они с гувернанткой приступили к завтраку намного раньше, чем я. Он ерзал и елозил на стуле и в конце концов обратился к ней:

— Мисс, может, мы пойдем? Я уже наелся, кажется, на целый день вперед, а вы все равно всегда едите так мало, что не хватило бы и птичке...

Неохотно оторвав от меня взор, мисс Тейлор удивленно взглянула на мальчика, как будто только сейчас вспомнила о его существовании.

— Конечно, дорогой, — шепнула она, отодвигая свой стул.

Джайлс вскочил и вприпрыжку направился к двери, гувернантка последовала за ним, как всегда бесшумно, будто не ступала по полу, а летела по воздуху. На полпути к выходу она резко остановилась, обернулась, метнула в меня угрожающий взгляд.

— Я после поговорю с тобой, девочка, — прошипела гувернантка. Она проговорила это не в своей обычной манере. Это, а еще больше то, насколько оскорбительно-высокомерно прозвучало слово «девочка» в устах той, что была, в конце концов, лишь прислугой в нашем доме, заставило меня содрогнуться. Казалось, гувернантка давала мне понять: в своем противостоянии мы перешли границы социальных условностей, а следовательно, забрала поднят, и она готова к битве не на жизнь, а на смерть.

Как только стихли их шаги в коридоре, я побежала в туалет, где меня стошнило. Все съеденное за завтраком уже было извергнуто, желудок полностью опустошен, наружу уже не выходило ничего, кроме воздуха, а конвульсии все продолжались, и я никак не могла их остановить. Меня выворачивало наизнанку, словно тело старалось очиститься от всего, что так долго его загрязняло: от чувства вины, от невыносимого страха потерять Джайлса — единственного, за кого я цеплялась и к кому могла прижаться в этом холодном, жестоком мире, от всего страха и ужаса, влитого в мое сердце Уитекершей, как живой, так и мертвой. Я ослабела настолько, что не могла ходить, и тогда я расплакалась, потому что не видела выхода и не знала, как мне быть.

Выйдя наконец из туалета, я чуть не поддалась панике и не выбежала прочь из дома, чтобы хоть там освободиться, избавиться от преследования десятка враждебных глаз, зорко следивших за каждым моим движением, отмечавших любой жест, изменившееся выражение лица. Временами мне начинало казаться, что они заглядывают мне прямо в душу, и при мысли об этом я ежилась как от холода.

Я была уже у входной двери, собираясь выйти, но тут поймала на себе взгляд из зеркала — того самого, где впервые увидела ее *отразину*. Оставленная в стекле копия ухмылялась так надменно, так самодовольно, издеваясь над моей беспомощностью, что я передумала и изменила курс. Ведь не позволила же я мисс Уитекер довести себя до отчаяния, когда она еще была жива и совершила ту ужасную вещь, почти такую же страшную для меня, как потеря Джайлса, — когда она

лишила меня книг. Я не дрогну, не сдамся ей и теперь. Если она хочет войны, я дам ей бой, какие бы темные злые силы она ни призывала на подмогу. Я отравлю ей удовольствие. Разрушу ее злобные планы. Я не сдамся — не на ту напала!

Развернувшись, я прошла через вестибюль и поднялась в класс, где обнаружила Джайлса, уныло сидящего за своей партой.

— Семью семь, ну же, Джайлс, — раздался ласковый голос мисс Тейлор, — это совсем не трудно.

— Тридцать девять? — с надеждой, неуверенно спросил Джайлс. Математика давалась ему не без труда. Правда, я вообще затруднилась бы сказать, дается ли ему легко хоть какая-нибудь наука.

Гувернантка покачала головой.

— Ну, так тридцать семь? Или тридцать пять. Это какое-то число, я знаю, только не помню, это или другое.

Мисс Тейлор засмеялась было, но тут, прямо на глазах, выражение ее лица переменилось, *обезулыбилось* и посерьезнело. Она долго смотрела на меня, затем внезапно встала, и так резко, что опрокинула стул, и тот с грохотом упал. Она даже не обернулась и не сделала попытки поднять его.

Джайлс удивленно поднял голову:

— Что случилось, мисс? Я, правда, непонятливый, но это ведь не страшно. Я же стараюсь, честно-честно.

— Дело не в тебе, Джайлс, — пробормотала гувернантка, делая безуспешную попытку улыбнуться ему. Не дожидаясь его ответа, она метнула в меня злобный взгляд и вышла из классной комнаты, хлопнув дверью.

Джайлс озадаченно повернулся ко мне:

— Что происходит, Фло? Что это был за переполох утром с твоим плащом? А сейчас что ты задумала? Мне иногда кажется, что...

Он не закончил, потому что в этот миг дверь распахнулась, в комнату ворвалась гувернантка и бросилась прямо к нам. Взгляд у нее был дикий, волосы *всклотрепаны*, как будто она повыдергивала из них все шпильки, рот перекошен, все лицо искажено безумной гримасой. В мгновение ока она подскочила ко мне и схватила за волосы. Я подумала, что сейчас ведьма выцарапает мне глаза ногтями, так яростно она размахивала у меня перед носом скрюченными пальцами.

— Где они? — заорала она. — Что ты с ними сделала, маленькая дрянь?

Я невольно тоже вскрикнула, уж очень больно мисс Тейлор таскала меня за волосы. С силой дернув головой, я испугалась, что сейчас с меня снимут скальп, но сумела освободиться, а она осталась стоять, сжимая в руке клок волос. Мы стояли друг перед другом, две львицы перед смертельной схваткой, она по одну сторону парты, я по другую. Она стала обходить парту с одной стороны, я отступила в другую. Я попыталась удрать тем же путем, каким пришла, но она перекрыла мне отступление. Мы задвигались в какой-то дикой пляске смерти, готовые одновременно и к нападению, и к обороне, но, хотя силы казались равными, я понимала, что победа в этом поединке все равно останется за ней: я оказалась запертой в углу за партой — и рано или поздно вынуждена буду сдать.

Но тут мне кое-что пришло в голову. Парта — предмет довольно легкий, в ней нет ящиков, забитых книгами, которые придают вес письменным столам. Я сунула пальцы под крышку и, издав боевой клич, напоминающий рев, одновременно опрокинула парту на гувернантку и толкнула ее как можно сильнее. Маневр удался: я не только перевернула парту, но и сбила ведьму с ног. Не дожидаясь, пока она придет в себя от неожиданности, я выскочила в открытую дверь.

Со всех ног бросилась я бежать по коридору, а за спиной уже слышалось цоканье ее каблуков. Я кубарем понеслась вниз по лестнице, прыгая через три-четыре ступеньки, а внизу перескочила сразу через шесть или семь. Я чуть не пожалела об этом, так как споткнулась и упала было, однако удержалась-таки на ногах. Все это время сзади раздавались крики:

— Где они? Признайся, мерзавка, куда ты их девала?

Добежав до черного хода, я рванула дверь и выскочила наконец в сад. Плотнo прикрыв за собой дверь, я начала озираться. Куда бежать? Я подумала об озере, но сразу отмела эту мысль, вспомнив, как легко тварь передвигается по воде. Она сразу обгонит меня, пока я буду бегать вокруг по берегу, это верное поражение. Тогда я посмотрела в другую сторону, на густые заросли кустарника, где, бывало, частенько прогуливалась в ожидании Тео — он проходил через них, когда шел ко мне в гости, а иногда я провожала его, и тогда мы гуляли здесь вдвоем. Я хорошо знала эти *чащебры* и все местечки в них, где можно

спрятаться, ведь мы с Джайлсом обожали играть здесь в прятки. Конечно, у ведьмы на службе могли быть еще какие-то силы, о которых я не знала, но почему-то мне показалось, что в гуще деревьев я окажусь сильнее ее. По крайней мере, там у нее не было соглядатаев и шпионов, а значит, укрыться я сумею. Подобрав юбки, я бросилась бежать — и услышала, что сзади открылась дверь. В этот миг я думала только об одном: как бы получше спрятаться. Никаких мыслей о том, что случится после и сможет ли вообще наша жизнь вернуться в обычное русло, у меня не было.

Я намного оторвалась от преследовательницы, по земле я бежала намного быстрее, потому что я была моложе и ноги у меня были сильнее. Однако я все равно старалась нестись изо всех сил, помня, что имею дело с духом, существом с того света. Я ужасно боялась всевозможных связанных с этим неожиданностей, например того, что гувернантка, возможно, умела летать по воздуху, как некоторые духи и призраки. Но нет, бросив взгляд через плечо, я убедилась, что она отстает от меня на добрую сотню ярдов и не поднимается в воздух. Я нырнула в лесок. Оказавшись среди деревьев, я поначалу двигалась по тропе, но когда приблизилась к развилке, свернула на более узкую и сделала то же самое еще через сотню ярдов, где тропа снова раздвоилась. На сей раз вторая дорожка была почти незаметна, но мы с Тео иногда ходили по ней, чтобы сократить расстояние между нашими домами. Время в пути, впрочем, при этом не уменьшалось, потому что тропа проходила через заросли кустарника, настоящие дебри. Кое-где подлесок из молоденьких деревьев был так густ, что приходилось протискиваться между ними бочком.

Заросли становились гуще, пробираться было труднее, я шла все медленнее, выбиваясь из сил. В одном месте я вспугнула грачей, и они разлетелись в разные стороны, подняв страшный гвалт и шумно хлопая крыльями. Я проклинала себя за неосторожность, которая могла указать преследовательнице, где я нахожусь. Поддавшись панике, я приняла неверное решение и сошла со знакомой тропы, углубившись в заросли. Я забрела в ежевичные кусты, шипы больно впивались в кожу, зубастые *ежещупальца* хватали меня и дергали за платье, не давая пройти, словно ведьма каким-то образом управляла ими. Вскоре я оказалась в настоящем плену и вынуждена была остановиться — все попытки вырваться на волю только ухудшали мое

положение. Пришлось медленно и терпеливо отдираать колючку за колючкой, которые удерживали меня. Их следы напоминали кривые стежки, которые у меня получались, когда Уитекер заставляла меня шить.

Наконец мне удалось освободиться и пробраться на крохотную полянку. Однако радоваться было рано, потому что грачиная *черностая* снова взмыла в воздух, на этот раз в той стороне, откуда я только что пришла. Птицы *потревоженно* шумели, и я предположила, что их спугнул олень, так как послышались громкий хруст и треск ломаемых ветвей: кто-то двигался напролом через непролазную чащу. Я смотрела в ту сторону, но не видела самого животного, и сначала не испугалась, зная, что в это время года олени не нападают на людей. Но вот сквозь дрожащую листву я различила что-то черное — и поняла, что обнаружена. Черных оленей в наших краях отродясь не бывало, значит, я видела не что иное, как гувернанткино платье. Ужас парализовал меня, на мгновение я замерла, не в силах думать о том, куда бежать и что делать. Казалось, с моей полянки отступить было некуда, не считая колючего прохода, по которому я сюда попала. Я еще не успела сообразить, как мне быть, как кусты раздались, и передо мной возникла мисс Тейлор, с пылающим лицом, искаженным яростью. Она рванулась было ко мне, но осталась на месте, и меня осенило: ее *заключила* ежевика и держала так же прочно, как незадолго до нее удерживала меня. Тогда я, недолго думая, повернулась и бросилась в кусты прямо перед собой.

Не разбирая дороги, пробивалась я через заросли. Колючки хватили меня за платье, и я отдираала их от себя, не реагируя на царапины и дыры. Не обращая внимания на преграды, я неслась вперед. Преследовательница настигала меня, я слышала ее шаги, а вот уже ее жаркое дыхание коснулось моей шеи. Но тут наконец, сделав последний рывок, я выбралась из чащобы на тропу. Свободна! Я оказалась на той же тропинке, с которой свернула в дебри, той самой, что вела к дому Ванхузеров. Нет, я не ждала помощи с той стороны, тем более что дом был наглухо забит, а семья — в *заокеанье*. Думая лишь о том, чтобы спастись бегством, я припустилась бежать со всех ног, надеясь, что хотя бы оставлю ведьму позади. Наконец я решилась оглянуться, продолжая нестись вперед. Преследовательницы нигде не было видно, и я только поздравила себя с избавлением и даже громко

расхохоталась, как вдруг споткнулась на бегу обо что-то твердое — корень дерева — и полетела кубарем. Я громко вскрикнула от боли, потому что неловко подвернула лодыжку, да еще и рухнула на нее всем своим весом. Так я лежала, лицом в пыли, понимая, что не смогу ступить на больную ногу. Я слышала, как гувернантка приближается, тяжело дыша, и зажмурилась. Потом рядом со мной раздался звук, похожий на покашливание. Я приоткрыла глаза и прямо перед собой, в нескольких дюймах от своего лица, увидела пару черных башмаков. Подняв голову повыше, я рассмотрела две *длинноцельные* ноги, которые так хорошо знала и не надеялась когда-либо увидеть снова.

23

— Тео, — прохрипела я, — проклятие, что ты здесь делаешь?

— Астма, — сообщил Тео. В подтверждение своих слов он тут же закашлялся, *откарманил* флакон с резиновой грушей и, широко открыв рот, выпустил в него струйку прописанного доктором Бредли лекарства.

За спиной у меня раздался шум, я перекатилась на бок и обнаружила мисс Тейлор, стоящую совсем рядом. Увидев, на что она похожа, я поняла, что и сама выгляжу примерно так же: платье *исключено*, все в пыли и репьях, в растрепанных волосах застряли ветки, потное лицо испещрено крохотными кровавыми точками — спасибо ежевичным шипам.

Я с трудом села и махнула рукой в сторону Тео:

— Позвольте представить вам мистера Ванхузера, мэм. Мистер Ванхузер, наша новая гувернантка.

Она растерялась, не зная, как себя вести. В конце концов, Тео не только был моим другом, но и стоял выше ее по своему социальному положению. Гувернантка расправила платье и изобразила на лице что-то отдаленно напоминающее улыбку.

— Чем это вы занимались? — спросил Тео. Вид у него был даже еще более растерянный, чем обычно.

— Играли в прятки, — нашлась я.

Тео переводил взгляд с меня на нее.

— Осмелюсь заметить, дамы, вы отнеслись к этому чересчур серьезно. Это ведь только игра.

Он наклонился, чтобы помочь мне подняться, движением бровей показав мисс Тейлор, чтобы та поддержала меня с другой стороны.

— Флоренс пряталась, а мне выпало ее искать, — проговорила она, пребольно впившись когтями в мою руку. — И мне кажется, что я выиграла.

— Ой, — громко вскрикнула я и пояснила: — Моя лодыжка.

Я не хотела давать ей повод радоваться, думая, что это она вырвала у меня крик боли.

Поддерживая меня одной рукой за плечи, Тео нагнулся и осмотрел ногу:

— М-да, она опухает прямо на глазах. Мы должны постараться помочь тебе добраться до дома.

И мы заковыляли: Тео и мисс Тейлор поддерживали меня с двух сторон, а я кое-как прыгала посередине. Не успели мы тронуться с места, как Тео опять зашелся в кашле, так что нам пришлось остановиться и подождать, пока он вдохнет еще одну порцию лекарства.

— Вот потому-то я и здесь, — пояснил он, немного отдышавшись. — У меня случился особенно тяжелый приступ астмы накануне отплытия. Родителям пришлось отплыть без меня. Я был в больнице, потом на попечении своей тети. А теперь вот меня отправили сюда, на свежий воздух, для поправки здоровья.

— Ты огорчен? — поинтересовалась я.

— Ничуть. Я хозяин в целом доме. Ем мороженое за завтраком, обедом и ужином.

— Я не о том, глупыш. Я хотела сказать — из-за того, что не попал в Европу?

— Да нет, пожалуй. В конце концов, что бы я там увидел, кроме множества старинных развалин... да еще картин. Полагаю, я могу приехать туда и в другой раз, руины и музеи никуда не денутся.

Когда мы добрались наконец до дома, навстречу нам вылетели Мег и Джон, потому что Джайлс поднял тревогу. Он сообщил миссис Граус, что я выбежала из дому, а мисс Тейлор погналась за мной, и нас довольно долго искали. Джон взял меня на руки, поднимая так легко, будто я была невесомым перышком, и предоставив Тео кашлять в свое удовольствие. Мисс Тейлор поспешила к себе, чтобы переодеться, а меня бережно уложили на кушетку в гостиной.

Миссис Граус хлопотала надо мной, будто курочка-наседка, без конца всплескивая *рукрыльями*:

— Ох, милая моя, да как же это? Что случилось? Почему вы выскочили из дому и бежали сломя голову?

Я не отвечала. Сперва я хотела было все ей рассказать, воззвать к ее здравому смыслу и настоять, чтобы она разобралась наконец с тем, кто такая мисс Тейлор, и обо всем сообщила дядюшке. К сожалению, я всерьез опасалась, что мне просто не поверят. Что, если я расскажу о билетах на пароход, а наша новая гувернантка придумает какое-нибудь правдоподобное объяснение? Тогда мне волей-неволей придется их вернуть и тем самым позволить злодейке беспрепятственно бежать вместе с Джайлсом. Подняв голову, я увидела зеркало над камином. Оно безмолвно нависало надо мной и словно пыталось отгадать мои мысли.

Я решила, что не стану рассказывать миссис Граус о билетах — по крайней мере, до поры до времени. Лучше уж покажу их Хедли, ведь эти билеты — доказательство преступных замыслов *гуверведьмы*, настоящая улика, которая развяжет ему руки и позволит что-то предпринять. У этого плана, впрочем, имелась слабина — наладить контакт с капитаном было очень непросто. Время бежало слишком быстро. Из четырнадцати дней, находящихся в моем распоряжении, один уже прошел. Если за это время я не смею увидаться с Хедли, придется довериться миссис Граус. О моем *башнеприюте* я, конечно, ничего ей не скажу, нужно побереечь его на всякий случай, как запасной вариант для отступления и место, где можно что-то надежно спрятать. Ну, а пока я все равно не смогу подняться туда из-за вывихнутой лодыжки.

— Я все объясню вам потом, — ответила я наконец озадаченной экономке. — А сейчас, если не возражаете, мне бы хотелось поболтать с мистером Ванхузером.

Миссис Граус нерешительно кивнула и сказала, что вскипятит для нас чаю.

Как только она вышла из гостиной, я подманила Тео поближе. Он наклонил ко мне голову и запечатал губы поцелуем.

— Не сейчас, Тео, не время! — Щеки у меня запылали при одной мысли, какой это стыд подвергнуться поцелую на глазах у гувернанткиного *стеклоглядатая*. — Как только Джайлс услышит, что ты здесь, он мгновенно примчится. А теперь поднеси ухо к моему

рту и слушай, я буду говорить тихо, потому что понятия не имею, могут ли зеркала подслушивать.

Тео ошарашенно уставился на меня:

— Зеркала... подслушивать?

Брови у него поползли вверх, но стоило мне схватить его за лацкан пиджака и притянуть к себе, как он охотно подчинился, вообразив, разумеется, что так сумеет урвать еще один поцелуй. Я сразу же разочаровала беднягу, развернув его голову и прижав ее к своим губам ухом, а вовсе не ртом. Я нашептала ему всю историю о зеркалах и о том, что теперь благодаря этому мисс Тейлор просматривает практически весь дом. В ответ Тео шумно вздохнул и отстранился. Он встал и выпрямился, глядя на меня сверху вниз:

— Флоренс, ты уверена, что ушибла только ногу? Может быть, ты ударилась еще и головой?

— Тео, это правда, — прошипела я. — Готова поклясться всем, чем угодно.

Тео одарил меня улыбкой, засунул руки в карманы брюк и прошелся по комнате. У зеркала он остановился, смотрелся в него некоторое время, поправил галстук. Удовлетворенный наконец своим безупречным видом, отошел и уселся на краю моей кушетки.

— Флоренс, — прошептал он с улыбкой. — Должен тебя успокоить, ее там нет.

— Там она, там, — прошипела я в ответ, возмущенная насмешкой, — но видеть ее могу только я одна.

— О, вижу-вижу... или, точнее, ровным счетом ничего не вижу! — И Тео кивнул мне с таким покровительственным видом, что я бы его стукнула, если бы не нуждалась так отчаянно в его помощи.

— Это неважно, забудь на время о зеркалах, насмехайся, если тебе нравится. Главное, выслушай меня.

Я решила доверить Тео одну из величайших своих тайн. Рассказав, что мисс Тейлор замышляет побег и похищение Джайлса и что в моих руках имеется неопровержимое тому доказательство в виде билетов на пароход, я шепотом объяснила, как добраться до западной башни, моего секретного убежища, и как найти там билеты.

— Но не сейчас, Тео, не сейчас. Ты не успеешь обернуться до прихода Джайлса, а за ним явится и она. Я скажу тебе, когда придет время.

Как раз при этих моих словах дверь приоткрылась, и в гостиную вплыла мисс Тейлор, успевшая переодеться в чистое платье, черное, как и вся ее одежда. Она привела в порядок прическу, умылась и припудрила следы от ежевичных шипов, так что вид у нее был самый обычный, как будто ничего и не произошло. Я даже засомневалась, что она использовала грим, ведь призраки наделены необычными свойствами и наверняка могут обновляться, если потребуется.

— О, мистер Ванхузер! — Она сияла радостной улыбкой. — Вы еще здесь.

Тео подскочил, будто его застали за каким-то непозволительным занятием. Да так оно и было, ведь все это время он слушал мои крамольные речи.

— Это так любезно с вашей стороны, — продолжала гувернантка, — позаботиться о Флоренс. Ну а теперь, полагаю, я вынуждена просить вас оставить ее в покое, ведь бедной девочке... — эти слова она сопровождала саркастической улыбкой в мою сторону, — необходим отдых.

— Но, мэм, — попытался возразить Тео, — ее лодыжка...

— Я уже отправила Джона за доктором. Скоро он будет здесь. А теперь, думаю, вам пора...

Тео ничего не оставалось делать, как подчиниться. Прощаясь, он сжал мне руку:

— Выздоровляй, Флоренс. Я приду завтра.

Мисс Тейлор повела его к выходу, как ребенка, и я, оставшись одна, стала прислушиваться к их неясным голосам, доносящимся из вестибюля. Дверь в гостиную распахнулась, на пороге возник Джайлс. Он вцепился в дверную ручку и не входил в комнату, опасно поглядывая на меня с порога.

— Джайлс, — окликнула я, — что такое?

— Боже, Фло, что это было? Ты, должно быть, жутко ее чем-то разозлила, она прямо взбесилась!

— Входи, Джайлс, и притвори дверь, — громким шепотом велела я. — Ну же, скорее.

Поколебавшись с минуту, братик все же решился сделать то, о чем я просила. Медленно, шаг за шагом, он приблизился, остановившись футах в двух от меня и не решаясь подойти ближе.

— Что происходит, Фло? Почему она так за тобой припустилась? Это потому что ты забралась к ней в комнату? И оставила там свой плащ? А зачем ты это сделала?

— Не думай об этом, Джайлс, все это чепуха. Лучше послушай, что я тебе скажу... — Я перешла на еле слышный шепот, опасаясь зеркала. — У меня есть доказательство, что она хочет тебя украсть. Я нашла билеты на пароход.

Лицо Джайлса осветилось радостью.

— Билеты на пароход? Я поплыву на корабле?

— Да, если не удастся ее остановить. В Европу.

— В Европу? — Подумав немного, он спросил: — А почему это Тео так скоро вернулся из Европы? Ему там не понравилось?

— Он туда и не уезжал. У него снова был приступ астмы.

— Ой!

— Ты с ним не поговорил?

— Только поздоровался. Мисс Тейлор сказала, что он уже уходит.

В это мгновение хлопнула входная дверь, и я увидела в окно Тео, выходящего из дому. Вот он оглянулся и посмотрел на окно со смесью участия и беспокойства на лице. Я *вымучила* слабый взмах руки. В лежачем положении это было непросто, но Тео и не увидел ничего, потому что отвернулся и зашагал по аллее прочь.

Дверь снова раскрылась, и вошла мисс Тейлор. Она ласково улыбнулась Джайлсу, но я видела, что братец держится настороженно и с ней, а не только со мной. В конце концов, он же видел несколько раз, как гувернантка злилась на меня. Это не могло не поколебать его представление о ней как о доброй и нежной фее, сладкой, как патока. У меня появилась было *мелькомысль* сыграть на этом — неплохая возможность вбить между ними клин.

— Джайлс, — начала мисс Тейлор, — сходи, пожалуйста, в класс, будь умником, и принеси книгу для Флоренс, хорошо? О, и не забудь прихватить ее рукоделие. — Последнее слово она выразительно подчеркнула и посмотрела на меня со значением. — Мы ведь не должны выдавать ее тайну, правда?

Когда малыш вышел из комнаты, мисс Тейлор подбежала ко мне:

— А теперь послушайте меня, барышня, послушайте внимательно...

Слова вылетали у нее изо рта, как брызги слюны. Мне, разумеется, ничего не другого оставалось, я вынуждена была ее слушать, пленница своей негодной вывихнутой лодыжки.

— Верни то, что мне принадлежит. Я требую, чтобы ты сделала это немедленно, иначе будешь жестоко наказана.

— Я не могу этого сделать.

Усевшись на краю кушетки, гувернантка протянула руку и изо всех сдавила мне лодыжку как раз в том месте, где она распухла и покраснела. Ведьма сжала ногу с такой силой, что я не могла сдержать крик.

— Верни их мне!

— Говорю же вам, не могу, при мне их нет.

Ослабив *мертвохватку*, она долго подозрительно вглядывалась в меня, обшарив глазами с пяток до макушки, будто не то собиралась обыскать, не то прикидывала, куда я могла спрятать эти злосчастные билеты.

— Не стесняйтесь, проверьте, — сказала я. — Вы их не найдете.

— Прекрасно. Так скажи мне, где они.

— Даже не надейся, демон.

Гувернантка поднялась:

— Я сумею осложнить тебе жизнь, девчонка, если не перестанешь мне мешать.

— А я не буду стоять в стороне и добьюсь, чтобы ты оставила моего брата в покое.

— Ты хочешь сказать, единокровного брата, матери у вас разные. Но насчет того, что не будешь стоять в стороне, ты права, потому что несколько дней вообще не сможешь стоять на ногах. Будешь лежать в постели, беспомощная, как сейчас.

— Ты заберешь Джайлса только через мой труп.

— Надеюсь, до этого не дойдет...

Она злилась и нервничала, и я поняла, что своей непреклонностью разрушаю ее планы.

— И все же, — заговорила она уже мягче, — верни мне то, что взяла. Ты же никаким образом не сможешь их использовать, а для меня это только небольшое неудобство. Мне ведь достаточно написать письмо, чтобы их восстановили. Почему же не упростить дело для нас обеих? Просто скажи мне, где они.

— Они там, где вам никогда их не найти. И вы ошибаетесь, для меня они не бесполезны. Это улика, доказательство ваших дьявольских планов.

Ведьма надолго замолчала, потом отвернулась и, поднявшись, заскользила прочь из комнаты, оставив после себя аромат гнева и отчаяния.

24

Во второй половине дня приехал доктор. Сообщил, что у меня растяжение связки, и прописал полный покой и отсутствие нагрузок на ногу в течение недели. Итак, я лежала в гостиной, притворяясь, будто вышиваю, а на самом деле читала, поспешно набрасывая вышивку на книгу, когда появлялись миссис Граус или прислуга. Так я провела несколько дней. Каждое утро Джон переносил меня из спальни вниз и устраивал на кушетке на весь день. Еду мне подавали в постель на маленьком столике-подносе. Вечером Джон уносил меня наверх. Не представляю, что рассказала гувернантка нашей экономке о том происшествии и как объяснила погоню в лесу. Уж не знаю как, но ей, очевидно, удалось внушить миссис Граус, что это была всего-навсего игра, потому что добрая женщина ничего не заподозрила. Временами, когда мы оставались в гостиной вдвоем, меня одолевало искушение открыться нашей экономке и все рассказать, но я по-прежнему боялась, что мне не поверят. Нет, лучше уж я подожду, пока Тео не вызовет билеты и как-нибудь передаст их Хедли. Таким образом я сумею доказать, что у нашей гувернантки и впрямь преступные намерения.

Но чтобы Тео смог добраться до билетов, нужно было придумать, как преодолеть другое препятствие. Дело в том, что мисс Тейлор, ухватившись за слова доктора о «полном покое» (которые, я уверена, были просто фигурой речи и относились только к ноге), заявила, что ко мне нельзя пускать посетителей. Даже посещения Джайлса она свела к минимуму. Сам Джайлс, кажется, уже перестал ее опасаться, а то, что теперь мой братец и гувернантка почти все время проводили вдвоем, только способствовало восстановлению их близости. Навещая меня, братец с ребячливостью пресекал все попытки снова завести разговор о надвигающейся опасности.

— Джайлс, — шепнула я однажды утром, когда мы на минутку остались одни, — она говорила тебе что-нибудь о том, что вы с ней

уедете?

Но Джайлс заупрямился:

— Фло, раз уж тебе придется какое-то время обходиться одной ногой... вот скажи, что бы ты предпочла: чтоб тебе отрубили ногу или вырвали один глаз?

Ну что я могла ответить на это?

Мне приходилось очень трудно, я никак не могла придумать предлог, чтобы Тео пустили в дом. А без этого весь план совершенно *обезнадеживался*. Поэтому я чуть не задохнулась от радости, когда на третье утро болезни, выглянув в окно, заметила на аллее знакомую нескладную фигуру. Через несколько минут миссис Граус проводила гостя ко мне.

— Тео, — выдохнула я, как только экономка вышла из гостиной, — как тебе удалось обойти запрет?

— Обратившись к более высокому авторитету, — ответил Тео шепотом, потому что я прижала к губам палец и кивком указала на зеркало. Он горделиво расправил грудь, отчего стал похож на голубя, ухаживающего за голубкой. — Я разыграл приступ астмы, прислуга вызывала доктора. А когда он пришел, я упомянул мимоходом, какая, мол, жалость, что к мисс Флоренс не допускают посетителей. Разумеется, он сказал, что это несусветная чушь и посещения тебе только на пользу. И вот я здесь.

— Какой ты умный.

— Да уж... — Тео потупился. — Кстати, обо мне он сказал, что мне лучше побыть дома и не выходить, учитывая мое ухудшившееся, как он считает, состояние, астму и тому подобное. Но дело не в этом.

Тут в гостиную ворвалась мисс Тейлор, видимо усмотревшая Тео в одном из своих *стеклоглядатаев*, в сопровождении Джайлса, который подскочил к гостю и с места в карьер засыпал его вопросами и предложениями поиграть. Мисс Тейлор, терпеливо переждав, пока утихнет первая волна Джайлсовых восторгов при виде нашего старого друга, обратилась к Тео:

— Мне кажется, я уже говорила вам, мистер Ванхузер, что доктор предписал Флоренс полный покой. Излишнее волнение для нее вредно, не так ли?

Тео широко улыбнулся:

— Должен сказать, мэм, я не вполне понимаю, какой вред может нанести волнение растянутым связкам. Впрочем, как бы то ни было, я располагаю вполне авторитетным медицинским мнением на этот счет. Доктор считает, что общество только на пользу нашей больной.

И он повторил всю историю и слова доктора, умолчав лишь о предостережении, которое тот сделал ему самому.

Мисс Тейлор помолчала, кусая губу, потом процедила:

— Что ж, прекрасно. Джайлс, а нам нужно идти, сейчас время урока. Вы с мистером Ванхузером повидаетесь позже.

Оставшись с Тео вдвоем, мы немного поболтали о том о сем, а потом я шептала ему, что надо сделать с билетами и что он должен сказать капитану Хедли. Затем Тео поднялся и произнес немного театрально:

— Скажи мне еще раз, какую книгу тебе принести из библиотеки?

Повернувшись спиной к зеркалу, мой друг начал гримасничать и подмигивать, показывая мне, что говорит неправду. А я и без того уже смекнула, что он собирается сделать. Под тем предлогом, что идет в библиотеку, он намеревался сходить в башню и принести билеты. Я попросила принести мне «Макбет» и объяснила, где лежит эта книга.

Тео отбыл. Сначала он забежал в библиотеку, взял книгу и поспешил в башню. Он хотел сделать вид, если вдруг наткнется на мисс Тейлор, будто, выйдя из библиотеки, свернул не туда и заблудился. Выглядел Тео, как всегда, довольно нелепо — вид у него был рассеянный, выражение лица глуповатое, — так что в это вполне можно было поверить. По счастью, он никого не встретил во время вылазки, зато мисс Тейлор заглянула ко мне как раз, пока его не было.

— Где мистер Ванхузер? — спросила гувернантка.

Наверняка она что-то заподозрила, увидела в свое шпионское стекло, как Тео выходит, а потом, когда он свернул, потеряла след и забеспокоилась.

— Пошел в библиотеку, чтобы принести мне книгу. — Это, по сути, было правдой и соответствовало тому, что мисс Тейлор видела в зеркале.

Как раз в это время возвратился Тео. Он протянул мне книгу, повернувшись при этом спиной к зеркалу и гувернантке, и многозначительно похлопал себя по нагрудному кармашку.

— Ну, ладно, Флоренс, боюсь, мне пора идти, — обратился ко мне сообщник и добавил со значением: — У меня дела.

Ну что ты будешь делать с этими мальчишками вроде Джайлса и Тео? Заговорщики из них никудышные, для этого нужен особый талант, как у меня. Мисс Тейлор сразу услышала фальшь в его голосе и наострила уши.

— Что вы говорите, мистер Ванхузер, и что же это за дела, позвольте поинтересоваться?

Залившись краской, Тео забормотал что-то невнятное, закашлялся и вынужден был прибегнуть к помощи своего *грушефлакона*. Придя в себя и отдышавшись, он просипел:

— Разные дела, знаете ли, мисс Тейлор. Математику нужно повторить и греческий. Наставник у меня очень строгий, следит, чтобы я занимался, мне же предстоит возвращаться в школу, и я не должен отстать.

Что и говорить, по меркам Тео отговорка довольно удачная; что же до меня, то я мысленно проклинала его, в полной уверенности, что он провалил все дело. Лучше бы не умничал. Теперь гувернантка наверняка знала, что билеты у него. Она, разумеется, не могла догадаться, что Тео собирается с ними делать, но лучше было бы оставить ее в неведении и насчет того, где они находятся.

25

Следующие несколько дней были для меня настоящей пыткой. Я лежала совершенно беспомощная, и не только не могла помешать мисс Тейлор в осуществлении ее планов, но даже не представляла, как продвигаются дела у моего помощника. У меня не было никакой возможности связаться с Тео, чтобы узнать, что он предпринял. Возможно, думала я, что на самом деле он не сделал ничего, совсем ничего. Предположим, он обдумал все еще раз, вспомнил увиденное — полубезумную девчонку, растрепанную и в неподобающем виде, которая скрывалась в лесу от преследования гувернантки. А теперь представим, что он сопоставил то, что увидел, с моим рассказом о том, что эта самая гувернантка — призрак, дух ее предшественницы, что она вернулась, желая отомстить нам и похитить моего младшего брата (хоть, правда, не совсем понятно, к чему ей это), более того, что этот дух способен видеть ночью не хуже совы и потому не нуждается в свечах, что он ходит по водам и шпионит за людьми по всему дому с

помощью зеркал. Ничего удивительного, если в итоге Тео придет к выводу, что я просто-напросто сошла с ума. Вполне естественно ожидать этого даже от такого наивного простака, как Тео.

Но с другой стороны, он без памяти влюблен в меня...

Единственным развлечением, доступным для меня в то время, было всячески изворачиваться, скрывая книгу от двух хлопотуний, миссис Граус и Мег, которые так и вились вокруг меня, почти не оставляя одну. Не успевала я уютно устроиться и приступить к чтению, как появлялась одна из них, чтобы разжечь огонь в камине, подать мне питье или что-то вкусненькое, пирожок или печенье, которые Мег пекла специально для меня (при этом она и сама не упускала возможности угоститься). Мне каждую минуту приходилось хватать свое рукоделие и прикрывать им книгу. Читала я урывками, почти как в те *трехполовиностраничные* дни в башне, когда нужно было следить, не появится ли на аллее Тео. Удивительно, как это миссис Граус не замечала, что моя вышивка не продвигается. Возможно, она решила, что я, подражая Пенелопе, ночью распускаю все, что успела вышить за день.

Больше меня беспокоило то, чем занимается эта ведьма с Джайлсом. Если не считать нескольких минут в день, когда они заглядывали ко мне, например после еды, мисс Тейлор не допускала брата ко мне, постоянно держала его в классной. Никакого сомнения, она использовала мое отсутствие, чтобы влить яд в душу Джайлса, настроить его против меня и обольстить лукавыми замыслами. Мне почти не случалось побыть с Джайлсом, а в те краткие мгновения, когда мы оставались одни, я пыталась расспросить его обо всем, но братец умолкал, опускал голову и отводил глаза, чтобы не встретиться со мною взглядом, а потом переводил разговор на другую тему. Хранить тайны братец умел, но того обстоятельства, что тайна существует, скрыть не мог, тем более от меня. *Врагувернантке* явно удалось переманить его на свою сторону, и теперь он участвует в заговоре с ней, а не со мной.

Сейчас я была бессильна и ничего не могла с этим поделать. Прикованная к своей комнате, я, как леди из Шалот,^[11] ожидала появления на подъездной аллее рыцаря Хедли в яркой броне. Но по прошествии четырех дней я увидела в окне не Хедли, а Тео.

Стоило ему только появиться в дверях, я сразу поняла: что-то не так. Тео был так взволнован, что влетел в комнату и хотел что-то выпалить прямо с порога. Я прижала к губам палец и указала на зеркало, напоминая об осторожности. Умерив свой пыл, Тео подошел и присел рядом со мной на кушетке.

— Виделся с Хедли? — шепотом спросила я. — Что он тебе сказал?

Тео с несчастным видом помотал головой:

— До вчерашнего дня я никак не мог попасть в город. У меня опять случился приступ астмы, уже непритворный, я чуть не умер от удушья и до сих пор еще не оправился. Пришлось лежать, наставник не позволил мне выходить. Да я, признаться, и не смог бы — от слабости.

Я нетерпеливо ждала, когда же мы перейдем к делу: астма Тео не вызывала у меня такого живого интереса, как у него самого. Кому вообще интересны чужие болезни? Но вслух я ничего не сказала, не желая показаться бесчувственной. Сейчас, до появления капитана Хедли, Тео был моим единственным союзником.

— Так что было вчера? — зашипела я, но вместо ответа Тео принялся кашлять.

Приступ был особенно сильный, такого я раньше не наблюдала: мальчик сипел, хрипел и вдыхал воздух с таким ужасным скрежещущим звуком, будто кто-то пилил бревно или водил гвоздем по грифельной доске. У меня даже зубы свело от этого *мурашкокожжего* звука.

Тео вынул пульверизатор, впрыснул в рот добрую дозу лекарства, и мало-помалу приступ утих.

— Ну, вчера мне стало лучше, и я сказал, что хочу покататься в экипаже. Наставник не захотел ехать со мной — он вообще не любит гулять, предпочитает проводить жизнь, зарывшись в учебники. В городе я сказал, что хочу зайти к книготорговцу, посмотреть новые книги, а уж оттуда сумел удрать и добрался до полицейского участка.

— Но тебе не удалось повидать капитана Хедли? — Я с трудом удержалась, чтобы не закричать от отчаяния. Ах, если бы я сама могла там оказаться! Уж я бы не оплошала, добилась своего. Впрочем, выяснилось, что я ошибалась.

— Нет, не удалось, я же как раз к этому подхожу.

— Почему же, бога ради? — В моем голосе звучали гнев и раздражение, я понимала это, но ничего не могла с собой поделать. Жизнь моего брата висела на волоске, а Тео сейчас лишал меня последней надежды.

— Да потому что не было его там! — ответил Тео в тон мне — видно, из-за моих придирок даже его кротости наступил предел.

Смягчившись, я подняла палец, потому что, забыв об осторожности, мой друг почти кричал.

Он понизил голос:

— Другой полицейский сказал, что капитан в отъезде, работает над сложным делом. Он в Нью-Йорке и пробудет там примерно месяц.

Слеза покатила по моей щеке. Я была в отчаянии, на каждом шагу меня подстерегали препоны.

— Значит, все зря. Надежды нет, никакой.

— погоди, Флоренс, я еще не все рассказал. Полицейский спросил, по какому делу я пришел, я ответил, что собирался поговорить с капитаном по твоему поручению. Вот тогда-то он передал мне кое-что для тебя — письмо!

— Тише! — опять зашипела я. — Письмо? Да где же оно?

— У меня в кармане, где же еще! Думаешь, небезопасно посмотреть его прямо здесь?

— Минутку, дай-ка мне сообразить... — Я подняла глаза на зеркало. Если Тео подойдет ближе, то это будет выглядеть нескромно и скомпрометирует меня, а к тому же *стеклоглядатай* сразу догадается, что он что-то мне передает. — Скажи, а в каком именно кармане?

— Во внутреннем нагрудном кармане справа. Билеты тоже там.

— Хорошо. Сейчас я заговорю громче, обычным голосом. Тогда ты сделай все, как я скажу, а я суну руку тебе за пазуху и достану письмо. Договорились?

— Конечно! — Тео широко раскрыл глаза, предвкушая, как приятно будет нарушить приличия.

— Тео, — заговорила я в полный голос, — я неудобно лежу, вот-вот съеду с кушетки на пол. Будьте добры, приподнимите меня немного, пожалуйста.

— О да, разумеется, мисс Флоренс, почту за честь быть вам полезным.

Все-таки он безнадежен, совершенно не умеет притворяться! Как бы то ни было, Тео шагнул ко мне, наклонился, взялся за мои локти и притворился, будто поднимает меня. Скользнув рукой ему за пазуху, я нащупала письмо и билеты, вытащила их и, когда Тео отстранился, незаметно засунула трофеи под свое *скучноделие* — пожалуй, во всем доме не нашлось бы вещи, менее интересной для окружающих, чем это шитье. Оттуда, пока Тео еще загораживал меня от зеркала, я умудрилась переместить контрабанду в лиф своего домашнего платья.

Странно, что мисс Тейлор так и не появилась в гостиной, хотя все наше шушуканье и эти странные передвижения не могли не возбудить подозрений у ее шпиона. Это удивляло меня, ведь она знала, что билеты у Тео. Очень, очень странно. Казалось, билеты ее больше не интересуют, и я подумала, что она, вероятно, привела в исполнение угрозу: написала письмо и получила взамен другие. Что ж, если так, мне это на руку, ведь мне билеты нужны были не с целью разрушить ее план, а в качестве доказательства того, что он существует. Могло быть и другое объяснение: мисс Тейлор больше меня не боится, она ведь ничего не знает о моем разговоре с капитаном Хедли и не догадывается, что его визит в Блайт-хаус отнюдь не случаен. В то же время с этой стороны ей и впрямь нечего опасаться — раз Хедли нет в городе, он не сможет вовремя прийти мне на помощь. Ничто не мешает ей беспрепятственно сбежать с моим несчастным братцем.

Тео пробыл у меня около двух часов. Мег, разумеется, тут же захлопотала, и вскоре нам был подан отличный полдник: свежий хлеб, мед и печенье. За мисс Тейлор никто не посылал, и она предпочла не появляться без приглашения. Можно было бы сказать, что мы славно провели время, если бы не ощущение нависшей опасности и не письмо, которое, казалось, вот-вот прожжет дыру в лифе моего платья (ведь до сих пор я не могла его прочитать!). Общение немного осложнялось тем, что приходилось следить, как бы не соскользнуть с *легкомысленничанья* на темы, которые занимали нас на самом деле. Мы то и дело забывали о неусыпном зеркале и испуганно останавливали друг друга на полуслове. Я даже подумала, что хитрость мисс Тейлор, возможно, в том и состоит, чтобы оставить нас наедине и подслушивать, дождавшись, пока наши языки развяжутся.

Хотя мы старались вести себя как прежде, и Тео, по-моему, это почти удалось — и неудивительно, ведь для него все эти страсти с

новой гувернанткой были почти вроде игры, он не мог до конца поверить в серьезность происходящего, — все же между нами ощущалась некая скованность. Причина была во мне, ведь я использовала Тео в своих интересах и в тот день радовалась ему не как другу, а больше как средству скоротать *черепахоползущее* время.

После ухода Тео я в одиночестве поужинала за маленьким столиком. Я даже не могла позволить себе почитать за едой, так как боялась, что попадусь на глаза прислуге. После ужина меня навестил Джайлс, и мы с ним немного подурачились и поболтали. Однако, сказать по правде, сегодня я тяготилась даже обществом брата и не могла дожидаться, когда же ему объявят, что пора в постель, и Джон перенесет меня в спальню.

В конце концов, время, хоть и тянулось томительно, все же прошло — оно всегда проходит, — и Джон доставил меня наверх, в мою комнату. Мэри, как водится, принесла мне ночную сорочку и собиралась помочь переодеться (это стало у нас обыкновением во время моей болезни), но я поблагодарила и отослала ее, уверив, что справлюсь сама. Я боялась, что *хедлиписьмо* может выпасть, когда она начнет снимать с меня платье. Убедившись, что Мэри уже ушла, я переложила письмо и билеты под матрас, переоделась, задула свечу и улеглась под одеяло. Теперь нужно было набраться терпения и дожидаться, пока в комнату не заглянет мисс Тейлор, перед тем как идти спать, назовем это так, хотя сомневаюсь, что она вообще спала по ночам, если учесть ее ночные бдения у Джайлса и все прочее.

После того как гувернантка произвела свою краткую проверку, я лежала в темноте и, так как часы было не разглядеть, отсчитывала время по *крикуханьям* своего ночного друга — совы. Поистине, более ненадежнее часы и придумать трудно. Все же, сочтя, что уже наступила полночь — колдовской час, как называют ее в книгах, — я решила, что теперь уже можно без опаски зажечь свечу и извлечь письмо. Я только о нем и думала все эти долгие часы, потому что не могла даже представить, что же в нем. С чего бы капитану Хедли писать мне? Что он хочет мне сообщить? Я не обольщалась и не питала надежд, боясь что там всего лишь нравоучение — мол, мне нужно меньше читать и забивать себе голову разными фантазиями, а больше интересоваться реальным миром.

Дорогая Флоренс!

Оставляю для вас это письмо, так как долг повелевает мне уехать из города на несколько недель. Хочу уверить вас, что не забыл о деле, которое мы с вами обсуждали. Признаюсь честно, во время нашего разговора я усомнился в справедливости ваших подозрений. К тому же, даже не имея медицинского образования, я заподозрил, что вы не на шутку больны и страдаете истерией. Приношу за это свои извинения, ведь, какими бы фантастичными ни казались ваши подозрения относительно новой гувернантки, они, возможно, небезосновательны. После визита в Блайт-хаус я безотлагательно связался с агентством, указанным вашей гувернанткой, и запросил у них данные на мисс Тейлор.

Во-первых, мне показалось странным то обстоятельство, что она никак не могла узнать о вакансии из объявления по той простой причине, что агентство объявления не давало. Они, собственно, намеревались подобрать гувернантку из тех, с которыми уже ранее имели дело, однако мисс Тейлор в их списках не числилась. Но не одно это насторожило меня. Когда мисс Тейлор явилась в агентство, то не интересовалась работой вообще, а сразу спросила о вакансии в Блайт-хаусе. У дамы, с которой я беседовал, создалось впечатление, будто мисс Тейлор обращалась и в другие агентства, перебирая их одно за другим, пока не наткнулась на то, где ей предложили наконец именно эту вакансию. К несчастью, агентство не проявило бдительности и не устроило мисс Тейлор надлежащей проверки. Уж очень их порадовало, что хоть кто-то согласился на эту работу, не торгуясь из-за жалованья (а ваш дядюшка, судя по всему, был не слишком щедр, назначая его) и не ставя никаких иных условий — таких, как предварительная беседа с детьми и прочее. Неудивительно, что печальные обстоятельства, из-за которых освободилась эта вакансия, отпугнули многих претенденток, а мисс Тейлор ничего не имела против, и агентство с облегчением наняло ее.

Само по себе это еще ничего бы не значило — синица в руке, и все такое. Но когда я немного надавил, в агентстве признались: у них не было других подходящих кандидатур, и они так боялись, что и эта претендентка откажется, что, нанимая мисс Тейлор, удовольствовались представленными ею двумя рекомендательными письмами, не удосужившись их проверить. Находясь в Нью-Йорке, я вчера попытался навестить обоих рекомендателей и убедился, что адреса, указанные в письмах, не существуют. Случись такое с одним из адресов, это можно было бы счесть ошибкой, но два? Это уже не случайность. Здесь что-то не так.

Предлагаю вам показать это письмо миссис Граус. Я полагаю, эта достойная дама должна обратить внимание на мисс Тейлор и поговорить с ней или написать обо всем вашему дядюшке. Не сомневаюсь, что у него возникнет желание разобраться в этой странной истории. Если же в результате подтвердится, что мисс Тейлор и в самом деле воспользовалась поддельными документами, ее безусловно уволят, лишив возможность общаться с вами и Джайлсом.

Надеюсь, мне удалось внести некоторую ясность в этот вопрос.

С наилучшими пожеланиями,
ваш друг
Фрэнк Хедли.

В полном восторге я сжала письмо в кулаке. Наконец-то! В моих руках долгожданное доказательство того, что я не дурочка, не безумное дитя, что наша новая гувернантка не та, за кого себя выдает, — она самозванка, обманщица, фальшивка! Вкупе с парходными билетами это письмо — серьезная улика. Этого достаточно, чтобы встревожить миссис Граус и убедить ее немедленно уволить злодейку, даже не дожидаясь ответа от дядюшки. Мне хотелось танцевать от счастья. Я чуть было не сорвала ткань, которой по вечерам завешивала зеркало, и не закружилась прямо на глазах у злобной ведьмы. Мне больше не было дела до того, знает ли она мои мысли и чувства, ведь я победила! Джайлсу больше не грозит опасность!

С трудом я дождалась наступления утра. Едва забрезжил первый свет, просачиваясь сквозь щели в портьерах, я изловчилась, уселась на край кровати и, с некоторыми трудностями из-за растянутой лодыжки (конечно, такой острой боли в ноге уже не было, но пока я все еще не могла полностью переносить на нее вес тела), сумела снять рубашку и натянуть платье. Когда я закончила переодевание, первый жаворонок залился трелями. Я тут же вспомнила, что миссис Граус поднимается как раз в это время, намного раньше, чем мы с Джайлсом и мисс Тейлор.

Заукромив письмо капитана Хедли и пароходные билеты в лиф платья, я доковыляла до платяного шкафа, вынула из стопки сорочку и запрыгала к двери. Пока я еще не могла ходить нормально, а ползти со скоростью улитки не хотелось, вот и приходилось передвигаться *впрыгскочку*. Я беспокоилась, что шум от прыжков разбудит чуткую мисс Тейлор, но мне посчастливилось: она не вышла из своей комнаты. В коридоре наверху, между моей спальней и лестницей, зеркал не было, так что здесь я чувствовала себя *бесшпионно* и свободно. Доковыляв до лестницы, я села на верхнюю ступеньку, с нее переползла на следующую и так вскоре добралась до низа. Опираясь о столбик перил, я поднялась и поскакала на кухню, где обнаружила экономку, которая завтракала со слугами. Когда я вошла, сидевшие за столом от души веселились, заливаясь смехом, должно быть, над какой-то шуткой. Хохот, однако, смолк, едва они увидели меня. Все в доме были уверены, что я не способна передвигаться самостоятельно, и уж тем более никто не ожидал, что я припрыгаю сюда и явлюсь к завтраку. Завидев меня, миссис Граус всплеснула руками и стала торопливо промокать салфеткой губы, «стирая» с них остатки улыбки. Она явно была смущена: то, что ей приходилось трапезничать со слугами, и само по себе было скверно, а тут еще ее застали за столь панибратским общением с ними.

— Ах, мисс Флоренс, — заговорила экономка, — как же вы беспечны! Вы же отлично знаете, рано вам еще подниматься на ноги и ходить самой. — Заглянув мне в лицо, она осеклась и спросила другим тоном: — Надеюсь, ничего не случилось?

— Случилось, миссис Граус, еще как случилось! Мне нужно немедленно с вами переговорить.

Донельзя встревоженная моим решительным тоном, добрая женщина, забыв о завтраке, вышла из-за стола, а Джон подхватил меня на руки и отнес в ее комнатку. Он уже хотел уложить меня на диванчик, но я вскрикнула: «Нет, погоди!» — и, ткнув пальцем в зеркале на стене, велела поднести меня к нему. Джон обменялся с экономкой многозначительными взглядами, однако он все же сделал то, о чем я просила. Я проворно извлекла из-за пазухи приготовленную сорочку и набросила на зеркало, а Джон снова бросил озадаченный взгляд на миссис Граус. Та в ответ только пожала плечами.

— Не желаю, чтобы она на меня смотрела, — объяснила я.

При этих словах брови простодушного Джона, устраивавшего меня на диване, стали двигаться самым причудливым образом, независимо от воли их владельца.

Миссис Граус махнула рукой, подавая знак Джону оставить нас одних, и, как только он скрылся, обратилась ко мне:

— А кто же это такая «она»? Это что же, кто-то, кто живет в зеркале?

Она говорила покровительственным тоном, притворяясь, будто мои действия кажутся ей вполне понятными и разумными, хотя, конечно же это было не так для любого, кто не знал о происходящем в доме.

— Я о мисс Тейлор, — отвечала я.

Миссис Граус безмолвно воззрилась на меня.

— Я хочу кое-что вам показать... — С этими словами я сунула руку за лиф платья и извлекла свои драгоценности: письмо Хедли и билеты на пароход. Затем я протянула билеты экономке, подошедшей поближе.

— Что это? — осведомилась она, повертев их в руках минутную другую.

— Билеты на пароход от Нью-Йорка до Франции, — коротко пояснила я.

— Ну, это-то я вижу. Но что все это значит? Откуда они у вас?

— Я взяла их в комнате мисс Тейлор.

Экономка уставилась на меня, вид у нее был одновременно встревоженный и изумленный.

— Думается мне, вы не слишком хорошо поступили, милая моя барышня. Не следовало вам этого делать. Не стоило даже входить в ее

комнату, а уж тем более брать то, что вам не принадлежит.

— Вы разве не видите, это же билеты.

Миссис Граус нахмурилась:

— А вы откуда знаете, что это билеты? Вы же не умеете читать?

— Сейчас это не имеет значения. Важно другое: билеты означают, что гувернантка планирует поездку. Билетов два, значит, едет она вдвоем с кем-то еще.

— Поездку?

Воля ваша, но миссис Граус соображала на редкость медленно.

— Ну да, здесь же два билета, для нее самой и еще для кого-то. И взгляните-ка на дату.

Миссис Граус еще немного поизучала билеты.

— Ох, да ведь это же конец следующей недели. Что-то я не пойму. Она мне не говорила, что собирается уезжать. Да как же может она уехать на следующей неделе, если по контракту у нее испытательный срок три месяца, она ведь даже и жалованье не успеет получить.

— Ах, ну теперь-то вы видите, ей наплевать на такие вещи. Она просто хочет сбежать и украсть Джайлса.

— Джайлса? — Теперь миссис Граус совсем запуталась, по ее доброму лицу было видно: она никак не может взять в толк, что происходит. — Да с чего бы ей воровать нашего мальчика? Бессмыслица какая-то.

Она беспомощно посмотрела на меня, а я немного замаялась. Ну не могла же я рассказать экономке все как есть. Что мисс Тейлор и Уитекер — одно и то же существо. Странные манипуляции с зеркалом и так уж подорвали ее доверие ко мне, но не завесить его я не могла — нужно было скрыть наш разговор от назойливых глаз гувернантки.

— Н-не знаю, но я уверена, что она замышляет именно это. Но погодите, это еще не все. Взгляните-ка на это... — И я протянула миссис Граус письмо.

На то, чтобы прочесть его, ей потребовалось довольно много времени. Добравшись наконец до конца, она повторила:

— Фрэнк Хедли. Это уж не полицейский ли капитан?

— Да. Я... Я случайно его встретила в городе, когда мы возили Джайлса к зубному врачу, и поделилась своими сомнениями насчет этой скверной женщины. Как видите, они полностью подтвердились,

она же явно получила это назначение хитростью. А зачем бы ей это понадобилось, не будь у нее дурных намерений?

Миссис Граус еще какое-то время исследовала письмо Хедли, и я наблюдала, как на ее лице медленно проступает понимание, а потом его озарила радость.

— Я так и знала! Я сразу поняла, что с этой дамой не все ладно! Заставить меня есть со слугами, слыханное ли дело! — Экономка поднялась со своего стула, вся ее фигура выражала решимость. — Ну, мы еще посмотрим. Да-да, уж я позабочусь, чтобы вывести ее на чистую воду.

Миссис Граус выскочила из своего кабинетика, оставив меня на диване. Я слышала, как она вошла в маленькую столовую и хлопнула дверью. Видимо, мисс Тейлор и Джайлс там еще не появились, так что я услышала ее удаляющиеся шаги по коридору и вверх по лестнице. Как же мне хотелось узнать, что происходит! Я попыталась привстать и сесть на диване. На мое счастье, миссис Граус так спешила, что оставила дверь открытой. Когда мне наконец удалось сесть прямо и опустить ноги на пол, сверху донеслись голоса, и я *продетективила*, что, видимо, мисс Тейлор и Джайлс направлялись на завтрак, а экономка перехватила их по дороге. Слышно было, что миссис Граус говорит рассерженным тоном, но, как я ни старалась, не могла разобрать ни слова! В следующий миг Джайлс вбежал ко мне в комнату.

— Фло! — завопил он, с трудом переводя дыхание — видно, несся бегом вниз по лестнице. Глаза у него возбужденно блестели. — Скорее, туда! Мисс Тейлор и миссис Граус сцепились не на жизнь, а на смерть!

Тут братик запнулся, вспомнив о моей лодыжке: «Ах да!», и, подбежав ко мне, подставил плечо, чтобы я могла на него опереться. Сейчас он был совсем прежним Джайлсом, настолько непохожим на теперешнего, чужого, каким сделала его наша гувернантка, что глаза у меня наполнились слезами. Братец подставил мне не то плечо, со стороны здоровой ноги. Когда я об этом сказала, он тут же обежал вокруг и встал с нужной стороны.

Сверху слышались теперь возбужденные голоса обеих женщин, они уже перешли на крик, но разобрать слова все равно было невозможно. Мы с Джайлсом только доковыляли до двери и вышли в

вестибюль, как вдруг наверху раздались страшный шум и треск, а потом громopodobный удар — и мы успели увидеть, как экономка кубарем пролетела по ступенькам почти до самого низа, и ее голова со всего маху ударилась о холодные, твердые плитки пола с ужасным звуком. Миссис Граус лежала тихо и совершенно неподвижно.

С помощью Джайлса я доковыляла до нее. Мы оказались у ее тела одновременно с мисс Тейлор, которая с встревоженным лицом, громко топоча, сбежала вниз по лестнице. Тут же подоспели Джон и Мег, услышавшие *грохопадение* миссис Граус.

Мисс Тейлор обвела нас всех взглядом.

— Что-то ее испугало, — заявила она, заглядывая поочередно в наши лица, словно ища в них подтверждения своим словам. — Она замахала руками и... не понимаю, как это случилось, она стояла спиной к лестнице... оступилась и, должно быть, потеряла равновесие, потому что вдруг упала. Я хотела ее удержать, схватить, но все случилось так быстро, и... и... эээ... к тому же, я стояла слишком далеко.

Я увидела, что гувернантка комкает в руке письмо капитана Хедли и билеты на пароход.

Мег стояла на коленях около бесчувственной миссис Граус, положив голову ей на грудь. Вот она выпрямилась и заговорила:

— Сердце бьется, и крови не видно, так что надежда есть. Джон, выводи-ка лошадь да поезжай к доктору Бредли. Постарайся привезти его сюда как можно быстрее. Мисс Тейлор, детям не нужно на это смотреть. Уведите их отсюда поскорей.

— Да... Да, конечно, — прошептала мисс Тейлор, а я заметила, как она спрятала бумаги в карман. — Идемте, дети, идемте.

Осторожно обойдя несчастную экономку, гувернантка хотела, по-видимому, увести нас в классную комнату, но, осознав, что мы не идем за ней следом, обернулась. Увидев, как Джайлс пыхтит, подставляя мне плечо, мисс Тейлор только тут вспомнила о моей лодыжке и вернулась. Джона отправили за доктором, так что отнести меня на второй этаж было некому. Отодвинув Джайлса, гувернантка сама обхватила меня за талию:

— Идем в библиотеку.

Она помогала мне идти по длинному коридору. Мы все молчали. Я так беспокоилась за миссис Граус, что ни о чем другом просто не

могла думать. Эта женщина находилась рядом со мной всегда... или, по крайней мере, столько, сколько я себя помнила. Пусть нередко она вела себя как старая глупая гусыня, зато обладала добрейшим сердцем и всегда была с нами ласкова.

В библиотеке мисс Тейлор усадила меня в удобное большое кресло, а сама принялась расхаживать взад и вперед. Ее лицо — прежде мне доводилось видеть на нем лишь бесстрастную маску или фальшивую улыбку, да иногда еще злобу — теперь было искажено безумной тревогой. Я не могла устоять перед искушением и подлила масла в огонь.

— Это вы ее убили! — заявила я гневно.

Прекратив мерить библиотеку шагами, гувернантка посмотрела на меня:

— Нет! Не говори так. Это трагическая, нелепая случайность. Бедная женщина невероятно разволновалась, потеряла равновесие и упала. Вот и все.

— Вы толкнули ее, вы сущий дьявол!

Джайлс перевел смятенный взгляд с нее на меня:

— Фло, нельзя так разговаривать. Разве могла мисс Тейлор желать зла миссис Граус? Зачем это ей?

— Затем, что это не мисс Тейлор, — ответила я, не сводя с нее глаз.

Она отшатнулась, будто я ее толкнула.

— Не мисс Тейлор? — задумчиво произнес Джайлс, но потом весело расхохотался: — Да будет тебе, сестренка, конечно, это мисс Тейлор, кто же еще?

— Мисс Уитекер! — выпалила я.

Наша новая гувернантка долго смотрела на меня — мне казалось, что так можно смотреть, придумывая объяснения. Наконец она выдавила улыбку и покачала головой:

— Не обращай внимания на то, что говорит твоя сестричка, Джайлс. У нее бывают очень странные фантазии.

Она направилась к камину, вынула что-то из кармана — я знала, это было *хедлписьмо* — и швырнула в пламя. Мне ничего не оставалось, как молча проводить глазами исчезающую в дыму бумагу: вот она вспыхнула, края начали заворачиваться, вот лист сложился, почернел и съежился, а потом осыпался пеплом, чтобы исчезнуть,

будто его никогда и не было. Я снова осталась без улик и без помощников.

Джайлс смотрел то на одну из нас, то на другую, потом пожал плечами:

— Вообще-то, это я придумал, мисс, уже давно. Но теперь я больше так не думаю. Мисс Уитекер была настоящая злока. Она запретила Фло приходить сюда и вообще не разрешала ей брать книги. Вы на нее совсем не похожи.

Мисс Тейлор одарила мальчика ласковой улыбкой:

— Благодарю тебя, милый Джайлс.

— Ой, мисс, и знаете, что еще?

— Что, мой дорогой?

— Мы пропустили завтрак!

Мы проковыляли назад, в маленькую столовую. Миссис Граус все еще лежала у подножия лестницы, слуги боялись ее трогать. Мег позаботилась, чтобы бедняжке было удобнее: подложила под голову подушечку, а сверху набросила одеяло. Было странно видеть неподвижной эту женщину — обычно такую шумную, энергичную и очень деятельную. Я видела, что грудь ее ритмично поднимается и опускается, но никаких других признаков жизни миссис Граус не подавала и никак не реагировала на происходящее вокруг.

Мы едва успели закончить завтрак — точнее, завтракал один Джайлс, потому что я ела почти так же мало, как и гувернантка, то есть почти ничего, — когда услышали, что подъехал доктор. Вскоре после его прибытия мисс Тейлор вызвали, и по тому, как Бредли разговаривал с ней (мы с Джайлсом, разумеется, подсматривали и подслушивали сквозь щелку), было похоже, что доктор считает гувернантку старшей в доме — по крайней мере, так он решил для себя. Доктор Бредли сообщил ей, что у экономки сотрясение мозга и она без сознания. Когда же гувернантка поинтересовалась, какие могут быть последствия, Бредли покачал головой и забормотал:

— Боюсь, пока я не могу дать уверенного ответа, для этого требуется наблюдение. Возможно, миссис Граус очнется отдохнувшей, как после полуденного сна, и никаких дурных последствий не будет. Но может быть и по-другому: она впадет в кому, и тогда последствия будут намного, намного более серьезными. Вот что я предлагаю, сейчас мы с Джоном перенесем ее на кровать и устроим поудобнее. Я буду навещать вас каждое утро, ну, а уж если через два-три дня мы не дождемся улучшения, надежнее будет перевести миссис Граус в окружную больницу. Там ей будет обеспечен надлежащий уход — береженого бог бережет.

Все указания доктора были выполнены должным образом, а после того, как все немного утряслось, мы втроем снова отправились наверх, в библиотеку. Мне было утомительно скакать, но, несколько раз нечаянно оперевшись на больную ногу, я с радостью ощутила, что боль в лодыжке заметно ослабла. Я чувствовала, что завтра уже смогу ходить почти не хромя, но решила пока никому об этом не говорить.

И вот мы устроились в библиотеке — я угрюмо уткнулась в книгу, Джайлс занялся уроками с мисс Тейлор, причем нежничал и ворковал с ней, как будто ничего ужасного в это утро не произошло, как будто его сестра не обвинила гувернантку в убийстве, как будто никто из нас слыхом не слыхивал о каких-то там билетах на пароход. Между тем с недавних пор все в нашей жизни изменилось, все отныне стало по-другому, потому что слуги, последовав примеру доктора, подчинились мисс Тейлор и принялись наперебой обращаться к ней за советами и указаниями насчет хозяйства.

На следующее утро доктор Бредли, как и обещал, подкатил в своей коляске. Он был не один.

— Я встретил этого юного преступника, этого нарушителя режима на вашей аллее, — объявил он.

— Тео! — воскликнула я. Я не смогла удержаться, потому что никогда еще не так не радовалась при виде моего неуклюжего *цапеля*. Капитан Хедли был в отъезде, миссис Граус, присутствуя телесно, пребывала духом неизвестно где, а Джайлс под влиянием злых чар склонился на сторону ведьмы, так что теперь мне совершенно не на кого было положиться, только на соседа.

Мисс Тейлор никак не могла отказать Тео, особенно в присутствии доктора Бредли. Хотя врач и рассердился, увидев, что мальчишка пренебрегает его рекомендациями и разгуливает где ни попадя, вместо того чтобы лежать дома в постели, распекал он его по-доброму, не слишком строго. Тео утащил меня в гостиную, где я немедленно нейтрализовала зеркало с помощью его громадного носового платка.

Я описала Тео все, что на самом деле произошло между экономкой и мисс Тейлор, ведь он знал от доктора только официальную версию, изложенную гувернанткой.

— Обвинять человека в том, что он намеренно столкнул другого с лестницы, — это очень серьезно, — проговорил Тео, задумчиво рассматривая свои большие руки. Он искоса поглядывал в мою сторону, не поднимая головы, и я понимала, что он пытается оценить меня. Мне было ясно: Тео старается рассмотреть во мне ту хорошенькую девочку, в которую был готов влюбиться, однако это представление не выдерживало столкновения с реальностью, ведь видел он совсем другую, странную девицу, которая не то прикидывается, не то сошла с ума от чрезмерного увлечения книгами. — Письмо Хедли сгорело, и ты ничем не можешь доказать, что у нее и впрямь дурные намерения.

— Нет, могу. А пароходные билеты? Я держала их в руках.

— Но ведь теперь они снова у нее. Это не доказательство.

— Ты тоже их видел.

— Да, но...

— Но что, Тео? Ведь ты поддержишь меня, подтвердишь мои слова?

— Конечно, ты ведь знаешь, я сделаю что угодно, лишь бы помочь тебе, Флоренс. Но посмотри на вещи трезво. Двое детей. Ее слово против нашего. Кто нам поверит? Кроме того, к кому мы можем обратиться? Хедли нет в городе, мои родители по ту сторону Атлантики, мой наставник вообще не от мира сего, ему нипочем не справиться с такой опасной женщиной, даже говорить нечего. А миссис Граус на грани жизни и смерти.

— Надеюсь, она скоро поправится, — пробормотала я упрямо. — Она-то, в конце концов, оказалась на моей стороне, на нее я надеюсь больше всего.

— Она — твоя единственная надежда, — шепнул Тео, и от этих жестоких слов у меня сжалось сердце.

27

Оставалось меньше недели до того дня, когда мисс Тейлор осуществит свой коварный план и убежит, прихватив с собою Джайлса. Я и сама *намыслила* некий план противостояния, но было трудно действовать, не зная в точности ее замыслов. О, конечная цель мне была понятна, но я не представляла, как добиться ее на деле.

Больше всего я боялась, что если буду сейчас выжидать и бездействовать, то могу опоздать, ведь в любой миг, в любой час гувернантка могла попросту исчезнуть из Блайт-хауса вместе с моим братцем. Правда, потом я поняла, что она не сможет так сделать по одной причине, имя которой — я. Я ведь знала, на какой именно рейс она приобрела билеты, мне было известно, что пароход отчаливает в полночь пятницы на следующей неделе. Предположим, она умыкнет Джайлса завтра. Прислуга скоро это обнаружит и поднимет переполох. Я могу рассказать Джону о билетах, он съездит в город и сообщит обо всем полиции. Они телеграфируют в Нью-Йорк, и мисс Тейлор будет арестована прямо у трапа парохода.

Разумеется, то же самое она могла проделать не только завтра, но и в любой другой день, вплоть до самого дня отбытия. Даже исчезни она из Блайта-хауса в самый что ни на есть распоследний момент, к тому времени, как они с Джайлсом сойдут с поезда в Нью-Йорке, полиция уже успеет добраться до порта.

Вообще-то, я никак не могла представить, какой у нее план, но одно было совершенно ясно — вплоть до последнего дня я в относительной безопасности, если только не произойдет какая-то случайность и не устранил меня, как это произошло с миссис Граус. Тогда руки у гувернантки будут развязаны, она беспрепятственно выкрадет Джайлса, а никому и в голову не придет искать их на пароходе.

Миссис Граус оставалась моей главной надеждой: если она придет в себя, игра мисс Тейлор будет окончена. Я пыталась заглянуть в спальню к экономке, но наша гувернантка взяла на себя роль сиделки. Каждое утро, дав Джайлсу какие-нибудь задания, она покидала классную комнату и переходила в комнату нашей больной. Она охраняла ее от прислуги, не давала никому приближаться к ней, и

даже велела Мэри принести туда одеяло, чтобы проводить ночи в кресле у ее изголовья.

Мисс Тейлор уже две ночи провела в спальне миссис Граус, расположенной на том же этаже, что и наши с Джайлсом. Я подумала, что сейчас удобный момент, не подвергаясь особому риску, еще раз наведаться в комнату гувернантки. Я занавесила зеркало, как в первый раз, зажгла свечку и приступила к обыску, более тщательному, чем раньше. Я вытащила из-под кровати два чемодана. Первый был пуст, как и в первый раз, зато второй заметно потяжелел. Я нажала на замки, крышка открылась. Заглянув внутрь, я поспешно зажала себе рот, потому что мой пронзительный вопль испугал бы и сову. В чемодане были аккуратно уложены вещи моего братца — полный набор одежды: курточка, брюки, чистая рубашка и белье, которого должно было хватить на несколько дней. Вот оно, подтверждение моих догадок, первое истинное доказательство намерения мисс Тейлор похитить Джайлса. Ноги у меня обмякли и подкосились, пришлось прислониться к кровати, чтобы не упасть.

Должно быть, прошло несколько минут, прежде чем я пришла в чувство и осознала, где нахожусь. Вспомнив о том, что вскрикнула, я забеспокоилась, не услышала ли меня ведьма. Я замерла, но спустя какое-то время пришла к выводу, что все спокойно, и решила продолжить осмотр комнаты. Я тщательно перерыла все и... ничего не нашла. Я надеялась, что сумею снова обнаружить билеты и уничтожу их. Времени на их восстановление оставалось бы слишком мало, так что я могла бы сорвать поездку. Но двух маленьких кусочков картона нигде не было видно. Должно быть, после первого происшествия ведьма их куда-то перепрятала.

Обнаружив *бесследотсутствие* билетов в комнате, я пришла к выводу, что гувернантка постоянно носит их при себе. Я все же проверила ящики стола, но не нашла там ничего, заслуживающего внимания. Ничего нового, все то же, что и при первом осмотре, та же склянка с каким-то снадобьем. Я задвинула ящик и уже собралась снять с зеркала плащ и выйти из комнаты, как вдруг в голову пришла неожиданная мысль. Я вернулась к столику и снова открыла ящик. Вдруг это лекарство имеет какое-то значение, вдруг она собирается как-то использовать его в своих планах? Правда, как именно, я сообразить не могла. Все же я вынула склянку и рассмотрела этикетку,

на ней значилось всего одно слово: ХЛОРОФОРМ. Я повертела ее так и сяк, не представляя, что это за снадобье, но тут заухала сова, и, неожиданно для себя самой, я сунула склянку в карман, потом задвинула ящик, задула свечу и сняла с зеркала накидку.

С бешено колотящимся сердцем я *докоридорила* до своей комнаты. Имело лекарство какое-то значение для их побега или нет, я понятия не имела, но решила, что в любом случае вряд ли уж мисс Тейлор каждый день проверяет, на месте ли оно. К тому же я не входила в ее спальню с той самой ночи, когда взяла там билеты. А поскольку теперь билеты были в надежном месте, ведьма не станет волноваться ни о чем другом, в этом я была уверена. На следующее утро, пораньше, еще до того, как ко мне должна была навеститься прислуга, я пробралась в свою башню и припрятала там склянку.

Через три дня после падения миссис Граус Тео пришел нас проведать. Я сказала ему, что состояние нашей больной остается неизменным. Мы прошли в гостиную, где я сразу завесила зеркало.

Первым делом я сообщила Тео о своей потрясающей находке — комплекте одежды для Джайлса в чемодане гувернантки.

— Это наконец бесспорное доказательство того, что я не ошиблась в своих догадках, — закончила я.

— Черт меня побери, если это не так! — воскликнул Тео, подскочив на стуле с широкой, торжествующей улыбкой. Но тут же лицо его потухло, он снова уселся на свое место. — Флоренс, ты внимательно рассмотрела одежду?

— Ну да, да, конечно, достаточно внимательно, чтобы узнать одежду брата. А что?

— Ты пойми, я сейчас просто проверяю версию на надежность, стараюсь посмотреть на все глазами взрослых скептиков. Возможно, это старые вещи, из которых Джайлс вырос. Может, она приготовила их, чтобы отдать родственникам... — просто предположим! Этому можно найти вполне невинное объяснение.

— О, Тео! — Я пришла в отчаяние. — На чьей ты стороне? Уж не забыл ли ты обо всех остальных доказательствах?

— Хорошо, хорошо! Я просто представляю, что могут сказать на это взрослые. — Но по его лицу я видела, что он все равно сомневается. Кажется, сейчас он согласился единственно, чтобы мне угодить.

После минуты-другой неловкого натянутого молчания я все же заговорила и поведала о том, каков, на мой взгляд, план действий мисс Тейлор.

— Тогда тебе нечего бояться, — подхватил Тео, — она же ничего не продумала как следует. Получается, ты в любом случае успеешь поднять тревогу и помешать ей. Все просто.

— Если только со мной ничего не случится раньше, — ответила я.

Мы снова погрузились в молчание, всесторонне обдумывая эту мрачную мысль.

— Да, Тео, — я вспомнила о лекарстве, — не знаешь ли, что такое хлороформ? Я ничего не нашла о нем в библиотеке.

— Ну, конечно знаю. Это обезболивающее средство. Хирурги и зубные врачи применяют его для наркоза. Пациенты засыпают и не чувствуют боли во время операции. А почему ты спрашиваешь?

Я рассказала о своей находке в комнате мисс Тейлор.

— Очень странно, к чему бы гувернантке хлороформ? — удивился Тео.

— Ну, Тео, ты разве не понимаешь? Это же очевидно! Она собирается испробовать его на мне! Вот это и есть ее план! Она усыпит меня и в это время удерет вместе с Джайлсом. К тому времени, когда я проснусь, они уже будут далеко в море.

— О господи, а ты, похоже, права! — Снова соскочив со стула, Тео вприпрыжку забегал по гостиной. — Именно так она и намерена поступить.

— Тогда все просто, я буду очень внимательна и послежу, чтобы она ничего не смогла добавить мне в еду и питье, и вообще не буду ничего принимать из ее рук.

— Да что ты, Флоренс. — Тео уставился на меня, вытаращив глаза. — Ах, да ты же не знаешь! Хлороформ людям дают не с пищей!

— Нет? А... как же тогда?

— Надо пропитать хлороформом ткань и подержать ее у рта и носа человека, чтобы он вдыхал пары. Миг — и тот падает замертво. Прелесть в том, что, когда пациент начинает просыпаться, ему надо дать еще немного подышать — и он будет спать дальше. Конечно, слишком много давать нельзя, чтобы не убить.

Услышав это, я слегка поежилась:

— Как ты думаешь, Тео, она хочет меня убить?

Тео не ответил, но продолжать расхаживать по комнате. Его взгляд упал на *соглядозеркало*, завешенное его носовым платком. Он долго рассматривал его, потом отвернулся и посмотрел на меня:

— Не знаю, Флоренс.

— Не знаешь, собирается ли она меня убить?

— Нет, я хочу сказать, что все-таки сомневаюсь насчет всего этого в целом. Когда ты говоришь такие вещи... ну, что гувернантка собирается тебя убить... это кажется каким-то... немного фантастичным, как задумаешься... — Он со смехом махнул рукой в сторону зеркала. — Ну, я хочу сказать, женщина, которую ты видишь в зеркалах? Как ни крути, но когда я смотрю в эти же зеркала, то вижу в них только себя. Знаешь, Флоренс, может быть... может быть...

— Тео, у нее билеты на пароход.

— Может, она решила съездить в Европу с кем-то другим, не обязательно с Джайлсом. А что, если у нее есть друг-джентльмен?

— Тогда зачем приезжать и устраиваться здесь на работу? А потом удирать тайком, не дожидаясь жалованья? К тому же она специально старалась получить именно эту работу, а ее рекомендатели выдуманы, эти люди не существуют.

— Ну, может, она решила, что это место так хорошо ей подходит, что хотела заполучить его, пока кто-то другой не перехватит. А может, она подделала рекомендательные письма, потому что ей просто не везло, а она очень нуждалась в месте и гувернанткой прежде никогда не работала.

— Такая бедная и несчастная... так нуждалась, что смогла позволить себе путешествие в Европу?

— А может быть, билеты не для нее. Может, она купила их по чьему-то поручению. Или ей прислал их поклонник. Объяснений может быть сотня.

— Может, может, может... Если бы хоть одно из этих объяснений было похоже на правду.

— А похоже на правду, что умершая гувернантка возвращается в облике другого человека, ходит по воде и живет в зеркалах? — Тео почти кричал, в конце концов он начал задыхаться и долго не мог откашляться. Ему никак не удавалось выудить из кармана свой пульверизатор, но наконец он его вытащил и впрыснул в рот основательную дозу лекарства, после чего кашель стих, а Тео в

изнеможении упал в кресло. Он был весь в поту. Его дыхание походило на скрип пилы.

Мы бы непременно поссорились, но, на наше счастье, услышали, как по аллее едет коляска, а вскоре увидели доктора Бредли, который явился с ежедневным визитом к миссис Граус. Мы вышли навстречу и открыли ему входную дверь. Бросив беглый взгляд на Тео, бледного, с восковой кожей, словно у ошипанного цыпленка, перед тем как его отправят в духовку, доктор закричал:

— Грррхм! Прихожу навестить одного пациента, а должен, кажется, заниматься сразу двумя. Прескверно выглядите, мой юный друг, а если будете по-прежнему пренебрегать моими рекомендациями, это может очень плохо кончиться! К тому же подозреваю, вы забываете о пульверизаторе. А ведь я на вас полагаюсь, помните, я проверяю на вас свое изобретение. Теперь ступайте и посидите спокойно, пока я осмотрю миссис Граус. Я сам отвезу вас домой.

Доктор стал подниматься по лестнице, а мы с Тео вернулись в гостиную, где он рухнул в кресло. Я боролась с собой, чтобы не отчитать его, ведь его недоверие совершенно выбило меня из колеи. Однако я сдержалась, видя, что ему и впрямь нездоровилось.

Через некоторое время мы услышали скрип ступеней и вышли в холл навстречу доктору. Рядом с ним эдаким ангелом порхала мисс Тейлор. Увидев, что я в нетерпении, доктор заговорил:

— Боюсь, состояние миссис Граус не улучшается. По правде говоря, ей даже стало хуже, что меня очень удивляет. Я отправляюсь в город и пришлю за ней карету «скорой помощи», которая доставит ее в больницу — будет лучше, если она побудет там.

Мисс Тейлор лицемерно склонила голову.

— Мне очень жаль, — пролепетала она, — я так старалась...

— О, что вы, что вы, мэм, — прервал ее доктор, — поверьте, я совсем не имел в виду...

Голос его увял, как будто доктор вообще не был уверен, что именно он имел в виду. Он устался на гувернантку, словно внезапно пораженный какой-то мыслью. Я припомнила, как мисс Уитекер несколько раз обращалась к нему с жалобой на мигрень, и решила, что, возможно, мисс Тейлор пробудила в Бредли воспоминания о той, первой гувернантке.

Тео отбыл вместе с доктором, и остаток дня я *пропринцессила* одна в башне, решив, что наша новая гувернантка сегодня слишком занята своей пациенткой, чтобы тратить время на меня. Она наверняка считает, что я в ее руках, беспомощная, как птичка, которая попала в сеть и трепыхается, но не может вырваться на волю. Я выбрала башню, а не библиотеку, отчасти в память о старых добрых временах, когда, кроме чтения книг, меня ничто не волновало, но была и другая причина: отсюда было удобнее всего наблюдать за аллеей. Едва завидев на ней карету «скорой помощи» — громоздкий фургон, который везла четверка лошадей, — я, как могла, спустилась по лестнице и вышла в вестибюль. Мне необходимо было своими глазами увидеть миссис Граус, чтобы понять, в каком она состоянии. Я смертельно боялась, что ведьма задушит экономку, положив ей на лицо подушку, чтобы только бедняжка не выдала ее секреты. Два санитары вынесли миссис Граус на носилках. Она была без сознания, желто-прозрачная, словно восковая фигура или кукла-переросток, совсем как живая, но не подававшая признаков жизни. Когда санитары уже изготовились поставить носилки в фургон, я стремительно рванулась, не дав мисс Тейлор времени опомниться, и поцеловала экономку в губы. К моему облегчению, они оказались теплыми, и, хотя миссис Граус, казалось, никак не отреагировала, я почувствовала несказанное облегчение, убедившись, что она еще жива.

28

Сердце у меня в последнее время билось быстрее, а в животе что-то трепыхалось и скреблось, и я почти потеряла способность есть и спать. И все же, несмотря на это, я и страшилась пятницы, и ждала ее наступления, думая, что именно в пятницу *врагувернантка* сделает свой очередной ход. Хотелось, чтобы этот день поскорее настал, хотя даже при мысли о том, через что мне придется пройти, я каменела от ужаса. Я так устала ждать, что сил больше не было, поскорее бы уж все закончилось. После долгого скрытого противостояния я мечтала встретиться со злодейкой в открытой схватке.

А когда страх так одолевал меня, что хотелось все бросить, убежать и спрятаться, я утешала себя тем, что до пятницы со мной уж точно ничего не случится, а тогда, обнаружив в последний момент, что пропал хлороформ, моя неприятельница вынуждена будет срочно выдумывать что-то новое.

Поэтому я чуть не умерла от ужаса, когда, спускаясь к обеду в четверг, обнаружила в вестибюле Джона, Мег и Мэри, разряженных в свои лучшие воскресные платья, среди корзинок и дорожных мешков. Мег обнимала Джайлса, а Мэри в то же самое время довольно успешно пыталась задушить его своими поцелуями.

— Что происходит? Куда это вы собрались? Вы же не можете бросить нас здесь одних! — заикаясь, спрашивала я.

Позади раздался *шуршелест* шелковой юбки, и в мгновение ока новая гувернантка оказалась бок о бок со мной. Она усмехнулась, глядя на меня:

— Я подумала, что миссис Граус будет полезно, чтобы ее навестили. Доктор Бредли сказал, что в подобных случаях знакомые голоса помогают пациенту очнуться.

Мег ласково потрепала меня по щеке:

— А нам и самим ужас как хочется повидать миссис Граус. Мы ж ее знаем давным-давно, служили с ней вместе и жили тут все эти годы, прямо сил нет, как подумаешь, что она там одна-одинешенька. Я вон две корзины наготовила гостинцев разных, чтоб она, как очнется, ни в чем нужды не знала.

— Но мы с Джайлсом...

— С вами все будет отлично, — сообщила Мег, обмениваясь сияющей улыбкой с мисс Тейлор. — Я и вам гору снеди настряпала, мисс Тейлор знает. Да мы ж только на две ночи, а в субботу к полудню вернемся.

Сердце у меня упало. Будет уже слишком поздно. Им и невдомек, что к тому времени все уже закончится. Такого я не могла себе представить, когда просчитывала ведьмины планы. Она переиграла меня вчистую.

Я поплелась к двери за веселой троицей, а те наперебой шумно благодарили мисс Тейлор, прямо-таки рассыпались перед ней в улыбках и реверансах. Джон впряг лошадь в старенькую тележку, на которой обычно возили провиант из города, и помог женщинам забраться. Это сопровождалось шутками и хихиканьем, потому что Мег никак не могла вскарабкаться сама, и Джону пришлось подсадить толстуху, подставив плечо под ее внушительный зад. Потом он и сам вспрыгнул в телегу, подмигнул мне на прощание и натянул поводья. Мы втроем стояли у дома, глядя им вслед.

Когда тележка скрылась за поворотом аллеи, мисс Тейлор торжествующе посмотрела на меня:

— Ну, вот мы и одни.

Я храбро посмотрела прямо в лицо *врагувернантке*, давая понять, что не собираюсь отступать. Нельзя же было допустить, чтобы ведьма заметила по глазам, что все мое существо леденеет от ужаса, что от паники я теряю голову. Все пропало! Игра проиграна! Теперь мне никто не сможет помочь. Я прекрасно понимала, что у нее все готово для атаки и она может нанести решающий удар прямо сейчас, безотлагательно. Но мне было совершенно неизвестно, какими силами повелевает ведьма. Каким еще злодейским хитростям ее обучили во время краткого пребывания в преисподней?

Но вместо того чтобы немедленно раздавить меня, мисс Тейлор взяла за руку Джайлса:

— Идем, Джайлс. — И они вдвоем вернулись в дом.

Я же почти не могла двигаться. Ноги дрожали, ныла каждая косточка. Я кляла себя на чем свет за то, что оказалась такой мямлей и дала слугам уехать. Нужно было броситься им под ноги, кричать, брыкаться, все рассказать... вот только я отлично понимала, что мне бы никто не поверил. Прав Тео, совершенно прав. Для людей, лишенных воображения, вся эта история чересчур фантастична.

Войдя в дом, я прислушалась, пытаюсь определить, где могут быть гувернантка с моим братом. Я озиралась по сторонам и то и дело резко оборачивалась, не желая быть застигнутой врасплох. Прокравшись по лестнице наверх, я услышала голоса, доносившиеся из классной комнаты. Мисс Тейлор рассказывала Джайлсу сказку.

Я пошла по коридору в обратную сторону, прошла было мимо зеркала, но вернулась и сняла зеркало с крюка. Прижимая тяжелое стекло к груди, я проворно, насколько могла, снесла его вниз. Распахнув ногой входную дверь, я пошла к озеру. Там, на берегу, я положила зеркало на землю и начала неистово прыгать и бить по нему ногами, пока стекло не превратилось в грудку мелких осколков. Раму я зашвырнула в воду.

Затем я сделала то же самое и с зеркалом из верхнего коридора. Третье, которое висело в холле, было прикручено винтами, да и поднять такое большое и тяжелое стекло мне все равно было не под силу. Поэтому я схватила трость из стойки для зонтиков и ударила в

стекло, а когда осколки посыпались вниз, еще аккуратно прошлась набалдашником трости по краям рамы, чтобы там не осталось ни одного кусочка, через который ведьма могла бы за мной шпионить.

Потом взяла метлу из шкафа Мэри и тщательно подмела осколки, чтобы Джайлс не порезался, когда выбежит сюда. Пока я занималась уничтожением соглядатаев, мисс Тейлор не появлялась. Сначала меня это удивило, я-то ждала, что, заметив, как шпионы один за другим исчезают с магической карты, она разъярится и явится сюда. Потом меня осенило: ясно, почему она не бежит ко мне сломя голову, и это еще хуже. Гувернантка считает меня бессильной, ей теперь неважно, где я нахожусь и чем занята.

Теперь, когда она не могла наблюдать за моими передвижениями по дому, можно было присесть и обдумать план действий. Я зашла на кухню, взяла хлеба, печенья и булочек, набрала воды в кувшин, увязала все это в узел и, протащив по длинному коридору, унесла к себе в башню. Башня была единственным местом, где ведьма не могла меня обнаружить, даже Джайлс ничего не знал о ней. Я решила оставаться пока здесь, в безопасности, но была и другая причина — необходимость следить за аллеей, чтобы не пропустить, если вдруг появится Тео. Теперь, когда все меня бросили, сосед оставался моей последней надеждой.

День тянулся долго, но, хотя я постоянно *робинзонкрузила* аллею в надежде увидеть долгожданный корабль под парусом, Тео не показывался. Не хотелось в это верить, но, как ни прискорбно, он, по-видимому, не оправился от давешнего приступа астмы. На этот раз она взялась за него не на шутку, и теперь он не сумеет ко мне выбраться. Придется *армагеддонствовать* против гувернантки в одиночку. Солнце скрылось, стало прохладно, где-то вдалеке перелаивались собаки и заухала сова. Конечно, я не стала зажигать свечку из опасения, что мисс Тейлор может увидеть огонек, если ей вздумается выйти из дому. Однако, по счастью, этого и не требовалось, так как уже наступило полнолуние и башню заливал бледный холодный свет. Я сочла это добрым предзнаменованием — хоть луна была на моей стороне.

Ту ночь я провела, лежа на чердачном люке. Я рассудила, что даже для мужчины, не говоря уж об обычной женщине, трудно будет поднять люк вместе со мной. Разумеется, я помнила, что мисс Тейлор

— не обычная женщина, и не знала, какие потусторонние силы находятся у нее на посылках. Я же своими глазами видела, как она ходила по поверхности озера. Мне не было известно, например, способны ли призраки проходить сквозь стены или это просто глупые рассказы и суеверия. Оставалось лишь ждать и надеяться, что произойдет чудо и гувернантка вообще не догадается о моем убежище.

Ночь наконец-то *отлихорадила*. Должно быть, в какой-то момент я провалилась в сон, потому что, широко открыв глаза, увидела, что яркий белый свет луны уступил место мягкому сероватому рассвету. Вокруг башни с завываниями носился ветер, нагнавший рваных облаков, и те, как испуганные птицы, спешили прочь, подальше от надвигающейся зимы. Когда я попыталась подняться, оказалось, что ноги и руки затекли, а все тело болело и ныло, отчаянно сопротивляясь и не желая встречать грядущий день и все, что он должен был принести с собой.

Я потрясла головой, освобождаясь от этих глупых мыслей, и решительно встала на ноги. Развернув свои припасы, я, хоть меня и мутило, заставила себя прожевать и проглотить четыре или пять печений. Жадно попив из кувшина, я умылась остатками воды. Ледяная вода вернула меня к жизни и придала бодрости. Я была готова выполнить свой долг. Вечером, когда я лежала без сна, мне в голову пришла мысль, как я смогу все устроить, спасти Джайлса и даже, возможно, навсегда избавиться от нашей гувернантки, и старой, и новой. Но чтобы осуществить этот план, нужна была помощь Тео Ванхузера. Я выглянула из окна на аллею, но там не было и тени соседа. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: утро едва началось, рассвет только забрезжил, так что Тео мог появиться у нас никак не раньше чем через час. Я перешла в другой угол своей *башнекомнаты* и внимательно осмотрела заднюю часть дома, флигель и хозяйственные постройки. Очень важно было следить за ними, потому что, если я все понимала правильно, именно здесь ведьма собиралась нанести свой первый удар.

Ждать пришлось долго. Солнце поднялось над горизонтом и неуклонно карабкалось все выше на небо, хотя лишь иногда просвечивало сквозь прорехи в траурно-сером балдахине облаков. В ожидании я расхаживала по башне, поглядывая то на аллею, то на постройки заднего двора. И вот мое терпение было вознаграждено!

Дверь приоткрылась, показалась гувернантка. Плотнo завернутая в плащ, нагнув голову навстречу порывам ветра, она выскользнула через задний ход и направилась к конюшне. Я не теряла времени, открыла люк и в один миг слетела вниз — сначала по ступеням, потом по перилам. Ветер был такой сильный, что чуть не сбил меня с ног, но я наклонила голову и пошла вперед. Дверь в конюшню была открыта. Осторожно сунув голову в дверной проем, я огляделась и увидела гувернантку именно там, где и ожидала: она сняла со стены упряжь и направлялась к стойлу Дрозда. Наблюдать за ней я не собиралась, а повернулась и, теперь уже подгоняемая ветром, побежала в дом. Перепрыгивая через ступеньки, я поднялась, пробежала по коридору и распахнула дверь в классную комнату. Джайлс — он сидел за партой и спокойно рассматривал книжку с картинками — при моем появлении тревожно поднял голову:

— Фло! Ты где была? Ты пропустила завтрак, а вчера не ужинала, и мисс Тейлор сказала, что ты болеешь.

— А я здорова! Пойдем-ка со мной скорее, я тебе что-то покажу.

Братец колебался:

— Ну, не знаю, Фло. Мисс Тейлор велела ее здесь дожидаться. Она... она обещала взять меня покататься.

— Да это всего на минутку, Джайлс. Хочу тебе показать что-то удивительное. Потайное место! Настоящий секрет! Самое лучшее место во всем Блайт-хаусе для игры в прятки. Там тебя никто в жизни не найдет.

— Ну, ладно уж. Но только на минутку! — Джайлс поднялся. Я увидела, что на нем его лучший воскресный костюмчик.

Я повела брата в дальний конец коридора, потом вниз по лестнице, а оттуда к круто поднимавшейся вверх лесенке на башню.

— Ну, — сказала я, — поднимайся.

Мальчуган устался на доски, которыми был заколочен вход на лестницу, потом спросил:

— А как?

— Вот в том-то вся и прелесть. С виду кажется, что это невозможно, так? Ладно, давай за мной.

И я стала подниматься по наружной стороне перил, ставя ноги в промежутки. Оглянувшись, я увидела, что братец наблюдает за мной, широко раскрыв глаза. Не дожидаясь повторного приглашения, он

подскочил и стал карабкаться следом. Я подтянулась, перелезла через перила и втянула за собой Джайлса. Сидя на ступеньках, мы хохотали, как в старое доброе время. Я не волновалась, зная, что мисс Тейлор долго провозится, пытаюсь надеть сбрую на Дрозда и впрячь его в двуколку. Пока опасность нам не грозила.

Отсмеявшись, мы поднялись на ноги и наперегонки побежали наверх. Джайлс опередил меня, но у него не хватило сил открыть люк. Я сама толкнула его, а еще через миг мы оказались в моем тайном королевстве — два властелина, управлявших всем на свете.

— Смотри! — восторженно завопил Джайлс. — Вон там Тео!

Ну, так и есть, по аллее, высоко поднимая ноги, брел к дому наш знакомый *цапель*.

— Где? — спросила я, одновременно вынимая склянку из кармашка платья.

— Да вон же! Вон там! На аллее, ты что, не видишь, Фло?

Я открыла крышечку и плеснула немного жидкости на свой носовой платок.

— Фу, что это так пахнет? — спросил Джайлс и стал поворачиваться, но опоздал — я прижала платок к его лицу, рукой обхватила голову, как тисками, и удерживала, не давая вырваться.

Сначала он трепыхался, а потом обмяк и перестал сопротивляться. Я потихоньку, бережно уложила его на пол, как большую куклу, и наклонилась проверить, дышит ли он.

Удостоверившись, что с ним все хорошо, я устроила спящего поудобнее, подложила подушечку под голову — я ведь не знала, как действует хлороформ, и решила, что если Джайлс будет лежать удобно, то проспит подольше. Кроме того, я совсем не хотела, чтобы, когда он проснется, у него затекли руки или ноги, как было со мной.

29

Уложив и устроив Джайлса, я приподняла крышку люка, потом опустила ее за собой, спустилась вниз и сломя голову пронеслась по коридору. Когда я добежала до входной двери и выглянула в окно, Тео уже стоял перед домом, растерянно потирая лоб. Он явно звонил уже много раз и, не получив никакого ответа, пытался понять, что здесь происходит. Некому было открыть дверь — мисс Тейлор в конюшне никак не могла его слышать. Я обрадовалась, что успела добежать раньше, чем Тео ушел восвояси.

Распахнув дверь, я увидела облегчение и на его лице.

— Флоренс, где же все? Я уж и не знал, что думать, решил, что, может, все поумирали от чумы.

— Тео, — я схватила его за руку, — нельзя терять времени. Мне нужна твоя помощь. Живее!

Сосед замер с огорошенным видом. Я рванула сильнее:

— Идем же!

Мы пробежали вдоль фасада дома и завернули за угол, только не с той стороны, где мисс Тейлор до сих пор возилась в конюшне с меринком. Было далеко за полдень, и солнце уже склонялось к закату, хотя в этот день оно, вообще-то, выглядывало не так уж часто и не очень перетрудилось. Я отвела Тео за старую оранжерею, давно заброшенную и пришедшую в упадок, и указала на то, что составляло основную часть моего замысла.

— Мне нужна твоя помощь, чтобы сдвинуть с места вот эту штуку. — Я показала на старый колодец.

Тео долго рассматривал низкую стенку колодца, деревянные бруски, закрывающие отверстие, и массивные каменные плиты, уложенные поверх досок.

— Это же колодец, — наконец сообщил Тео.

Я начала терять терпение. Времени оставалось все меньше.

— Как ты наблюдателен! Да, да, разумеется, это колодец, что же еще! — Но, увидев его лицо, я смягчилась: — Тео, извини меня, но необходимо помешать ведьме увезти Джайлса, нужно действовать без промедления.

— Но как?

В негодовании я уперлась кулаками в бока. Меня подмывало все ему рассказать, но в глубине души я знала, что он начнет спорить. Я ни под каким видом не собиралась уступить в этом споре и дать себя переубедить. Тео часто цеплялся к мелочам и ужасно боялся сделать что-то против правил. А то, что я задумала, было весьма и весьма против правил! Кроме того, необходимо было спешить. Ведьма могла в любой момент закончить возню в конюшне.

— Сейчас я не могу тебе всего объяснить — времени нет. Прошу, прошу тебя, Тео, помоги!

Не отвечая, он переводил взгляд то на меня, то на колодец.

— Ну и ладно! — огрызнулась я.

Подойдя к колодцу, я ухватилась за каменную плиту и попыталась приподнять ее. Пыхтя и отдуваясь, я с большим трудом сумела приподнять один край на несколько дюймов, но силы оставили меня, и камень упал. Не глядя на Тео, я снова взялась за камень и, задыхаясь, продолжила. Выдержать такое было не под силу джентльмену-янки. Тео бросился ко мне, взялся за камень с другой стороны, и вдвоем нам удалось сдвинуть его и скинуть на землю. Как только мы распрямились, Тео закашлялся, и ему пришлось прибегнуть к помощи флакона с грушей, но, когда приступ прекратился, он с новыми силами бросился в бой. Так, понемногу, задыхаясь и отдуваясь, пыхтя и ворча, кашляя и *пультверизируя*, мы сумели снять пять каменных плит и аккуратно, одну на другую, уложить их на земле.

Потом мы сняли четыре деревянных бруса. Они были легче камней, но после третьего Тео опять начал кашлять, так что четвертый я столкнула сама. Когда все было сделано, Тео заглянул в колодец и присвистнул:

— Фью! Вот это да, настоящая бездна. Он, похоже, и впрямь бездонный...

Я не ответила — чем меньше буду болтать, тем лучше. Молча я взяла соседа за руку и повела за собой вокруг дома со стороны фасада. В дом мы вошли через парадную дверь.

— Ой, а куда же подевалось зеркало? — изумился Тео, глядя на пустую раму.

— Я его расколотила, — гордо сообщила я, — позаботилась о том, чтобы она за мной не шпионила.

— А что ты задумала? — любопытствовал Тео, заинтересованно глядя на меня. — И при чем здесь пересохший колодец?

Прижав палец к губам, я призвала его к молчанию.

— Потом поговорим, — прошептала я, — я представления не имею, где она сейчас. Была на конюшне, но уже пора бы ей там все закончить. Иди за мной... и ни слова больше.

Опасливо заглянув за угол и убедившись, что путь свободен, я повела Тео по длинному коридору, а оттуда вниз, до башенной лестницы. Там я стала карабкаться вверх по перилам. На половине пути я приостановилась и обернулась на Тео — он смотрел на меня снизу вверх. Мне показалось, что от усталости он едва стоит на ногах.

— Ну, что ты стоишь, поднимайся за мной!

Минуту спустя мы были наверху, в башне. Я с облегчением увидела, что Джайлс мирно спит на полу, он ровно дышал и посапывал во сне. Тео вопросительно посмотрел на меня.

— Хлороформ, — коротко пояснила я, указав на склянку и носовой платок. — Побудь здесь и следи за Джайлсом. Если начнет просыпаться, дай ему еще дозу.

Тео взял платок, чихнул, уронил и немедленно раскашлялся. Побледнев как смерть, он сполз на пол и хватал воздух ртом. Опершись спиной о стену, он дрожащей рукой вытянул из кармана свой флакон с грушей и послал очередной заряд себе в рот. После этого ему, кажется, стало немного легче. Тео поставил пульверизатор рядом с собой на полу.

— Тео, ты пока отдохни. Я скоро вернусь! — пообещала я.

Подняв люк, я нырнула в него и пустилась вниз по лестнице. *Прокоридорив* бегом, я распахнула заднюю дверь. Когда я подбежала к конюшне, мисс Тейлор как раз выходила, и я поняла, что ей удалось запрячь Дрозда в двуколку.

— Мисс Тейлор! Мисс Тейлор! — закричала я. — Скорее! Там Джайлс! С ним беда!

Лицо у нее стало бледным, как у трупа — что ж, она и была трупом.

— Какая беда, о чем ты?

— Скорее! — Я развернулась и побежала. — За мной!

Я подняла юбки и пустилась бежать по задворкам вокруг дома, не давая ей времени опомниться. Я чувствовала на шее ее горячее дыхание, она не отставала, но я неслась во весь дух, все мои силы уходили на бег. Добежав, я остановилась, тяжело дыша и не в силах вымолвить ни слова. Дрожащей рукой я ткнула в сторону колодца.

— Джайлс... колодец... я ему говорила, чтобы он не...

Гувернантка поняла мгновенно, подбежала к колодцу и наклонилась над ним, перегнувшись через низкую стенку.

— Джайлс! — звала она. — Джайлс! Отзовись!

Оттолкнув ее, я забралась на колодец, встав на колени и держась за вал, на котором когда-то висело ведро. Так мне удалось дотянуться почти до середины колодезного отверстия.

— Вон он! — закричала я. — Мне кажется, я его вижу! Он шевелится!

— Осторожно, дай мне посмотреть! — Мисс Тейлор потянула меня за ногу.

Я соскочила со стенки, а гувернантка мигом оказалась на моем месте, стоя на коленях и одной рукой держась за вал. Она вытянула шею и напряженно смотрела вниз.

— Где же он? Я ничего не вижу! Джайлс! Джайлс!

Поискав глазами, я заметила лежащий поодаль увесистый сук, схватила его, размахнулась что было мочи и изо всех сил ударила по руке, которой гувернантка держалась за вал. Клянусь, я нанесла удар такой силы, что раздался хруст костей, но ведьма держалась так крепко, так что побелели костяшки пальцев. Я размахнулась еще раз и снова нанесла удар, даже сильнее первого. Снова раздался треск, и пальцы разжались. Отбросив ветку, я навалилась на гувернантку всем своим весом и обеими руками толкнула ее, так что она потеряла равновесие и рухнула в бездонный колодец. Она скрылась, не издав ни звука. Я перехитрила ведьму, как Гензель и Гретель, нанеся один великолепный удар.

Перегнувшись, я заглянула в колодец. Ничего, кроме тьмы, черная бездонная яма, ведущая, должно быть, к самому центру земли. Меня била крупная дрожь, все тело сотрясалось не только от радости и торжества, но и от ужаса. Было страшно, я ведь не знала, насколько сильны бывают духи и какими способностями они наделены. Вполне возможно, что она умеет летать. Схватив деревянный брус, я кое-как подняла его и сумела уложить одним концом на край бездны. Потом взялась за другой конец и пихала до тех пор, пока брус не улегся над колодцем, как раньше. Мне удалось проделать то же самое и с остальными тремя брусами, пока я не закрыла все отверстие. Теперь можно было надеяться, что ведьма не улизнет, не вылетит, едва я отлучусь. Тогда я вернулась в дом. Сначала я прошла напрямиком в комнату *врагувернантки*. Оба чемоданы лежали закрытыми на кровати. Я взмолилась, чтобы они не были заперты на ключ, и мне повезло. Раскрыв тот, в котором лежала одежда Джайлса, я достала и перенесла все вещи в его комнату, смежную с комнатой ведьмы, и уложила их в шкаф. Вернувшись, я открыла второй чемодан. Осмотревшись, я увидела на вешалке плащ, шляпу и сумочку, а все

остальное было уже уложено. В сумочке я нашла деньги и все их забрала. Затем уложила плащ и сумочку в чемодан из-под вещей Джайлса. Как следует застегнула пряжки и снесла оба чемодана вниз и через черный ход к колодцу. К великому моему облегчению, все брусы покоились на своих местах. Значит, ведьма не умеет проходить сквозь стены и она в надежном плену. Приподняв брус за край, я сдвинула его. Сердце бешено билось, я боялась, что вот сейчас снизу, как джинн из бутылки, на меня с воем бросится призрак, но ничего не произошло, было тихо. Я просунула в щель сначала один чемодан, потом сбросила за ним второй. Положила брус на прежнее место и отправилась в башню.

Когда я просунула голову в люк, Тео сидел там, где я его оставила, и бутылочка с пульверизатором стояла рядом на полу. Вид у него был болезненный, кожа влажная и восковая, как у ошипанного цыпленка, дышал он трудно и со свистом, будто кто-то работал напильником. Но я сразу поняла, что случилось еще что-то: Тео смотрел на меня как-то странно, со смесью ужаса и какой-то брезгливости.

— Тео, бедняжка, я вижу, что тебе совсем худо, — заговорила я, — но мне опять нужна твоя помощь, прямо сейчас же.

— Очень хорошо. — Его голос звучал тоже странно, как во сне, будто он не вслушивался в то, что я говорю.

С усилием он кое-как поднялся с пола и полез за мной в люк. Взглянув на Джайлса, я убедилась, что он по-прежнему тихо спит, и мы стали спускаться.

Дважды Тео оступался и чуть не падал, ему стоило большого труда перелезть через перила, но я уговаривала его, умоляла не бросать меня сейчас. Потому что первое, о чем меня спросит по возвращении Джон: кто это снял с колодца камни?

Я поддерживала Тео, помогала ему идти, как будто теперь это уже он повредил себе лодыжку. Наконец мы добрались до колодца. Я увидела, что бруски, к счастью, лежат, как лежали.

— Помоги мне поднять камни, — повернулась я к Тео.

Ни слова не говоря, с окаменевшим лицом, будто мертвец или автомат, он нагнулся и взялся за первый камень в уложенной нами куче. Я взялась с другого края, и мы стали его поднимать. Это оказалось намного, намного труднее, чем сбрасывать камни вниз. Теперь нам приходилось поднимать их, отрывая от земли. Мне

казалось, что я-то наделена сейчас силой ста мужчин, от возбуждения и радости, бурлившей в моей крови. Но Тео был, к сожалению, не более чем худосочным, дрожащим мальчишкой. Тем не менее он мужественно взялся за дело, хотя от натуги ужасно гримасничал. Так мы уложили-таки первую каменную плиту поверх брусьев. Не успели мы закончить, как Тео принялся кашлять, как будто до этого сдерживался изо всех сил. Он хлопал себя по карманам, но все никак не мог найти спасительный пульверизатор. Содрогнувшись, он кое-как овладел собой и сумел ненадолго унять кашель. Мы взялись за вторую плиту. Когда и она была водворена на место, Тео снова закашлялся, и кашлял беспрерывно, но я его подбадривала. Мне казалось, что прошла вечность, но наконец мы уложили три плиты. Однако, когда мы нагнулись и начали укладывать на колодец последнюю, четвертую, Тео внезапно зашатался и выпустил свой край из рук. Весь вес камня теперь пришелся на меня, от неожиданности я чуть не уронила его себе на ноги. Можно не сомневаться, он раздробил бы мне кости — так внезапно Тео разжал руки. Но я успела собраться и, навалившись на край всем телом, со сдавленным криком, вложив все силы в это движение, вдвинула камень на место.

Тео между тем заходился в кашле, он уже не мог вздохнуть.

— Тео, впрысни же лекарство, скорее! — крикнула я.

— Не могу... — Он втянул в себя воздух с ужасным хрипом и свистом. — Я его оста... оста...вил... там... в баш... не...

Я подставила ему плечо и, обхватив за пояс, повела к дому. Мы вошли через задний ход и почти добрались до подножия башни. Тихонько, бережно я опустила его на пол и помогла прислониться к стене:

— Подожди здесь, Тео, я сбегаю за твоим лекарством.

Я взобралась на перила, налегла на них грудью, чтобы перевалиться на ту сторону, и приостановилась, чтобы взглянуть, как там Тео. Бледный, обмякший, он сидел у стены, не кашляя больше, но тяжело дыша, как после долгого бега. Он напомнил мне рыбку, которую, выловив, бросают на траву, и она хватает воздух ртом. Я отвернулась и побежала по лестнице вверх. В *башнекомнате* я первым делом схватила пульверизатор, а по пути взглянула на Джайлса, он по-прежнему дышал ровно и глубоко. Я уж собралась спускаться вниз,

как вдруг почувствовала укол беспокойства, хотя не сразу поняла, что меня встревожило.

Вот что это было: я не могла понять, почему Тео встретил меня так странно, когда я вернулась в башню. Откуда этот страх в глазах и какая-то обреченная покорность, с которой он пошел за мной и помогал закрывать колодец? Что это может означать?

Повинуясь внезапному порыву, я пересекла комнату и выглянула в заднее окно. Отсюда был виден колодец, виден превосходно и отчетливо. Я поняла, что совсем недавно Тео тоже стоял здесь. И поняла, что он все видел. Я знала Тео. Возникни у него хоть малейшие сомнения относительно мотива моих действий, он бы начал возмущаться или увещевать меня. Он отказался бы мне помогать. Было совершенно ясно, почему он этого не сделал. Из-за страха, который я увидела в его глазах. Он решил покориться и делать все, что я велю, потому что это самый простой и безопасный способ обращения с сумасшедшими. Тео счел увиденное проявлением моего безумия. А это означало только одно: едва выбравшись из Блайт-хауса, он сразу же меня выдаст.

Я пролезла в люк и спустилась по лестнице. С верхней ступени последнего пролета я посмотрела вниз на Тео, прозрачно-бледного, как свеча. Жизнь уходила из него с каждым вздохом.

— Флоренс, скорее, — прохрипел он, — прошу, скорее!

Я не двинулась с места.

Он продолжал умолять:

— Прошу, Флоренс! Что ты стоишь там, иди же сюда.

Я стояла, не шелохнувшись, и смотрела на него, охваченная леденящим ужасом. Видя, что я замерла, точно статуя, Тео попытался сам встать мне навстречу, но упал ничком, лицом на пол. Я бросилась к нему, решив, что все кончено, но его тело изогнулось, и вдруг он рывком поднялся. Тео стоял, опираясь на локти и колени, как собака, бессильно свесив голову между рук.

— Флоренс... — Голос его царапал воздух, как ржавая железка, и мне казалось, будто это мне режут душу тупым ножом. — Флоренс...

Оттолкнувшись обеими руками, Тео кое-как выпрямился. Он сумел поставить левую ногу и теперь стоял, опустившись на одно колено, словно воздыхатель, который объясняется в любви, только сказал он совсем другое:

— Флоренс, не делай этого! Я ничего не видел! Я никому не скажу ни слова.

Чтобы выговорить это, потребовалось неимоверное усилие, и Тео так страшно закашлялся, что у меня у самой внутри все заболело. Все же, уж не знаю, откуда брались у него силы, он поднялся на ноги.

Шатаясь, Тео побрел к лестнице. Я отступила и прижалась к стене, в ужасе глядя, как он приближается. Вот он добрался до лестницы и рухнул к ее подножию, но в последнем усилии схватился обеими руками за перила, а потом, после передышки, подтянулся и снова выпрямился.

— Флоренс... — Голос Тео зубьями пилы прошелся прямо мне по сердцу.

Я не отвечала, он поднял ногу и поставил ее в проем между столбиками перил. Он подтянулся на руках из последних сил и поставил на перила вторую ногу. Обвиснув всем телом на перилах, он протянул ко мне костлявую руку:

— Флоренс, умоляю, отдай мне его!

Я впечаталась в стену и убрала за спину руку с флаконом. В немом ужасе следила я, как Тео поднимает дрожащую ногу, будто пьяный, пытающийся оседлать коня, как после двух или трех неудачных попыток он все же закинул ее через поручень. Вот, оттолкнувшись другой ногой, он лег животом на перила. Так он лежал, свесив руки и ноги по обе стороны перил, и пытался отдышаться. Он хотел что-то сказать, но слова булькали и умирали на губах. Он сделал последний судорожный вдох... И больше ничего не было, только тишина. Бедный Тео, бедный мой мальчик-цапля, с каким изяществом летал он по льду замерзшего озера. Бедный, бедный Тео, он никогда больше не встанет на коньки.

30

Главной трудностью было спуститься вниз, не потревожив Тео. Его внезапная смерть у меня на глазах совсем не входила в мои планы, но теперь, когда все уже было конечно, я поняла, что так и должно было случиться. Честный, открытый, этот мальчик нипочем не сумел бы сохранить мою тайну. Нагнувшись над Тео, я приложила ухо к его боку. Ни единого звука не вырывалось из этих несчастных, истерзанных легких. После стольких мучений они наконец получили благословенную возможность отдохнуть. Я немного приподняла

голову своего несчастного друга и прижалась губами к его губам, подарив ему настоящий поцелуй, которого он так отчаянно добивался, но так и не получил при жизни. Все было сделано очень быстро: я не могла больше терять время. Я сунула флакон с резиновой грушей в карман его курточки и поднялась на несколько ступеней. Там я перелезла через перила. Спуститься по ним, как обычно, донизу я не могла, из-за лежащего на пути Тео. Я не хотела сбрасывать его вниз, потому что в голове уже созрел план, для которого необходимо было, что бы он лежал здесь. Я повисла над полом, на высоте не меньше десяти футов, и мне ничего не оставалось, как только спрыгнуть вниз. Глубоко вдохнув, я крепко зажмурилась и прыгнула. Приземление оказалось жестким, а правая лодыжка, та, которую я недавно повредила, болела так, что я испугалась, не сломала ли ее. Я страшно боялась опереться на эту ногу — случись что, я окажусь в ловушке и не смогу объяснить, что здесь произошло. Собравшись с духом, я медленно, осторожно перенесла вес на правую ногу и с облегчением почувствовала, что, несмотря на боль, могу ходить.

К этому времени уже стемнело, зато небо, на мое счастье, очистилось, только несколько облачков осталось, и полная луна освещала все вокруг. Доковыляв до сарая, я отыскала тачку Джона. Через задний ход я вкатила ее прямо в дом, а там по коридору к подножию башни и к лестнице, прямиком под Тео. Подбравшись с наружной стороны перил, я потянула его вниз, и он свалился прямо в тачку, мягко и тяжело, как мешок картошки. Спустилась и я, взялась за ручки тачки и взмолилась про себя, чтобы только мне удалось с ней справиться. Я ведь не знала, под силу ли мне будет сдвинуть ее с места с Тео.

Еще один глубокий вдох, я налегла на ручки и удивилась: казалось, веса в нем не больше, чем в воробышке. Толкая тачку по коридору и из дома через заднюю дверь, я все дивилась, каким же тщедушным и хрупким сделала Тео его болезнь. Да, он был высоким мальчиком, но не крепышом, и сейчас это оказалось мне на руку. Я втолкнула тележку в сарай и по наклонной плоскости вкатила ее на платформу, с которой, я знала, Джон выгружал сено, корм для кур и прочие тяжести. Толкать тележку вверх оказалось трудно, даже с таким легким грузом, каким был Тео, но я нагнула голову и с разбегу одолела подъем буквально в несколько мгновений. Оставив наверху тачку

вместе с ее содержимым, я побежала в конюшню, расположенную рядом. Там в стойле терпеливо дожидался Дрозд, впряженный в двуколку. Взяв мерина под уздцы, я погладила его и, ласково нашептывая, отвела к сараю и поставила так, чтобы двуколка оказалась под погрузочной платформой. Продолжая нежно приговаривать, чтобы успокоить Дрозда, я забралась в двуколку и подтянула ее под край платформы. Потом соскочила, опять влезла на платформу, развернула тачку и, пихнув изо всех сил, наклонила, так что Тео соскользнул в двуколку.

Минуту-другую я пыталась отдышаться. Колени дрожали, я вся взмокла. Я заметила бочонок с яблоками, взяла одно и угостила Дрозда. Когда мерин сжевал угощение, я еще раз поднялась на платформу, вывезла тачку и поставила ее на место в сарай, туда, откуда взяла.

Покончив с тачкой, я вернулась напрямик в башню. Джайлс не просыпался, но начал шевелиться и что-то тихонько бормотать. Смочив платок хлороформом, я дала ему новую порцию, но на этот раз держала платок совсем недолго, боясь, как бы доза не оказалась слишком большой. Постояв около него несколько минут и убедившись, что малыш дышит свободно и ровно, я спустилась вниз, добежала до комнаты гувернантки, чтобы забрать деньги и еще одну вещь, которую взяла из ее сумки. Заглянула по дороге к себе в спальню и прихватила черный плащ.

Набросив его, я вернулась в сарай, взялась за уздечку и вывела Дрозда во двор; усевшись на место кучера, я тронула поводья, и мерин послушно затрусил по дорожке. Ветер стих, наступил вечер, холодный и ясный, лунный свет указывал мне путь, освещая окрестности почти как днем. Дрозд, конечно, знал дорогу в город, ведь он, пожалуй, больше никуда и не ездил, так что я могла отдохнуть, сидя на козлах. Доехав до поворота к имению Ванхузеров, я повернула и, проехав с полдороги, остановилась. Подъехать ближе я не решилась, опасаясь, что учитель Тео или их слуги услышат конский топот.

Я развернула Дрозда так, чтобы задок двуколки был обращен к лесной опушке, и перебралась в повозку. Почему-то сейчас Тео показался мне куда тяжелее, чем час с небольшим назад, когда я в тележке поднимала его на платформу. А может быть, после всего случившегося меня просто оставили силы: только чтоб подтащить тело

к задку повозки и перекинуть через край, мне пришлось изрядно повозиться. Все это время сердце у меня выскакивало из груди, так я боялась, что кто-то выйдет и увидит нас. Время было уже позднее, и я понимала, что Тео давно уже должен был явиться домой к ужину. Слуги наверняка хватились, начали искать молодого хозяина; если меня здесь обнаружат, то мне несдобровать.

Но вот наконец дело сделано. Я так устала, что готова была лечь прямо здесь же и немедленно заснуть, но понимала, что это невозможно. Поэтому я кое-как взгромоздилась на козлы, натянула поводья и хлестнула Дрозда. Выбравшись на большую дорогу, я вздохнула с облегчением: чем дальше я сейчас от Тео, тем лучше.

Становилось все холоднее, и меня била дрожь, даже плащ не спасал. Подморозило, дорогу схватило льдом, так что колеса двуколки время от времени соскальзывали с колеи весьма опасным образом. Большого опыта в управлении экипажем у меня не было, Джон всего несколько раз брал меня с собой покататься, и сейчас я боялась ехать слишком быстро, хотя и знала, что лошади, даже по ночам, могут нестись как ветер. На дороге мне никто не встретился, кроме одной фермерской повозки. Завидя ее издали, я глубже надвинула капюшон, чтобы нельзя было рассмотреть лица. Фермер не стал заговаривать, только приподнял шляпу в знак приветствия, на что я ответила молчаливым кивком.

Потом я осталась на дороге одна, лишь луна составляла мне компанию, да еще летучие мыши, которые с писком проносились мимо. От страха меня мутило, как от слишком жирной пищи, но боялась я не ночи — она была моим союзником, — а того, что мне еще предстояло исполнить, и того, что, как я опасалась, могло у меня не получиться.

Наконец впереди показались огни, по мере приближения их становилось все больше. Через несколько минут я въехала на окраину городка и миновала первые домики. Свернув направо, я извлекла из-под сиденья предмет, взятый из комнаты мисс Тейлор, — ее шляпу. Я сняла капюшон, поглубже натянула шляпу и опустила на лицо густую вуаль. На центральной улице я выглядела в точности так же, как мисс Тейлор в тот памятный день нашего визита к зубному врачу. Навстречу попадались люди, но их было немного — в такой поздний час куда приятнее сидеть дома и греться у очага, подумала я с тоской. У самого

поворота к вокзалу я запуталась в поводьях и никак не могла заставить Дрозда свернуть, и мы чуть было не проехали мимо.

— Тпру, не балуй! — прикрикнула я и дернула поводья, пытаюсь остановить его.

Добрый старый мерин послушался и встал как вкопанный. Я соскочила, снова взяла его под уздцы и повернула в нужную сторону, а потом снова вскочила на козлы и тронула вожжи. Через несколько минут мы уже подкатили к вокзалу.

Тишины как не бывало. Кругом царила толчея, одни люди с чемоданами и баулами направлялись к станции, другие выходили, покрикивали носильщики с тележками, туда-сюда сновали экипажи и повозки. Я услышала лязг металла, а когда подошла поближе к станции, увидела вырывающуюся струю пара: впереди, словно гигантский дракон, стоял локомотив с вагонами, и к ним тянулся длинный хвост из пассажиров и тележек. Кричали люди, громко хлопали двери, слышалось ржание лошадей. В первый миг я испугалась, но потом увидела, что никто не обращает на меня внимания — я была одной из множества подобных в этом людском потоке, — и сообразила, что это дает мне преимущество. У коновязи я остановила двуколку и привязала Дрозда. Куда идти, я знала: запомнила еще с прошлого года, когда мы провожали Джайлса в школу. Не озираясь, я уверенным шагом прошла по перрону прямиком в кассовый зал, пробралась через толпу людей, многие из которых прощались с близкими, и оказалась у окошка кассы. Окошко было закрыто.

Я осмотрелась. Ко мне подошли мужчина с дамой. Мужчина держал ковровый саквояж — очевидно, они собрались ехать на поезде. Взглянув вверх, на вокзальные часы, я прямо обмерла: до девяти оставалось жалких десять минут. Если не поторопиться, можно опоздать на курьерский, который, как я знала, отбывал ровно в девять.

Мужчина и женщина встали у меня за спиной в очередь к кассе. Я почувствовала их нетерпение. Женщина просунула голову над моим плечом.

— Нужно постучать в стекло, — обратилась она ко мне и сама ударила несколько раз костяшками по стеклу окошка.

Окошко, как по волшебству, отворилось, и передо мной оказалась круглая голова лысого человечка.

— Да, мэм?

— Один билет на девятичасовой курьерский до Нью-Йорка, пожалуйста.

— Обратный билет вам потребуется, мэм?

— Нет. — Голос сорвался, и я громко прочистила горло. — Только в одну сторону. Возвращаться я не планирую.

Человечек протянул мне билет, и я заплатила ему из денег, взятых из сумочки мисс Тейлор. Не успела я отойти, кассир сразу же заговорил со стоявшим за мной мужчиной, а обо мне, кажется, никто уже и не вспоминал.

Из кассового зала я вернулась на перрон. Когда проходила мимо поезда, локомотив с шипеньем и свистом выпустил струю пара, совершенно окутав меня облаком, чему я порадовалась и мысленно поблагодарила за помощь: он напомнил мне, что следует быть осторожнее и не лезть на глаза. Я прошла вдоль всего состава, от хвоста к голове, с трудом сохраняя внешнее спокойствие, потому что локомотиву явно не терпелось пуститься в путь, он в нетерпении «бил копытом» и, разогреваясь, фыркал и пыхтел все громче. У первого вагона я увидела группу из шести или семи человек, которые по лесенке взбирались в поезд, и решительным шагом направилась к ним. Заметив меня, один из них оттолкнул другого мужчину в сторону и, сдергивая с головы шляпу, показал мне на ступеньки:

— После вас, мэм.

Я поблагодарила сдержанным кивком и поднялась по лесенке. Вагон был почти полон, потому что поезд ехал издалека и до нашего городка останавливался во многих местах. Я шла по проходу, поглядывая по сторонам, как будто искала место. В конце вагона навстречу мне поднялся человек в кричащем клетчатом костюме и шляпе-котелке, он поспешно стащил саквояж, который стоял на соседнем месте, и обратился ко мне:

— Вот свободное место, мэм.

Я не знала, что делать, что ему ответить: мне не нужно было место, я ведь не собиралась уезжать, но нельзя было и пройти, не удостоив его ответом. То, что я заколебалась и приостановилась, могло дорого мне стоить, доложу я вам. Быстро собравшись с мыслями, я кивнула в знак благодарности, помахала рукой, отказываясь от предложения, и прошла в конец вагона, как будто собиралась пройти в

следующий в надежде найти местечко получше. Я не планировала заходить в другой вагон, а хотела поскорее убраться восвояси. Однако по проходу навстречу мне шли дамы, пришлось посторониться и дать им дорогу.

Наконец мы разошлись, и я уже приготовилась спуститься по лесенке, когда за спиной вдруг раздался голос:

— Поверьте мне, мэм, в остальных вагонах народу не меньше.

Обернувшись, я обнаружила все того же *ярко-клетчатого* джентльмена. Он снял с головы котелок и плотоядно смотрел на меня. Я замерла в нерешительности, поняв, что попала в западню. Внезапно раздались оглушительное шипение и свист, локомотив выпустил новую струю пара. Поезд содрогнулся, и мне пришлось ухватиться за что-то, чтобы не упасть.

— Я... я...

— Ну же, мэм, смелее. Я не кусаюсь, чесслово.

— О, конечно, я вам верю, — вдохновенно заговорила я. — Но, видите ли, я вовсе не ищу свободное место. Я иду за своим чемоданом, я оставила его... там, через два вагона отсюда.

— Ну, мэм, так я с радостью помогу вам. Вы только опишите, какой у вас багаж, я за ним сбегая.

Поезд снова дернулся.

— Вы его сразу заметите, это очень заметный чемодан, он, видите ли, красного цвета. Ярко-красный бархат. Я оставила его на последнем сиденье через один вагон отсюда. Я... я прощалась с сестрой... и, знаете, так была огорчена расставанием, что пошла куда-то и забыла обо всем на свете. Ну что я за простофиля! А вы и правда так добры, что можете принести его мне?

Нахлобучив котелок на голову, он коснулся его рукой:

— С удовольствием, мэм. А вы благоволите пройти вот сюда, чтобы место тем временем не заняли, — я мигом вернусь с вашим чемоданчиком.

Не успел он скрыться в соседнем вагоне, как поезд зашипел, дернулся, раздалось громкое лязганье металла, и в открытую дверь вагона я увидела, что билетная касса проплыла мимо. Я огляделась — на меня никто не смотрел. Я сняла шляпу, сунула под мышку, спустилась по ступенькам и остановилась на самой нижней. Поезд набирал ход — если я не решусь и не спрыгну прямо сейчас, будет

слишком поздно. Я прыгнула и сумела устоять на ногах — вот и прекрасно, мне совершенно не хотелось привлечь к себе внимание.

На платформе все еще былолюдно, местные жители прощались с отъезжающими, всюду сновали носильщики. Укутавшись в плащ и накинув на голову капюшон, я поспешила прочь, на этот раз не через кассовый зал, а кругом, невольно улыбаясь при мысли о том, как *пестроклеточный* рыщет в поисках красного бархатного чемоданчика, найти который ему не суждено. Разумеется, если бы мисс Тейлор и в самом деле села на поезд, чемодан у нее обязательно должен был быть, но я же не могла оставить багаж в поезде, чтобы его там нашли: возникли бы лишние подозрения. Оставалось надеяться, что свидетели, запомнившие женщину в шляпе с вуалью, не обратили внимания, был ли при ней багаж.

Выйдя с перрона, я бросила прощальный взгляд на Дрозда и двуколку. Старый наш добрый мерин спокойно стоял там, где я его оставила. Бедняге предстояло провести долгую ночь на морозе, от мысли об этом на глаза у меня навернулись слезы, жаль было Дрозда и стыдно, что ему придется вытерпеть все это по моей милости. Мне вспомнился и Тео, лежащий на холодной земле, с обледеневшими волосами, и, признаюсь, я пролила несколько слезинок, думая о нем.

Путь, который я так быстро проделала на двуколке (хотя, будучи неопытным возницей, старалась не гнать и ехать помедленнее), теперь, когда я шла пешком, растянулся на целую вечность. Прошло добрых двадцать минут, а я еще только добралась до окраины города. Я валилась с ног от усталости, потому что в это время обычно уже лежала в постели, а также и из-за всего, через что мне пришлось пройти в этот день: я, надрываясь, снимала тяжеленные камни и брусья с колодца, а потом водружала их обратно, таскала несчастного Тео, бегала, стараясь везде поспеть. Теперь же при одной мысли, что мне предстоит пройти десять миль или около того, колени делались ватными.

Вокруг было безлюдно, я вздрагивала от каждого звука. Каждое *совоуханье* заставляло подпрыгнуть, а при виде пролетающей над головой летучей мыши я невольно приседала. Раз-другой, завидев карету, я сбегала с дороги и пряталась за деревьями. То и дело я оступалась и падала, больно стучаясь коленями и обдирая руки. Снова

поднялся ветер, а последние несколько миль он дул мне прямо в лицо, словно хотел помешать.

Но хуже всего мне приходилось из-за безумной тревоги. Я внезапно оказалась в своем плане слабое место, из-за которого вся комбинация находилась на грани срыва. И поделаться с этим я ничего не могла. Увидев, что Тео вовремя не пришел домой, его наставник и слуги неизбежно должны были выйти на поиски пропавшего ребенка. Не обнаружив мальчика возле своего дома, они, что вполне логично, направятся в Блайт-хаус, зная, что он там частый гость.

Я лихорадочно соображала. В каком положении я оставила Тео и где именно? Очевидно, люди Ванхузеров не пойдут в Блайт-хаус по короткому пути через лесок: в темноте это невозможно. Значит, они должны выйти по подъездной аллее на большую дорогу. Я понадеялась, что на аллее они сразу же наткнутся на тело. Но, даже зная, что Тео упал у обочины аллеи, я не могла вспомнить, достаточно ли близко он лежит. Если он находится слишком далеко, его могут просто не заметить в потемках, а тогда в поисках своего хозяина слуги доберутся до Блайт-хауса, погруженного во мрак, начнут стучаться в дверь и, не получив ответа, поймут, что ни прислуги, ни меня дома нет. Это их наверняка удивит, они же не знают, что всех слуг отослали из дому под благовидным предлогом. У них неизбежно возникнет мысль, что в Блайт-хаусе что-то случилось, что это, возможно, как-то связано с отсутствием Тео, потому что его пропажу и исчезновение всех обитателей Блайт-хауса едва ли можно счесть простым совпадением. Если же я наткнусь на них по пути домой, то не сумею объяснить, где и зачем была.

Я совсем выбилась из сил, и настал момент, когда я уже готова была махнуть на все рукой, просто лечь и уснуть прямо там, где стою, — и пусть меня найдут, пусть сделают со мной что хотят, мне было уже все равно. Но тут, подняв голову, я увидела слева от себя, всего в нескольких сотнях ярдов, трубы высокого дома за верхушками деревьев. Я поравнялась с имением Ванхузеров! До дому мне оставалось не больше получаса ходьбы.

Мысль о Блайт-хаусе, о Джайлсе и о том, что теперь наконец-то мы снова заживем по-прежнему, подстегнула меня. Я прибавила шагу и с бешено бьющимся сердцем пробежала мимо поворота на ванхузерскую аллею, каждый миг страшась наткнуться на слуг,

которые ищут Тео. Но мне никто не встретился. Я оступалась и спотыкалась на каждом шагу, ноги уже почти не держали меня, и к тому времени, как я добралась до нашей подъездной аллеи, казалось, что прошла целая вечность. Но вот наконец и она! Я проковыляла по ней, черпая силы в мысли о том, что дом так близко. Очутившись в доме, первым делом я добрела до кухни, налила стакан молока, отрезала ломоть хлеба, толстый кусок сыра и, присев у кухонного стола, жадно проглотила все это, как будто ничего не ела много дней, да, собственно, так оно и было на самом деле.

Просидев так с полчаса, я почувствовав, что веки тяжелеют, и сказала себе: нужно вставать, а не то просплю здесь, пока не приедут слуги и не найдут меня, да и много чего еще может случиться. Открыв дверцу плиты, я поворошила угли кочергой, потом взяла шляпу мисс Тейлор, бросила ее в огонь и смотрела, пока ткань не превратилась в пепел, так что никто бы не определил, что именно здесь горело. Тогда я поплелась по коридору к подножию башни. Мурашки забегали по спине, когда я вспомнила, что случилось на лестнице днем. Я почти ждала, что увижу тень Тео, вытянувшуюся вдоль перил. Без него лестница показалась мне ужасно пустынной. Я перелезла через перила и поднялась. Все это время я гнала от себя мысли о Джайлсе, потому что все равно была бессильна что-либо изменить и как-то повлиять на происходящее. Однако в глубине души я тревожилась, что доза хлороформа могла оказаться слишком большой. Просто ужасно, если после всего, через что мне пришлось пройти, я собственноручно совершила то, чего боялась больше всего.

Поэтому, открыв люк и увидев, что Джайлс лежит на полу, я чуть не закричала от ужаса. Он лежал совершенно неподвижно и в свете луны казался бледным как труп. Несколько мгновений я не решалась подойти к брату, боясь, что самые худшие предположения оправдались. Но, приглядевшись, я увидела, что грудь его мерно поднимается и опускается, только тогда я и перевела дух.

Теперь мне предстояло как-то переправить Джайлса в его спальню и уложить в кровать. Я потрясла его, он пошевелился и что-то пробормотал, но я не смогла разобрать. Обхватив братишку сзади за плечи, я приподняла его и таким образом смогла подтащить его к открытому люку и уложить ногами к отверстию. Потом я спустилась на несколько ступенек, так что теперь высывалась из люка по пояс, и

немного подтянула Джайлса к себе. Какая же удача, что он такой маленький и легкий. Я потянула его за ноги и постепенно перетащила на ступеньки, так что он лежал на крутой лестнице чуть повыше меня.

В этот миг я чуть было не выпустила и не уронила Джайлса, до того напугал меня неожиданный резкий крик петуха. В самом деле, первые лучи алой зари уже коснулись неба, нужно было спешить, до появления слуг оставалось совсем немного времени. Мы сползали вниз медленно, по одной ступеньке. Я спускалась сама, затем подтягивала к себе братишку, и так мы добрались до первого пролета и лестничной площадки. Дальше все было намного проще. Я бережно опустила Джайлса на пол, поднялась наверх и захлопнула люк. Вернувшись к братцу, я подсунула под него плечо и понесла-повела его вниз по лестнице, как он водил меня, когда я повредила лодыжку. О следующем этапе я думала с опаской: нужно было перелезть через перила, а я чувствовала, что у меня не хватит сил даже на небольшое усилие. Когда мы добрались до *черезперильного* места, я уложила Джайлса на перила, свесив голову вниз. Удерживая его, чтобы не упал, я согнула и подняла одну его ногу, зацепила за перила, так что он улегся на них всем телом и повис, по одной руке и одной ноге с каждой стороны, совсем как бедняжка Тео. Я перебралась на внешнюю сторону и остановилась, чтобы передохнуть и отдышаться. Это последнее, что мне осталось сделать, повторяла я себе, самое последнее. Немного придя в себя, я потянула Джайлса, но не рассчитала сил и почувствовала, что падаю. Мы оба полетели вниз кубарем и свалились на пол, я внизу, Джайлс на меня. Ну да не страшно, падать было невысоко, и мы ничего себе не повредили. Я столкнула с себя братца, поднялась на ноги, рывком потянула Джайлса вверх, так что он тоже привстал, а потом просто подняла его и понесла на руках, благодаря судьбу за то, что я такая высокая и сильная, а он совсем малыш и почти ничего не весит.

Я дотащила его до спальни, раздела, натянула на него ночную рубашку и уложила в кровать. Выходя из комнаты, я задержалась в дверях и какое-то время наблюдала за тем, ровно ли он дышит и все ли в порядке. Убедившись, что все хорошо, я уже собралась выйти... но что-то нарушало эту мирную картину. Что не так? Я никак не могла понять и почти уже решила, что это просто обман чувств. Наверное, это ощущение возникло от сильной усталости, потому что, как я ни

старалась, не могла определить, что меня смутило. А потом вдруг поняла. Вот оно! Книга на этажерке рядом с кроватью. Как будто Джайлс мог читать перед сном!

Вернувшись, я взяла книгу и сразу узнала Библию мисс Тейлор, ту самую, в которой я нашла билеты на пароход. Сначала я решила было оставить ее лежать на этажерке. Я так устала, я до смерти хотела спать, и, в конце концов, ну могла же она забыть книгу. На самом деле гувернантка ее и впрямь забыла, ведь чемоданы-то были уже полностью уложены.

Но из-за того, что она забыла Библию, могут возникнуть лишние подозрения, кто-нибудь может усомниться в том, что она уехала, а сомнения мне не нужны. С книгой под мышкой я спустилась вниз, шатаясь как пьяница, потому что глаза у меня слипались, а ноги подкашивались. На кухне я открыла плиту, вооружилась кочергой и, снова раздув огонь, хотела уже бросить книгу в пламя, но тут из нее вылетел какой-то листок и, порхая, как бабочка, мягко лег на пол. Я подняла его и увидела фотографию. От усталости глаза у меня слезились, все двоилось, я уставилась на изображение, не в силах осмыслить то, что вижу.

Молодая женщина, на которую я смотрела, показалась мне знакомой — что-то в ее позе или платье, — я даже подумала, что видела ее раньше. Я изо всех сил пыталась вспомнить, но воспоминание ускользало, и это было так мучительно, что в ярости я чуть было не разорвала фотографию пополам.

Я сильно потрясла головой, потеряла глаза, снова уставившись в лицо женщины. И тогда я узнала. Ну конечно! Это была мисс Тейлор, правда молодая, без морщин и отметин, оставленных на ее лице временем, но с тем же решительным взглядом всезнайки, с той же самодовольной усмешкой. Я вздохнула с облегчением. Так вот почему она сразу показалась мне знакомой, теперь все объяснилось.

Я взяла Библию и отправила ее в печь, а следом и фотографию — пусть изображение ведьмы горит так же, как и сама она наверняка сгорит в аду. Я наблюдала, как языки пламени лижут края бумаги. Первой занялась верхняя часть фотографии, злобное лицо женщины почернело и исчезло. И тут, когда я смотрела на то, что осталось от ее фотографии, у меня снова возникло странное чувство узнавания, всплыло какое-то воспоминание, которое раньше все ускользало от

меня... теперь оно даже усилилось, захлестнуло меня, так что коленки задрожали, и я испугалась, что вот-вот свалюсь без чувств. Я потянулась, чтобы вытащить портрет из огня, но слишком поздно — бумага пылала, и мне пришлось отдернуть руку, чтобы не обжечься, а спустя мгновение все было кончено.

Невозможность вспомнить терзала меня, я думала об этом, поднимаясь по лестнице, и даже пожалела, что сожгла фотографию. Я была уверена, что сумела бы вспомнить, где раньше видела эту женщину, если бы рассмотрела ее как следует на свежую голову. Но сделанного не воротишь, и я уговорила себя, что нужно забыть о ней. Это воспоминание, решила я, не что иное, как игра воображения: от усталости, волнения и нечеловеческого напряжения сил я вижу то, чего нет.

Когда я добралась до своей спальни, было уже совсем светло. Слишком измотанная, чтобы снять платье и разобрать постель, я рухнула на кровать поверх покрывала и провалилась в глубокий сон.

31

Внезапно я почувствовала, как чья-то рука обхватила меня сзади за шею, а другая закрыла мне рот и нос какой-то тряпкой, так что я чуть не задохнулась. У тряпки был сильный, неприятный запах, напомнивший мне кабинет зубного врача, и...

Я проснулась. Я лежала в кровати, рядом никого не было. Это был просто дурной сон. Успокоившись, я начала было засыпать, но тут меня что-то кольнуло прямо в сердце, как кинжалом. Хлороформ! Что я за идиотка, если способна совершать такие чудовищные промахи! Выскочив из кровати, я бросилась к Джайлсу. Малыш по-прежнему сладко спал. Я нагнулась над ним. Запах хлороформа ощущался, и очень сильно! На миг задумавшись, я кинулась в комнату мисс Тейлор и возле умывального тазика обнаружила кусок туалетного мыла. Я понюхала обмылок. Он пах лилиями, аромат был таким сильным, будто я опустила лицо в букет живых цветов. Плеснув в таз воды из умывальника, я отнесла его в спальню Джайлса. Там я намочила полотенце, намылила и потерла ему лицо. Братец заворочался, замотал головой во все стороны, что было естественно для мальчугана, питавшего к воде отвращение, но не проснулся. В конце концов я убедилась, что от Джайлса пахнет лилиями, это, может, и странно, но, по крайней мере, не так, как запах хлороформа.

Я хотела положить на место таз и мыло, но чуть их не выронила, пораженная новой мыслью. Слякка хлороформа — что я с ней сделала? Я ощупала карманы. Пусто. Что, если я выронила ее в двучолке? Или еще где-нибудь — в конюшне, например? Удастся ли свалить это на мисс Тейлор, если слякку обнаружат? А может, и так будет понятно, что это лекарство имеет к ней какое-то отношение?

Тут меня осенило: скорее всего, я нигде не роняла слякку, просто она осталась там, где я ею воспользовалась, в башне. У меня вырвался вздох облегчения — там ее никогда не найдут! Я уже была на полпути к своей спальне, но вздрогнула от новой страшной мысли. Предположим, мисс Тейлор начнут всюду искать. Тогда есть вероятность, что могут добраться и до заброшенной башни. Особенно если обратятся в полицию. Такие люди, как Хедли, перевернут все вверх дном и заглянут под каждый камень. Я изменила маршрут и, развернувшись, поплелась в башню.

Едва просунув голову в люк, я сразу увидела слякку и носовой платок, лежавшие там, где я их оставила. Я поднялась в комнату, забрала то и другое и невольно улыбнулась. Ну вот! Теперь я обо всем позаботилась. Не осталось ничего, что могло бы меня выдать. Краешком глаза я уловила какое-то движение, посмотрела на аллею и в самом ее конце увидела телегу. Слуги возвращались!

На миг меня охватило смятение. Можно бы оставить слякку здесь, но это риск: вдруг я не успею подняться сюда и ее обнаружат? Так рисковать я не решилась. Но тогда нужно пошевеливаться, чтобы не попасться с поличным. Вниз в люк, оттуда на лестницу. Я опрометью бросилась к заднему ходу и побежала к озеру. Отодрав от стекла бумажку с надписью, я изорвала ее на мелкие кусочки и развеяла клочки по ветру. Спустившись к воде, я наполнила слякку до краев, а потом зашвырнула подальше в озеро.

Возвращаясь к дому, я подошла к колодцу, сунула платок в щель между досками и пальцем пропихнула поглубже, чтобы он упал в бездну. Теперь хлороформ усыпит плененную мисс Тейлор, невольно мелькнула у меня мысль.

Я проскользнула через задний ход, как раз когда слуги подошли к парадной двери. Я слышала их радостные, веселые голоса. Завернув за угол, я услышала, как Мег и Мэри *коридорят* по первому этажу. К

тому времени, когда они поднялись, чтобы выяснить, почему никто из нас не явился к завтраку, я уже мирно спала в своей постели.

32

— Итак, похоже, она уехала?

Я отхлебнула чаю — необходимо было сделать глоток, чтобы взять себя в руки.

— Да, уехала.

Капитан Хедли смотрел на меня бесконечно долго, пока я не почувствовала себя до того неудобно, что заговорила снова:

— Она просто сбежала ночью. Даже не попрощалась с Джайлсом. Последний раз ее видели, когда она садилась на поезд до Нью-Йорка. Она оставила нашу лошадь и двуколку у вокзала. Бедняжка Дрозд, ему пришлось простоять на холоде целую ночь.

Капитан Хедли снова пристально глядел на меня целую минуту, потом тряхнул головой и тоже сделал глоток из своей чашки. Мы сидели в гостиной. Капитана вызвали в Блайт-хаус вскоре после того, как он вернулся. Это произошло спустя почти месяц после того, как мисс Тейлор... уехала.

— Странно, что она вот так взяла да и скрылась. — Во взгляде капитана Хедли промелькнула насмешка. — Как вы полагаете, что могло подвигнуть ее на такой шаг?

— А может быть, это из-за вас? Я показала ей ваше письмо. Может, она решила, что ее могут как-то наказать... за подделку рекомендаций, например. Она уехала сразу после этого.

— Без Джайлса.

Я хихикнула, как будто бы над собой:

— Да, видимо, насчет Джайлса я ошибалась.

Капитан поднялся, держа в руках чашку с блюдцем, и, подойдя к окну, выглянул на улицу. Там было белым-бело. Уже наступил декабрь, зима стояла снежная. Капитан Хедли отхлебнул еще чаю:

— А это происшествие с миссис Граус? Гувернантка имела к нему какое-то отношение?

— О нет, сэр, я была рядом с мисс Тейлор, когда это случилось. Она тут ни при чем. — Странно было защищать своего старого врага, особенно зная, что она виновата, но меньше всего я хотела, чтобы мисс Тейлор обвинили в преступлении и капитан Хедли начал ее

разыскивать. Кто знает, под какие камни он способен заглянуть? — Я уверена, что и миссис Граус сказала бы вам то же самое.

— Если бы вспомнила хоть что-нибудь о своем падении.

Я опустила голову:

— Да, сэр, если бы только она вспомнила.

— Как она себя чувствует? Есть ли улучшение?

— Да, сэр. Она теперь почти совсем такая, как прежде, вот только ничего не помнит о том дне, когда упала. Доктор Бредли считает, что через несколько недель она уже сможет вернуться к своим обязанностям.

Капитан повернулся и посмотрел на меня долгим, всепроникающим взглядом, потом пожал плечами и поставил чашку с блюдцем на поднос:

— Ну что ж, мне пора. Рад, что все разрешилось.

Я шла рядом с ним.

— Да, сэр, спасибо вам.

— А у вас, полагаю, будет новая гувернантка?

— Ну да, сэр, конечно. Когда миссис Граус вернется и напишет дядюшке обо всем, что произошло.

В дверях гостиной капитан Хедли остановился и внимательно оглядел меня с ног до головы:

— Я только что заметил. Вы в черном.

— Траур. По молодому мистеру Ванхузеру, сэр.

Потрясенный, капитан смотрел во все глаза.

— Господи боже, да он же был совсем мальчик.

— Астма, сэр. Сильнейшее удушье. Мы все скорбим о нем, а доктор Бредли особенно.

— О да, доктора не любят терять пациентов.

— Дело не только в этом, сэр. Новый метод лечения, который он испытывал, потерпел фиаско. Доктор Бредли так надеялся, что сумеет победить астму своим пульверизатором. Теперь он говорит, что эксперимент провалился, раз он не смог спасти Тео, и что теперь придется ждать долгие годы, пока изобретут другое такое же эффективное средство.

— О, выходит, смерть молодого человека стала двойной трагедией.

— По крайней мере, бедняжка Тео больше не страдает так ужасно.

Капитан взял в руки шляпу:

— Что ж, полагаю, можно посмотреть на это и так.

Он развернулся и пошел к выходу, а я догнала его в холле и придержала для него дверь. Капитан Хедли надел пальто и шляпу.

— А что случилось с зеркалом? — внезапно спросил он.

Я проследила его взгляд, направленный на пустую раму на стене:

— Ах это... оно разбилось.

Снова пожав плечами, капитан вышел. Я смотрела, как он идет к своей лошади, а он вдруг остановился и, обойдя лошадь вокруг, направился куда-то в сторону. Закрыв дверь, я пронеслась по длинному коридору, вверх по лестнице и оказалась в своей башне. Это место осталось только моим, потому что Джайлс, проснувшись в тот день после долгого сна, ничего не вспомнил. Он рассказывал мне, что во сне гулял со мной и Тео в каком-то сказочном замке. Сон был очень явственным, рассказывал братец, можно было подумать, что все это взаправду, но я объяснила, что такого не могло быть, ведь Тео у нас в тот день не появлялся. Позднее мой братец не раз повторял, как ему хотелось бы, чтобы тот сон оказался явью, ведь Тео умер как раз в тот день, и Джайлс всей душой желал бы еще хоть раз повидаться с ним.

Выглянув в окно, я увидела, как капитан Хедли идет вдоль стены нашего дома. Завернув на задний двор, он двигался в направлении озера. Конечно, сейчас оно замерзло и было занесено снегом, его напало очень много, так что, если не знать про озеро, вы бы и не догадались о его существовании.

Капитан, конечно, про озеро знал. Он долго стоял, глядя на то место, где давным-давно, целую гувернантку назад, трагически погибла мисс Уитекер. Я размышляла, какой будет наша новая, третья гувернантка. Я думала о том, не окажется ли это снова мисс Уитекер, но ясно чувствовала, что этого не будет. Почему-то я была совершенно уверена, что на сей раз сумела навечно пленить ее дух. Странно, но отчего-то это меня совсем не тревожило, я была спокойна, понимая, что справилась с ней окончательно. Кроме того, у меня имелась моя башня, да и Джайлс, пока не явится наставница, тоже безраздельно принадлежал мне. Сейчас все у нас было, как в лучшие времена. Если повезет, на поиски новой учительницы потребуется время, а пока ее не

найдут, пусть все остается так, как и должно быть: мы с Джайлсом, только двое. Отныне ничто и никто нам не мешает.

Капитан Хедли резко развернулся и зашагал прочь от озера. Вот он миновал старый колодец, даже не взглянув на него, а потом исчез из виду. Перебежав на противоположную сторону своей *башнекомнаты*, я увидела из другого окна, как капитан выходит со стороны фасада. По высокому снегу он, спотыкаясь, добрался до лошади, вскочил в седло. Обернувшись на дом в последний раз, капитан пришпорил коня и поскакал по аллее. Я из своей башни провожала их взглядом, лошадь и всадника, сливающихся вдалеке в одно темное пятно, которое напоминало громадного черного грача на белом снегу.

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу поблагодарить Патрика Дженсона-Смита за неизменную поддержку, за внимание к моей работе, меткие замечания и полезнейшие предложения на разных этапах развития этой истории; Дженнифер Брель из издательства «Харпер Коллинз США» за здоровую критику в самом начале работы; моего агента Сэма Коупленда за его энтузиазм и вдохновляющую поддержку. Большое спасибо вам, Джек и Эдмунд Харперы, первые читатели книги, за ваши глубокие комментарии после прочтения первого варианта. Благодарю всех, кто помогал и поддерживал меня в последние несколько лет, а в особенности Саймона Тейлора.

notes

1

Блайт (*Blithe*) (англ.) — беспечный, жизнерадостный. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Гарри Флэшмен — отрицательный персонаж романа Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» (1857), жестокий, подлый и трусливый одноклассник героя.

«Тайны Удольфо» (1794) — роман английской писательницы Анны Рэдклифф.

Рапунцель — героиня сказки братьев Гримм, заточенная в башне и спускавшая вниз длинные косы, чтобы к ней мог подняться спаситель-принц.

Джо Гарджери, персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды», имел обыкновение от смущения вертеть в руках свою шляпу.

Готический роман Мэтью Грегори Льюиса (1775–1818).

В. Шекспир, сонет 94 в переводе А. М. Финкеля.

Кнут (Канут) Великий — король, правивший Англией с 1016 по 1035 г. По преданию, однажды потребовал вынести его трон на берег моря и приказал волнам повернуть вспять.

Пенелопа, чтобы отделаться от назойливых женихов, попросила их подождать, пока она закончит погребальный саван для свекра (в другом варианте — свадебное покрывало). Днем она ткала саван, а ночью распускала.

«Сердце-обличитель» — рассказ Э. А. По.

«Леди из Шалот» — поэма А. Теннисона о волшебнице, обреченной из-за заклятия вечно жить в замке Шалот.